

#10(62), 2020 część 5

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe
(Ukraina, Kijów)

Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

#10(62), 2020 part 5

East European Scientific Journal
(Ukraine, Kiev)

The journal is registered and published in Poland. The journal is registered and published in Poland. Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in **English, German, Polish and Russian.**

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

**Dawid Kowalik (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**

**Peter Clarkwood(University College
London)**

**Igor Dziedzic (Polska Akademia
Nauk)**

**Alexander Klimek (Polska Akademia
Nauk)**

**Alexander Rogowski (Uniwersytet
Jagielloński)**

Kehan Schreiner(Hebrew University)

**Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**

**Anthony Maverick(Bar-Ilan
University)**

**Mikołaj Żukowski (Uniwersytet
Warszawski)**

**Mateusz Marszałek (Uniwersytet
Jagielloński)**

**Szymon Matysiak (Polska Akademia
Nauk)**

**Michał Niewiadomski (Instytut
Stosunków Międzynarodowych)**

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

1000 kopii.

**Wydrukowano w Ukraina, Kijów,
Pobedy Avenu, 56/1, Biuro 115**

**Sp. z o.o."Grupa Konsultingowa
"Образование и наука"**

**Ukraina, Kijów, Pobedy Avenu, 56/1,
Biuro 115**

E-mail: info@eesa-journal.com,

<http://eesa-journal.com/>

**Reprezentacja czasopisma naukowego
w krajach afrykańskich.**

Republika Angoli.

ADAMSMAT_SU_LDA,

**Sede: Rio Longa_ prédio Z11 Quarteirão Z,
N*23, Município: BELAS, província: LUANDA**

E_mail: Adamsmat@mail.ru

Contribuinte n* 5417331007

Tel:+244-929527658

**Dawid Kowalik (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**

**Peter Clarkwood(University College
London)**

**Igor Dziedzic (Polska Akademia
Nauk)**

**Alexander Klimek (Polska Akademia
Nauk)**

**Alexander Rogowski (Uniwersytet
Jagielloński)**

Kehan Schreiner(Hebrew University)

**Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**

**Anthony Maverick(Bar-Ilan
University)**

**Mikołaj Żukowski (Uniwersytet
Warszawski)**

**Mateusz Marszałek (Uniwersytet
Jagielloński)**

**Szymon Matysiak (Polska Akademia
Nauk)**

**Michał Niewiadomski (Instytut
Stosunków Międzynarodowych)**

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

**Printed in the Ukraine, Kiev, Pobedy
Avenue, 56/1, office 115**

**LLC "Consulting group
"Образование и наука"**

**Ukraine, Kiev, Pobedy Avenue, 56/1,
office 115**

E-mail: info@eesa-journal.com,

<http://eesa-journal.com/>

**Representation of a scientific journal in
African countries:**

Republic of Angola

ADAMSMAT_SU_LDA,

**Sede: Rio Longa_ prédio Z11 Quarteirão Z,
N*23, Município: BELAS, província: LUANDA**

E_mail: Adamsmat@mail.ru

Contribuinte n* 5417331007

Tel:+244-929527658

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Abrazumova O. M. TRANSFORMATION OF THE POLITICAL CULTURE OF THE UKRAINIAN PEASANTRY IN THE 1920s.....	4
Бабенко О.В. МОСКОВСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.: ЮВЕЛИРНОЕ ДЕЛО	9
Дели А.П. ПРОСОПРОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДИНАСТИИ КНЯЖЕВИЧЕЙ.....	13
Дружинина И.А. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ АНТРОПОГЕННЫЙ ЛАНДШАФТ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ XXI В.	19
Зайцев С.І. РУШІЙНІ СИЛИ ПОВСТАНСЬКО-ПАРТИЗАНСЬКОГО РУХУ НА КАТЕРИНОСЛАВЩИНІ У 1917 – ПЕРШІЙ ПОЛОВИНІ 1920-Х РР.	24
Захаров С.В. МУЗЕЙНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М.К. ТЕНИШЕВОЙ	29
Клетнова Л.С. ВЛИЯНИЕ РЕКРЕАЦИОННО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА ПРИКОТОКЕЛЬЯ НА ЭКОСИСТЕМУ ОЗЕРА КОТОКЕЛЬ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ.....	32

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Yuldashev D.T. GENERALITY OF HUMAN THINKING IN ANTHRONYMS	44
Алиева С.А. СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ МЕДИАРЫНКА К УРОВНЮ ПОДГОТОВКИ МЕДИАСПЕЦИАЛИСТОВ	47
Белік К.А. ОБРАЗ ДИТИНИ В ПОВІСТІ «ПОДОРОЖНІ» Є. ГУЦАЛА.....	49
Вишницкая Я.С. СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ КОЛОРОНИМОВ В РОМАНАХ ДЭНА БРАУНА «КОД ДА ВИНЧИ», «АНГЕЛЫ И ДЕМОНЫ», «УТРАЧЕННЫЙ СИМВОЛ»	53
Kalashnykova M.Yu. VERBALIZATION OF THE ONLINE SOCIAL PROCESSES IN THE MODERN ENGLISH LANGUAGE	56
Кость С.А., Слотюк Т.В. УКРАЇНСЬКЕ ПИТАННЯ НА СТОРІНКАХ ЖУРНАЛУ «SPRAWY NARODOWOŚCIOWE» (1927–1929 РР.)	60
Мустафина Р.Д. ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ БАШКИРСКОЙ ПОЭЗИИ ВОЕННЫХ ЛЕТ	65
Олейник О.В., Уткина О.Л. МНОГОКОМПОНЕНТНЫЕ КОМПОЗИТЫ В БРИТАНСКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЕ	67
Смаглій В.М. БЛИЖНЯ ПЕРИФЕРІЯ КОНЦЕПТУ LANGUAGE	69

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Шиповская Л.П. ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК МОРАЛЬНОЕ КАЧЕСТВО ЛИЧНОСТИ	75
--	----

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(477-22)«192»(045)

Abrazumova O. M.

*Candidate of historical sciences,
Senior Lecturer, Department of Archeology
and Special Historical Disciplines,
Bohdan Khmelnytsky Cherkasy National University*

TRANSFORMATION OF THE POLITICAL CULTURE OF THE UKRAINIAN PEASANTRY IN THE 1920S

Абразумова Елена Николаевна

*кандидат исторических наук,
ст. преподаватель кафедры археологии
и специальных отраслей исторической науки
Черкасский национальный университета имени Богдана Хмельницкого*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ УКРАИНСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 1920-Е ГГ.

Summary. The article analyzes the formation and transformation of the political culture of the Ukrainian peasantry during the first decade of the establishment of Soviet power. The complex of measures and technologies of the Bolsheviks, which were used to control the socio-political activity of the majority of the population, is considered. The political mood of the population ranged from armed methods of resistance to power in the early and late 1920s, to democratic attempts to cooperate by discussing a range of social issues and the formation of independent civic peasant organizations in the middle of the decade. However, ignoring the demands and neglecting the interests of the majority of the population led to a critical aggravation of relations between the state and the peasantry.

Аннотация. В статье проанализировано формирование и трансформацию политической культуры украинского крестьянства в течение первого десятилетия утверждения советской власти. Рассмотрен комплекс мероприятий и технологий большевиков, которые использовались для взятия под контроль общественно-политической активности основной массы населения. Политические настроения населения колебались от вооруженных методов сопротивления власти в начале и в конце 1920-х гг., к демократическим попыткам сотрудничества путем обсуждения комплекса социальных проблем и образования независимых общественных крестьянских организаций в середине десятилетия. Однако, игнорирование требований и пренебрежение интересами большинства населения привело к критическому обострению взаимоотношений государства и крестьянства.

Abstract. Introduction. Given the difficult current stage of development of the Ukrainian state, it is extremely important to find the origins of the existing political culture of Ukrainians. **The purpose** of the article is to analyze the formation and transformation of the political culture of the Ukrainian peasantry during the first decade of the establishment of Soviet power.

Results. The article considers a set of measures and technologies of the Bolsheviks, which were used to control the socio-political activity of the majority of the population. The policy of the new government led to an increase in social activity of the peasantry. Elimination of illiteracy, creation of a network of reading houses, libraries, dissemination of information through print media, gradual establishment of radio stations, constant propaganda talks and lectures, demonstration of propaganda films, involvement of peasants in non-partisan conferences, their involvement in various public goods of the rural population in numerous election campaigns, the involvement of peasants in the formation of local authorities have become quite a powerful impetus to the development of public activity of the rural population and, in particular, the formation of initiative groups and centers to strengthen the participation and role of the peasant topical issues of village life.

These measures, according to the plan of the authorities, were aimed at enhancing the attractiveness of Soviet ideals. At the same time, they had a certain educational value and objectively contributed to the realization of the peasants' own interests. As a result, peasant society, having argued for radical changes in consciousness, in the 1920s became an active subject in the socio-political sphere of post-revolutionary society.

The originality of the study lies in the fact that the Ukrainian peasantry, which made up the vast majority of the population of the republic at that time, was considered the main object of socio-political transformations of the Bolsheviks.

Conclusions. The political mood of the population ranged from armed methods of resistance to power in the early and late 1920s, to democratic attempts to cooperate by discussing a range of social issues and the formation of independent civic peasant organizations in the middle of the decade. However, ignoring the demands and neglecting the interests of the majority of the population led to a critical aggravation of relations between the state and the peasantry, which later resulted in the tragedy of repression and the Holodomor.

Key words: political culture, new economic policy, social and political activity, public moods, public organizations, peasant movement.

Ключевые слова: политическая культура, новая экономическая политика, общественно-политическая активность, общественные настроения, общественные организации, крестьянское движение.

Introduction. The young Ukrainian state has a rather complicated political history. In less than thirty years of independence, Ukrainians, having gained the right to manage their own lives, have repeatedly demonstrated quite contradictory and ambiguous political decisions. Failures and failures automatically fall on the shoulders of the previous government, and the Ukrainian people are ready to experiment again. Therefore, the search for the origins of the formed political culture of Ukrainians is extremely important at present.

Ukraine belongs to the post-totalitarian countries. During the Soviet period of its history, our country has fully experienced all the mechanisms of social transformation tested by the Bolsheviks, including the formation of a new political culture. Therefore, today the appeal to overcome the origins of the problem is not only scientific but also practical. In this context, the NEP period is of special interest, because at this time there was not only economic growth of the Ukrainian countryside, but also the growth of civic activity, amateur initiative, the formation of strong sprouts of political culture of the majority of Ukrainian society – the peasantry.

Recent researches and publications. The historiography of the phenomenon of political culture of totalitarian societies is extremely numerous. In fact, its study by Western researchers dates back to the establishment of these regimes and is relevant in the postwar period [1]. In domestic historiography, the understanding of political culture under totalitarianism has been gaining momentum since the late 1980s and early 1990s. The scientific paradigm and methodology of research of political culture as a socio-cultural system and process are proposed in the monograph of O. Rudakevich [3]. In the last decade, Ukrainian scholars, including K. Goloveshkina [3] and O. Posvistak [4], have actualized the study of the formation of mass political culture in the 1930s.

Originality. However, even today, researchers overlook the transformation of the political culture of the Ukrainian peasantry, despite the fact that it was the vast majority of the population and was actually the object of transformation of the Bolsheviks. This is due to the author's appeal to her study.

The purpose of the article is to study the transformation of the political culture of peasant society during the 1920s.

Results. The long period of military and political upheavals of 1917-1921 could not but affect the mass consciousness of the peasantry. Fierce armed confrontation and profound changes of socio-political and socio-economic nature led to a significant transformation of the basic principles of the peasant worldview. In these specific conditions, the bulk of the Ukrainian population – the peasantry – witnessed not only the breakdown of civilization, but also an active participant in these events.

The rejection of the radicalism of the war years stimulated the normalization of society. At the same time, peasant society, having been subjected to radical changes in consciousness, became an active subject of the socio-political sphere of post-revolutionary society in the 1920s.

To a large extent, the very policy of the new government led to an increase in the social activity of the peasantry. Elimination of illiteracy, creation of a network of reading houses, libraries, dissemination of information through print media, gradual establishment of radio stations, constant propaganda talks and lectures, demonstration of propaganda films, involvement of peasants in non-partisan conferences, their involvement in various public goods of the rural population in numerous election campaigns, the involvement of peasants in the formation of local authorities have become quite a powerful impetus to the development of public activity of the rural population and, in particular, the formation of initiative groups and centers to strengthen the participation and role of the peasant topical issues of village life.

These measures, according to the plan of the authorities, were aimed at enhancing the attractiveness of Soviet ideals. At the same time, they had a certain educational value and objectively contributed to the realization of the peasants' own interests.

During the NEP years, the socio-political life of the village became increasingly under the control of the Soviet authorities. In fact, the civil life of the Ukrainian village of the NEP era was characterized by two contradictory tendencies: the first was the desire for democratization, which was spontaneously formed in the minds of the peasant masses awakened by the revolution; the second is artificially imposed authoritarian authoritarianism.

The Soviet government, ostensibly declaring its devotion to the interests of the broad masses of the people and, consequently, «true» democracy, albeit with the frank stipulation that it operates under the dictatorship of the proletariat, contributed in every way to the creation of new public associations. According to the then understanding of the socialist (communist) perspective, they were to fill all spheres of life in Soviet society. The authorities declared the activities of public organizations as an integral, necessary part of building socialism. In view of this, their main task was to focus their efforts on the practical implementation of party and government directives.

Their organizational formation was the result of purposeful efforts of party organizations, which involved state, trade union and other Soviet structures in solving this problem. They also defined the mechanism of activity of public associations, filling it with the necessary content of the party. The Soviet system of public associations emerged with the priority of socio-economic issues in society. As you know, the state, not having the material means to solve them, was

forced to go to the proclamation of a new economic policy, in other words, to allow the economy a private, individual initiative. The public sphere is no exception. The authorities turned to non-governmental organizations for support not only to solve urgent practical problems of the country's socio-cultural development. First of all, it was a question of strengthening the state ideological and political influence on the apolitical masses of the traditionally self-sufficient Ukrainian people, the basis of which was the peasantry. It was no big secret that in the peasant environment, in contrast to the working class, the positions of the Bolsheviks, the Soviet government, were shaky. In an effort to influence this sphere, which is inaccessible to its political and organizational activities, the authorities came to understand the need to develop structures of indirect influence on the Ukrainian peasantry.

The activities of public associations in the 1920s were strictly regulated by law. The Bolsheviks made efforts to completely eliminate all pre-revolutionary civil societies and unions. However, even the quasi-social life of the Soviet type could not find itself in a complete vacuum. Therefore, objectively, there was a need to create a new network of «public infrastructure», a network of voluntary public organizations of the Soviet orientation, or at least coloring. They were to ensure the interaction of power with various social groups in order to solve certain problems in the state or to meet the urgent needs of the people.

Reflecting on the range of problems facing the ruling party, M. Bukharin stated that the colossal «bureaucracy» that emerged during the years of «military communism» has all the signs of party isolation, and a «void» has formed between the Bolshevik government and the people. He saw the opposition to this phenomenon in filling the vacuum with hundreds and thousands of small and large, quickly created on a voluntary basis societies, circles, associations, which were to ensure effective communication between the ruling party and the people. They were to promote decentralized initiative and create a chain mechanism through which the party could influence and listen to public opinion. In this way, the growth of public consciousness was to lead to the reproduction of social tissues torn apart by the war [5, p. 179].

In a relatively short time, freedom of association has been transformed from a citizen's right into one of the powers of a state body. In fact, it was the state that created non-state formations and managed them itself. For example, the state could regulate the species structure of public associations, their number, indicate the need to create or eliminate certain of them. For example, in the resolution of the Organizing Bureau of the Central Committee of the RCP (b) of February 1, 1925, special attention was paid to the problem of mass organizations in rural areas: to the peasantry. In the near future, it is considered possible for the party to actively promote in the village such organizations as «Down with illiteracy» and societies related to the country's defense» [6, p. 13].

In the eyes of the ruling party's leadership, the Ukrainian countryside was a special traditionally

conservative environment of «petty-bourgeois producers». With this in mind, the state set before all parts of the Soviet party-state apparatus an urgent task: to consolidate its power in the countryside by all means. First of all, it meant extending its influence to as many peasants as possible. Involvement of the rural population in active social and political life in any of its forms was to contribute to the accomplishment of this difficult task. To this end, in the 1920s the party launched an active campaign in the Ukrainian countryside, aimed at establishing the activities of numerous professional, national, youth, women's, cultural and educational, even scientific societies and organizations. Among other tasks, their diversity and mass character should indicate broad support for the rural population of the Soviet government.

Public organizations, working closely with government agencies and the ruling party, occupied one of the key places in the socio-political life of the country. In the second half of the 1920's, millions of peasants were involved in various public organizations: the Komsomol, trade unions, the Committees of poor peasants, peasant mutual aid societies, women's delegate meetings, workers of Selkoriv, Tsoaviahim, Bezbozhnyk, Friends of Children, Kultzmychka, «Down with illiteracy», «Anti-alcohol society», «Friends of the radio», «Society for the promotion of young Leninists», etc. In this way, the party penetrated the village, asserting its power.

The priority principle of organizing the work of these societies in the then «liberal period» of rural life was open centralism. Such a system was to gradually accustom the freedom-loving peasantry to accept the will of others imposed on them. A common shortcoming of Soviet-era civil society was the formalism in their activities and the low interest of the population in their existence. Deprived of local initiatives, members of organizations, especially in rural areas, often did not show business activity. There were cases when village centers existed only on paper.

At the same time, it cannot be ruled out that mass societies were endowed with independence and democracy in internal organization and functioning (relative freedom of speech of participants at meetings and conferences, election of governing bodies). This made it easier for mass voluntary societies to solve their statutory tasks, assist the Soviet state in implementing its socio-cultural policy (eliminate illiteracy, and combat child homelessness), and assist the ruling party in spreading its political and ideological attitudes.

In the late 1920s, the policy of the Soviet government towards public associations in the Ukrainian countryside underwent significant changes. The main trend has been to break the existing system of public organizations by liquidating them or by encouraging them to reorganize into a new type of association. As a result, there has been an overall reduction in the number of public associations. At the same time, in a number of cases, the then network was supplemented by new mass organizations. However, the dominant tendency for all of them was the rigid subordination of their activities to the total control of the party-state machine, their reorientation from solving mostly public to purely political and

ideological tasks. The party-state apparatus, having established virtually total control over all spheres of peasant life, secured a complete monopoly. In this way, the Ukrainian peasantry found itself in the grip of totalitarianism.

During the years of the new economic policy, despite the opposition of the strengthening totalitarian system, the active development of various, really active, original public organizations of the Ukrainian peasantry continued. Their creation and activities were not initiated by the authorities or remained little controlled by the state. They became an important factor in all spheres of life in the village of that time.

The Ukrainian peasantry in the 1920s was not an inert, conformist mass, incapable of active socio-political initiative. On the contrary, the ancient historical traditions of local self-government, along with the democratic conquests of the revolution of 1905–1907 and the national liberation struggles of 1917–1921, intensified the socio-political life of the village. Evidence of this is the fact that in the early 1920's in the countryside there was an extensive network of various economic, cultural, educational and social organizations.

The traditional democratic nature of the adoption and implementation of important cultural, educational, socio-economic decisions by mass peasant organizations became one of the determining factors in the dynamic development of the Ukrainian village in the 1920s. However, the active development of influential self-governing peasant organizations provoked growing opposition. The latter officially proclaimed the «dictatorship of the proletariat» the cornerstone of the new political system. The results of the activities of self-governing peasant organizations in the 1920s convincingly testify to good prospects under favorable, non-Bolshevik conditions and a significant unrealized potential for their further development.

The growth of socio-political activity of the Ukrainian peasantry often did not fit into the norms officially established by the Soviet authorities. In the 1920s, so-called informal (illegal) organizations functioned in the Ukrainian countryside. They were not legally registered, created spontaneously at the initiative of the «bottom», in accordance with the perceived common interests. Non-Bolshevik public associations (which were not involved in politics) usually operated without a clear program, on the principles of self-government.

During 1922–1924, all societies and unions were re-registered. To do this, they sent to the NKVD submissions, statutes, lists of members. The NKVD coordinated the issue of approving the statutes with the OGPU and with the relevant People's Commissariats, to which this or that organization was subordinated. As a result of such openly prohibitive actions by the authorities, by the second half of 1925, virtually no legal non-Soviet public organization remained throughout Ukraine. Only those public organizations remained in the village, in the cultural and educational activities of which the state was interested, but they were also under state and ideological control. Exercising a monopoly on power, the party constantly and systematically used anti-democratic methods and

techniques to combat social movements opposed to the government. To implement their ideas on the establishment of totalitarianism

In order to realize its ideas of establishing totalitarian statehood, the party leadership planned to rely on a system of fully state-owned public organizations, unions, and various associations of a purely Soviet orientation. There was no place for an independent peasant public initiative in the new state of the «dictatorship of the proletariat».

Already in the first months of its establishment in Ukraine, the Bolshevik government took a clear course to ensure that all public organizations of Soviet society, without exception, formed a single system of mass non-partisan structures. They were to serve as a reliable guide to the policies of the ruling party in the masses. With their help, it would not only broadcast its will to the people, but could also adjust public policy if necessary, taking into account changes in the mood of the masses. The system was to be built and function, like the ruling party itself, on the principles of «democratic centralism». He ruled out the possibility of any real organizational autonomy and independence in decision-making.

Against the general background of numerous forms and directions of peasant public self-organization in the 1920s, the movement for the creation of peasant unions and other rural associations close to it in spirit and direction stood out. We believe that this was the most organized and widespread form of social activity, truly massive and progressive. Social movements have a mass character and are created for a specific purpose. However, in contrast to clearly structured public organizations, these are unorganized mass associations of citizens of different socio-political orientations, whose activities are usually temporary and often aimed at performing only certain, usually tactical tasks. After that, they either disintegrate or consolidate into new political parties or public structures. The creation of a peasant union (union) became the most popular and widespread slogan of the socio-political sentiments of the Ukrainian peasantry in the 1920s. Note that in the 1920s the sentiments about the creation of peasant unions were recorded in almost all republics of the Soviet Union. In terms of scale of distribution, Ukraine ranked second after the Central Black Earth of the RSFSR. Peasants in Zaporizhia, Kherson, Zinoviev and Dnipropetrovsk districts were especially active in this regard [7, p. 787].

In response, the Soviet authorities tried to explain the popularity of the idea of peasant unions by the presence in the countryside of a large number of leaders of local and regional branches of Ukrainian national parties, active participants in the agrarian movements of 1902-1917, and other «dark elements». Among the reasons for the great interest in the idea of creating their own union was also the preservation in the people's memory of the role of peasant unions in the insurgent movement during the Ukrainian National Revolution [7, p. 786].

Archival data and periodicals of the 1920s testify to the fact of extraordinary social activity of peasants. Their analysis occupied an important place in the then political technologies of the Soviet government.

Numerous special surveys, secret reports and reports of the period show that, despite the fact that in different regions of Ukraine there were some differences in the causes, currents, members of informal community centers, there was a common tendency to increase the peasant movement. It had a wide range of varieties. Thus, the opposition of the population ranged from armed methods of resistance to the authorities in the early and late 1920s, to democratic attempts to cooperate by discussing a range of social problems and the formation of independent public peasant organizations.

The direction and nature of the peasant movement were striking indicators of the reaction of the rural community to Soviet policy in the countryside. The emergence of such movements was complex in nature and was due to many factors. There were also purely subjective factors. Usually the movement occurred spontaneously and unsystematically, which is typical for transition periods. Ignoring the demands and neglecting the interests of the majority of the population led to a critical aggravation of relations between the state and the peasantry in the late 1920's.

These measures have every reason to be called a state counter-revolution against the peasant revolution. The dominant principles of the establishment of Soviet power in the Ukrainian countryside were as follows: division of the village on property grounds, granting artificial advantages to the proletarian strata, manipulation of the norms of representation in elections to councils, multilevel way of their construction, struggle against Socialist-Revolutionary parties. peasantry. Village councils were staffed solely on the basis of their obedience – from people completely loyal to the government. Opposition-minded peasants were not allowed to participate in the election process. The right to recall deputies did not exist, deputies were not accountable to voters, and executive committees were not accountable to councils, which were effectively cut off from the masses.

The ruling party, establishing a totalitarian society, created a holistic system of administrative, political and ideological influence and control over all segments and age groups. It supported only regime-loyal public organizations operating in rural areas.

Conclusions. During the 1920s, the socio-political thought of the peasants was the object of meticulous attention of the Bolsheviks. They used it in their technologies to establish the Bolshevik government. Numerous special surveys, secret reports and reports of the period show that, despite the fact that in different regions of Ukraine there were some differences in the causes, currents, members of informal community centers, there was a general trend of growing peasant movement, which had a wide range. Thus, the opposition of the population ranged from armed methods of resistance to the authorities in the early and late 1920s, to democratic attempts to cooperate by discussing a range of social problems and the formation of independent peasant organizations.

The direction and nature of the peasant movement were clear indicators of the reaction of the rural community to certain steps of the Soviet government. The emergence of such movements was complex in

nature and was due to many factors, including subjective ones. Ignoring the demands and neglecting the interests of the majority of the population led to a critical aggravation of relations between the state and the peasantry in the late 1920's. Authorities failed during the 1920's. To curb the peasantry, to suppress the peasant revolution. This was done in the early 1930's. The tools of extermination of the peasantry of Ukraine, the peasant revolution were tax policy, forced collectivization, the Holodomor of 1932-1933.

References (in language original)

1. Арендт Х. Джерела тоталітаризму / Х. Арендт ; пер. з англ. – К. : Дух і літера, 2005.
2. Рудакевич О. Політична культура національних спільнот: теорія та методологія дослідження : моногр. / О. Рудакевич. – Тернопіль : ТНЕУ, 2013.
3. Головешкіна К. Феномен масової політичної культури в тоталітарних суспільствах / К. Головешкіна // Сучасна українська політика. Політики і політологи про неї. – К., 2011. – Вип. 22. – С. 395–403.
4. Посвістак О. А. Формування масової політичної культури в радянському суспільстві 1930-х років / О. А. Посвістак // Наукові записки [Вінницького державного педагогічного університету імені Михайла Коцюбинського]. Серія : Історія. – 2014. – Вип. 22. – С. 209–212.
5. Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938: Пер. с англ./ Общ. ред., послесл. и коммент. И. Е. Горелова. – Москва : Прогресс, 1988.
6. Центральний державний архів громадських об'єднань України. – Ф. 1. – О. 20. – Спр. 1270.
7. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: Документы и материалы: В 4 т. Т. 1 : Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ. 1918–1922 / Редкол.: А. Берелович (отв. ред.) и др. – Москва : РОССПЭН, 1998.

References:

1. Arendt Kh. (2005). Sources of totalitarianism (Dzherela totalitaryzmu). Kyiv: Dukh i litera (in Ukr.).
2. Rudakevich O. (2013). Political culture of national communities: theory and research methodology (Politychna kultura natsionalnykh spilnot: teoriya ta metodolohiya doslidzhennya). Ternopil: TNEU (in Ukr.).
3. Holoveshkina K. (2011). The phenomenon of mass political culture in totalitarian societies (Fenomen masovoi politychnoi kultury v totalitarnykh suspilstvakh). Suchasna ukrainska polityka. Polityky i politolohy pro nei (Ukrainian policy is very modern. Politicians and politologists about her), 22, 395–403 (in Ukr.).
4. Posvistak O. A. (2014). Formation of mass political culture in Soviet society in the 1930s (Formuvannia masovoi politychnoi kultury v radianskomu suspilstvi 1930-kh rokiv). Naukovi zapysky [Vinnytskoho derzhavnoho pedahohichnoho universytetu imeni Mykhaila Kotsiubynskoho]. (Scientific notes [of the Vinnytsia sovereign

pedagogical university to the name of Mikhail Kotsyubinsky]). Seria : Istorii, 22, 209–212 (in Ukr.).

5. Koen S. (1988). Bukharin. Political biography. 1888–1938 (Bukharin. Polytycheskaia byohrafiia). 1888–1938. Moskva: Prohress (in Russ.).

6. Tsentralnyi derzhavnyi arkhiv hromadskykh obiednan Ukrainy. – F. 1. – O. 20. – Spr. 1270 (in Ukr.).

7. Soviet village through the eyes of the Cheka-OGPU-NKVD. 1918–1939: Documents and materials:

In 4 vols. Vol. 1: Soviet village through the eyes of the Cheka – OGPU. 1918–1922 (Sovetskaia derevnia hlazamy VChK–OHPU–NKVD. 1918–1939: Dokumenty i materyaly: V 4 t. T. 1 : Sovetskaia derevnia hlazamy VChK – OHPU. 1918–1922). Redkol.: A. Berelovych. 1998. Moskva : ROSSPEN (in Russ.).

УДК 93

ГРНТИ 03.23.31

Babenko Oksana Vasil'evna

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

ID ORCID 0000-0003-2138-2848

MOSCOW ART INDUSTRY IN THE SIXTH AND EARLY XXTH CENTURIES: JEWELRY MAKING

Бабенко Оксана Васильевна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук

МОСКОВСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.: ЮВЕЛИРНОЕ ДЕЛО

Summary. The article discusses the development of jewelry in Moscow in the XIXth – early XXth century. It provides a history of jewelry making in Russia. The author analyzes the emergence of large enterprises in this field. Special attention is paid to the firms of P.F. Sazikov, P.A. Ovchinnikov and O.F. Kurlyukov. The achievements of Moscow factories at all-Russian and international exhibitions are noted. The conclusion is made about the great importance of jewelry in the art industry of Moscow.

Аннотация. В статье рассматривается развитие ювелирного дела в Москве XIX - начала XX вв. Приводится предыстория ювелирного дела в России. Автор анализирует появление крупных предприятий в данной сфере. Особое внимание уделяется фирмам П.Ф. Сазикова, П.А. Овчинникова и О.Ф. Курлюкова. Отмечаются достижения московских фабрик на всероссийских и международных выставках. Делается вывод о большом значении ювелирного дела в художественной промышленности Москвы.

Keywords: art industry, Moscow, jewelry, gold-silver business, factory.

Ключевые слова: художественная промышленность, Москва, ювелирное дело, золотосеребряное дело, фабрика.

Постановка проблемы. Вопросы развития художественного производства в Москве XIX – начала XX века до сих пор мало изучены. Взаимосвязь развития экономики и культуры России также недостаточно показана в отечественной историографии, но именно она находится в основе художественной промышленности. Москва же всегда была важнейшим центром русской художественной культуры, в котором развивались различные ремесла и промыслы. Как отмечает А.П. Лихачёва, именно Москва «превратилась в “мануфактурную столицу”, заложив базу на десятилетия вперед для развития особого вида промышленности, сочетавшей в себе как ремесло, так и подлинное искусство» [7, с. 140]. А XIX – начало XX века – это время расцвета художественной промышленности Москвы.

Следует также отметить, что термин «художественная промышленность» (нем. «Kunstgewerbe») начал использоваться в России только в XIX веке. Соответственно, употреблять его

корректно только применительно к эпохе капитализма и более позднему времени. Предприятия художественной промышленности выпускали предметы декоративно-прикладного искусства, дорогие ткани. Для XIX века они считались роскошью. Точного определения понятия «художественная промышленность» в научной литературе нет. Этот теоретический вопрос ждет своего вдумчивого исследователя. Однако нельзя приступать к изучению отдельных аспектов рассматриваемой проблемы, не дав ей собственного определения. Итак, под художественной промышленностью мы понимаем производство серийных и массовых художественных изделий, составляющих существенную часть бытовой материальной культуры общества. Исследовать развитие художественной промышленности очень сложно из-за широты данной проблематики. Поэтому мы сосредоточились на ювелирном деле – важнейшей отрасли художественной промышленности Москвы. Необходимо отметить, что ювелирное дело отчасти включает в себя

обработку металла, а именно то, что в научной литературе называют «золотосеребряным делом».

Основная часть работы. В отечественной науке существует ряд трудов о золотосеребряном деле России и Москвы как одного из важнейших его центров [4;9]. Опубликованы также немногочисленные работы общего характера об искусстве русских ювелиров [2], обработке металла, в том числе драгоценного [6;7], производстве предметов роскоши [1]. В целом данная проблематика еще недостаточно разработана, немногие исследователи занимаются ей. Перечисление небольшого количества научных трудов по рассматриваемой теме позволяет нам перейти к ее сути.

Человек древле любил себя украшать, знал драгоценные металлы и камни. Материалом для изготовления драгоценных украшений, предметов быта и церковной утвари на протяжении многих веков служили золото, серебро и платина. Эти металлы обладают рядом свойств, позволяющих достаточно легко их обрабатывать.

Истоки художественной промышленности России следует искать в ремеслах Древней Руси (ювелирное дело, золотое шитье, резьба по дереву и т.д.). Как справедливо отметил академик Б.А. Рыбаков, руками древнерусских горожан «создавалась вся бытовая часть феодальной культуры: крепости и дворцы, белокаменная резьба храмов и многокрасочная финифть на коронах и бармах, корабли с носами “по-звериному” и серебряные браслеты с изображением русальных игрищ» [10, с. 11]. В X-XI вв. мастера Киевской Руси достигли существенных успехов в обработке серебра. Они применяли технику перегородчатой эмали, зерни, скани, чеканки, гравирования. Продукцию ремесел использовала верхушка русского общества. В средневековой Москве при Царском дворе существовали Царская мастерская и Оружейная палата, где особое внимание уделялось золотому и серебряному делу. М.М. Постникова-Лосева, Н.Г. Платонова и Б.Л. Ульянова утверждают, что «в развитии русского золотого и серебряного дела первое место занимала Москва» [9, с. 69]. В XV в. московское золотосеребряное искусство, впитавшее в себя традиции древних удельных центров, становится ведущим.

С конца XVII в. в Россию начали проникать европейские веяния, а в первой четверти XVIII в. они уже играли существенную роль в высших кругах общества. Внедрение в дворцовую и общественную жизнь европейской моды повлекло за собой изменения в одежде: ее стали украшать знаками отличия согласно чинам и должностям. Профессия мастера золотосеребряного дела приобрела еще большую актуальность.

Художественное производство начало обретать отчетливые формы при Петре I в связи с возникновением мануфактур. На первых мануфактурах работали иностранные мастера с высокой квалификацией. Художественное производство стало более активно развиваться после обнародования указа от 5 ноября 1723 г. «О заведении в России фабрик, об

освидетельствовании мастеров, вывезенных из других стран» и Регламента мануфактур-коллегии, содержавшего информацию о гарантиях для мастеров-иностранцев. Тем не менее в первой половине XVIII в. в Москве наблюдается некоторый упадок золотого и серебряного производства. М.М. Постникова-Лосева, Н.Г. Платонова и Б.Л. Ульянова связывают это с ухудшением финансовой ситуации в стране и переносом столицы в Петербург, «куда были вызваны лучшие мастера-серебряники Москвы» [9, с. 78]. Но уже во второй половине XVIII в. начался подъем серебряного дела. Серебряные предметы того времени сохранились в большом количестве и отличаются разнообразием форм, сюжетов, орнаментации.

По данным на 1775 г., в Москве существовало несколько мануфактур золотосеребряного дела: предприятие «Егора Солодовникова наследников Ивана Петрова и Василья Мамонова», мануфактура волоченного и плащенного золота Ильи Докучаева с товарищами, сусальная мануфактура листового золота и серебра Михаила Шорина, четыре мишурные мануфактуры (они занимались производством золотых, серебряных и латунных нитей, а также изделий на их основе) и позументное (позумент – это тесьма, шитая золотом или серебром) предприятие Алексея Плавилщикова.

Для XIX века был характерен быстрый рост художественного производства: увеличивалось количество мастерских, некоторые из них были в той или иной степени механизированы. Если в первой половине XIX столетия техническое перевооружение промышленности только началось, то во второй половине века происходил бурный рост промышленности, получило распространение крупное капиталистическое производство. Однако ювелирное дело Москвы все еще существовало в рамках цеховых организаций (Серебряный, Ювелирный и Позументный цеха), находившихся под контролем правительства. Оно превратилось в контролируемое сверху ремесло в 1840 г., когда было опубликовано «Положение о пробирных палатках для испытания и клеймения золота и серебра». Пробирные уставы издавались также в 1861, 1882 и 1896 гг. Уже в начале XIX в. работали позументные, плющильные и волочильные фабрики. По сведениям Е.Ф. Зябловского, таких фабрик в Московской губернии было 24 [3, с. 58].

Кроме изготовления ювелирных изделий, мастера первой половины XIX в. занимались отделкой интерьеров, производством дорогой посуды, созданием изысканных украшений для одежды, изготовлением различных предметов роскоши. Но все же большая часть московских ремесленников занималась галантерейным производством, то есть изготавливала кольца, серьги, цепочки и т.п. Значительная часть мастеров имела стразовое производство. Страз – это искусственный камень, изготавливаемый из хрусталя и свинца; он имитировал драгоценный камень. Стразами украшали броши, кулоны, серьги и проч.

Однако в первой половине XIX века крупных предприятий художественной промышленности

практически не было. В то время в Москве существовало только одно масштабное ювелирное производство – фирма «Сазиков», основанная в конце XVIII в. купцом П.Ф. Сазиковым. Э.Г. Истомина называет Сазикова «искусным гравером, мастером серебряных дел» [4, с. 317]. Его дело продолжили сын и внуки. Сазиковы получили известность благодаря изготовлению ювелирных изделий из золота, серебра и драгоценных камней. Кроме того, они одни из первых начали изготавливать предметы в русском стиле. Фирма Сазиковых носила звание «Поставщик Двора Его Императорского Величества», выполняла заграничные заказы. Ассортимент их производства был широк: столовые и чайные сервизы, столовые приборы, подносы, другие предметы домашнего обихода, церковная утварь. Особое развитие получила у них техника чеканки и литья. Фирма Сазиковых удостоилась высшей награды на Всемирной промышленной выставке в Лондоне в 1851 г. А в 1882 г. она получила высшую награду на Всероссийской художественно-промышленной выставке – «Государственный герб».

Художественным производством занимались цеховые и вольные мастера, имевшие собственные мастерские. Цеховые работники, обладавшие своими мастерскими, трудились прежде всего в московских цехах – цехе золотого и ювелирного мастерства, ювелирном алмазном цехе и др. Некоторые частные мастерские превращались в фабричные предприятия. Существовала профессиональная «золотосеребряная» элита. Как пишет Э.Г. Истомина, «чаще всего это были наследники (2-3 поколения) первых предпринимателей, открывших свое дело» [4, с. 320].

Фирма Сазиковых долго оставалась крупнейшим ювелирным и золотосеребряным производством в Москве. И только в 1851 г. серебряных дел мастер П.А. Овчинников основал на Швивой горке торгово-производственный комплекс (фабрику и магазины). Впоследствии он стал одним из лучших в России. Фабрика выпускала столовые приборы, кабинетные вещи, церковную утварь. В 1871-1875 гг. при ней была создана школа для подготовки мастеров золотосеребряного дела. При фабрике было возведено двухэтажное здание, на первом этаже которого находились мастерские, а на втором – общежитие. Срок обучения в школе составлял 5-6 лет. В 1865 г. фирма была удостоена звания поставщика Двора цесаревича Александра Александровича, а в 1878 г. – звания поставщика Двора великого князя Михаила Николаевича. Дело П.А. Овчинникова продолжили его сыновья. Торгово-промышленный комплекс закрылся только в 1917 г.

В 1825 г. в Москве на средства попечителя Московского учебного округа С.Г. Строганова была открыта первая рисовальная школа. Большую часть ее учащихся составляли подмастерья и ученики, работавшие в мастерских и на фабриках. Школа была многопрофильной и готовила не только рисовальщиков, но и «золотых и серебряных дел

мастеров» [5, с. 198].

Следует отметить, что для открытия фабрики или цеха необходимо было иметь достаточную материальную базу и глубокие знания в ювелирном деле. Кроме того, следовало закупить современное оборудование и нанять высококвалифицированный персонал, которому нужны были хорошие условия труда и достойная заработная плата. В 1860-1870-е гг. в Москве существовало 15 фабрик, работавших в сфере золотого и серебряного производства. Помимо фабрик Сазикова и Овчинникова, существовали также ювелирные производства А.И. Зевакина, А.А. Зенгбуша, Д.И. Орлова, А.М. Постникова, И.П. Хлебникова, И.Д. Чичелева и др. В 1870-е гг. самые крупные предприятия обслуживало от 100 до 200 человек. Они были хорошо оснащены в техническом отношении. Так, например, на фабрике И.П. Хлебникова имелись вальцевальные, гильоширные, сверлильные и шлифовальные машины, прессы, кузница, паровая машина. Продукция наиболее процветающих фабрик была отмечена наградами международных выставок в Лондоне, Эдинбурге, Париже, Чикаго и других городах. При некоторых предприятиях существовали специализированные школы. Так, например, при фабрике А.М. Постникова работала школа по подготовке мастеров-ювелиров на 47 человек.

Помимо золотосеребряного дела в Москве существовало канительное производство – в литературе принято рассматривать его отдельно [7, с. 145]. Канительщики занимались выпуском серебряной плащени с позолотой, листового золота, канители (золотых и серебряных нитей, служивших для украшения одежды, конской упряжи, фуляров оружия и др.), позолоченной и посеребрянной мишурной проволоки и т.п. В 1872 г. в Москве работали канительные предприятия А.В. Алексеева, Н.Л. Иванова, А.Н. Крючковой, С.Ф. Мадаева. Как отмечал в конце XIX в. Н. Матисен, на ряде предприятий золотосеребряной отрасли изготавливали золотую парчу, бахрому, золотую и серебряную канитель, офицерские и гражданские погоны, золотые эполеты, вышитые золотом плащаницы, золотые и серебряные сетки и др. [8, с. 128].

В 1882 г. вышел новый Пробринный устав, который лишил золотосеребряное производство статуса ценового ремесла. Это позволило специалистам открыть большое количество новых мастерских. В то время самое крупное предприятие, относящееся к сфере золотосеребряного дела, принадлежало И.П. и С.П. Вишняковым. Э.Г. Истомина на основе архивных данных утверждает, что в конце XIX в. «внутренняя потребность России в золотых и серебряных изделиях удовлетворялась собственным производством на 94%» [4, с. 325].

К 1893 г. количество фабрик золотосеребряного дела в России увеличилось до 21, большая их часть работала в Петербурге и Москве. В приемы обработки драгоценных металлов была внедрена механизация. Так, гладкое серебро стали получать механическим путем, а

чеканку вытеснила штамповка. Умеренный колорит золоченого «через огонь» серебра сменился «более ярким и резким красноватым тоном, полученным в результате примеси в золото значительного количества меди» [9, с. 81].

В последней четверти XIX в. в моду вошли кошельки и сумочки, изготовлявшиеся с применением скани. Скать состояла из соединенных между собой мельчайших колечек и напоминала кольчугу. Плетение из скани было похоже на переливавшуюся ткань и делало кошельки и сумочки ярким дополнением к вечернему платью.

В Москве XIX в. в художественной промышленности развивались национальные формы искусства. Это проявлялось, к примеру, в том, что мастера золотосеребряного дела заимствовали декоративные мотивы и цветовую гамму у своих предшественников – поборников старорусских традиций. Сюжеты, изображавшиеся на посуде, тоже были традиционно русскими. Так, Императорский фарфоровый завод и частные фирмы выпускали фигурки крестьян и представителей других сословий, людей разных национальностей из серии «Народы России». Для употребления вина изготавливалась посуда в виде больших ковшей и братин с черпаками, а также чарок. Эти произведения украшались драгоценными камнями. Ювелирное искусство занималось также новым направлением – воспроизводством в серебре фактуры других материалов (дерева, кожи, меха, ткани).

В конце XIX – начале XX в. начали появляться изделия, изготовленные в стиле «модерн». Больше других преуспел в этом О.Ф. Курлюков, открывший свое ювелирное производство в 1883 г. Его фирма находилась в Колпачном переулке, а магазин – на Ильинке. Обладавший большими знаниями в ювелирном деле, О.Ф. Курлюков стал конкурентом самых известных российских ювелиров. Художественная культура находилась тогда в поисках новой эстетики, новых методов самовыражения. Однако форма ювелирных изделий осталась прежней и не отличалась от образцов второй половины XIX в. Фирма О.Ф. Курлюкова была награждена медалью Министерства финансов «За усердие и искусство» (1895) и медалью за участие в Первой международной петербургской выставке (1903-1904 гг.). Кроме того, Курлюков был поставщиком королевского двора Черногории.

В начале XX в. было создано Министерство торговли и промышленности. В связи с этим все художественные предприятия и производство предметов роскоши были включены в общегосударственную систему управления российской экономикой [1, с. 324]. Однако сразу после Октябрьской революции 1917 г. блестящее развитие русского ювелирного дела прекратилось. Лучшие предприятия закрывались, их продукция попадала в руки большевиков. Далеко не все шедевры московских ювелиров оказались в музеях. Часть драгоценностей была вывезена за границу эмигрантами. Некоторые предметы роскоши были отправлены зарубеж и потеряны для страны

навсегда.

Выводы. Таким образом, в XIX веке во всех отраслях художественной промышленности Москвы появились крупные предприятия и частные фирмы, в производственный процесс внедрялась механизация, менялась технология производства. Этот вид промышленности имел серьезные достижения, о чем свидетельствует работа ряда фирм на зарубежных заказчиков, в том числе и королевских особ, полученные ими высокие награды на международных выставках, признание их достижений членами императорской фамилии. Ювелирное дело, являясь одним из важнейших видов художественной промышленности, превратилось в его крупную отрасль. Открывались учебные заведения, готовившие золотых и серебряных дел мастеров. В производственный процесс внедрялись новые технологии, современная техника в целях его упрощения. Возможности человека по приобретению ювелирной продукции свидетельствовали о его социальном статусе, поэтому ювелирные изделия предназначались для представителей привилегированных слоев общества, царской семьи.

Список литературы:

1. Алимova Л.Б. Декоративно-прикладная роскошь в России (1700-1914 годы). – М.: Глобус, 2006. – 342 с. [Alimova L.B. Dekoratивно-prikladnaya roskosh v Rossii (1700-1914 gody). M.: Globus, 2006. 342 s. (In Russ.)].
2. Журавлёва В.Л., Костина И.Д., Мунтян Т.Н. Искусство русских ювелиров: Девять веков истории. – М.: Художник и книга, 2004. – 174 с. [Zhuravleva V.L., Kostina I.D., Muntyan T.N. Iskusstvo russkikh yuvelirov: devyat' vekov istorii. M.: Khudozhnik i kniga, 2004. 174 s. (In Russ.)].
3. Зябловский Е.Ф. Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии. – СПб.: Морская типография, 1815. – 224 с. [Zyablovsky E.F. Statisticheskoye opisaniye rossiyskoy imperii v nyneshnem yeye sostoyanii. SPb.: Morskaya tipografiya, 1815. 224 s. (In Russ.)].
4. Истомина Э.Г. Художественная промышленность Москвы во второй половине XVIII-XIX в.: золотое и серебряное дело // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В.И. Буганова. Сб. статей / Отв. ред. Н.М. Рогожин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 312-328. [Istomina E.G. Khudozhestvennaya promyshlennost' Moskvy vo vtoroy polovine XVIII-XIX v.: zolotoye i serebryanoye delo // Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii (do 1917 g.). K 80-letiyu chlena-korrespondenta RAN V.I. Buganova. Sb. statey / Otv. red. N.M. Rogozhin. M.: Rossiyskaya politicheskaya encyklopediya (ROSSPEN), 2012. S. 312-328 (In Russ.)].
5. Ковешникова Н.А. Промышленное развитие и художественно-промышленное образование в России в XIX – начале XX века // Сибирский педагогический журнал. – 2009. – № 10.

– С. 198-204. [Koveshnikova N.A. Promyshlennoye razvitiye i khudozhestvennoye obrazovaniye v Rosii v XIX – nachale XX veka // Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal. 2009. № 10. S. 198-204 (In Russ.).]

6. Ледзинский В.С., Теличко А.А. Мир художественного металла Москвы XVII-XX веков. – М.: Жираф, 2001. – 279 с. [Ledzinskiy V.S., Telichko A.A. Mir khudozhestvennogo metalla Moskvyy XVII-XX vekov. M.: Zhiraf, 2001. 279 s. (In Russ.).]

7. Лихачёва А.П. Художественная промышленность Москвы в XIX в.: обработка металла // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2016. – № 10 (19). – С. 140-153. [Lichacheva A.P. Khudozhestvennaya promyshlennost' Moskvyy v XIX v.: obrabotka metalla // Vestnik RGGU. Ser.: Literaturovedeniye. Yazykoznaniiye. Kulturologiya. 2016. № 10 (19). S. 140-153. (In Russ.).]

8. Матисен Н. Атлас мануфактурной промышленности Московской губернии. – М.: Типография А. Рис, 1872. – 188 с. [Matisen N. Atlas manufakturnoy promyshlennosti Moskovskoy gubernii. M.: Tipografia A. Ris, 1872. 188 s. (In Russ.).]

9. Постникова-Лосева М.М., Платонова Н.Г., Ульянова Б.Л. Золотое и серебряное дело XV-XX вв.: Территория СССР. – М.: «ЮНВЕС», «ТРИО», 1995. – 370 с. [Postnikova-Loseva M.M., Platonova N.G., Ul'yanova B.L. Zolotoye i serebryanoye delo XV-XX vv.: Territoriya SSSR. M.: «YUNVES», «TRIO», 1995. 370 s. (In Russ.).]

10. Рыбаков Б.А. Из истории культуры древней Руси. Исследования и заметки. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 240 с. [Rybakov B.A. Iz istorii kul'tury drevnej Rusi. Issledovaniya i zametki. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984. 240 s. (In Russ.).]

УДК 929.52
ГРНТИ 03.23.31

Deli A. P.

*Postgraduate of Department of World History
Faculty of History and Philosophy
Odessa I. I. Mechnikov National University*

PROSOPROGRAPHIC PORTRAIT OF THE REPRESENTATIVES OF KNYAZHEVICH DYNASTY

Дели Александра Петровна

*Аспирантка кафедры всемирной истории
историко-философского факультета
Одесского национального университета
имени И. И. Мечникова*

ПРОСОПРОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДИНАСТИИ КНЯЖЕВИЧЕЙ

Summary. Russian noble family of Knyazhevich who came from Serbia has been studied. The representatives of this family held quite significant government and military posts. The state activity of many of Knyazhevich family was associated with Ministry of Finance, public education, and military service in the Russian empire. Occupying positions in these departments they showed themselves as energetic and progressive leaders. The first representative of the family who went to serve in the Russian Empire at the end of the 18th century was Maksim Dmitrievich Knyazhevich (1758-1813). Further his family was continued thanks to the descendants of his elder son Dmitriy Maksimovich Knyazhevich (1788-1844), writer, ethnographer, official of Ministry of Finance and trustee of Odessa educational district. The activity of the representatives of Knyazhevich family requires more detailed study and disclosure of each personality separately.

Аннотация. Исследован русский дворянский род Княжевичей выходцев из Сербии. Представители этого рода занимали достаточно весомые государственные и военные должности. Государственная деятельность многих из Княжевичей была связана с Министерством финансов, народного просвещения и военной службой в Российской империи. На должностях в этих ведомствах они проявили себя как энергичные и прогрессивные деятели. Первым представителем рода, который перешел на службу в Российскую империю в конце XVIII был Максим Дмитриевич Княжевич (1758-1813). Далее его род имел продолжение благодаря потомкам его старшего сына Дмитрия Максимовича Княжевича (1788-1844), литератора, этнографа, чиновника Министерства финансов и попечителя Одесского учебного округа. Деятельность представителей рода Княжевичей требует более детального изучения и раскрытия каждой персоналии отдельно.

Key words: Knyazhevich family, Ministry of Finance of the Russian Empire, Ministry of Public Education.

Ключевые слова: род Княжевичей, Министерство финансов Российской империи, Министерство народного просвещения.

Княжевичи – русский дворянский род, выходцев из Сербии. Впервые историческое происхождение рода в 1842 г. исследовал ученый и журналист Н. И. Надеждин [17], который вместе с Дмитрием Максимовичем Княжевич, ярким

представителем этого семейства, посетил историческую родину Княжевичей.

Исторической родиной оседлости Княжевичей считается городок Удбин. Все поколения юношей этого рода были заняты военным делом.

Постоянное соседство с воинственной Османской империей, вынуждало защищать себя и свои семьи. За отличную военную службу Княжевичам в этом поселении был предоставлен в пожизненное владение небольшой участок земли. А уже из этих мест представители рода в разные времена переселялись в различные области юга Австрийской империи. Место поселения влияло на религиозные представления: часть переселенцев перешла в ряды католической церкви, но большинство остались православными. Некоторые представители рода поселились на территорию южной Польши, другие эмигрировали на территорию Восточной Европы, в том числе в Российскую империю.

В 1779 г. в ряды гусар армии Российской империи вступил один из представителей рода Максим Дмитриевич Княжевич (1758-1813). В 1780 г. М. Д. Княжевич был назначен прапорщиком и кавалергардом лейб-гусарского эскадрона. В этом же году он женился на Елизавете Алексеевны Рудневой. В семье Княжевичей родилось четверо сыновей Дмитрий, Александр, Николай, Владислав и дочь Екатерина. Карьерный рост М. Д. Княжевича был достаточно стремительным: с 1786 г. – поручик, с 1789 г. – капитан. В 1790 г. Максим Дмитриевич с Кавалергардского корпуса перешел в ряды постоянной армии. Однако, в конце этого же года, он подает в отставку в звании секунд-майора. В 1791 г. М. Д. Княжевич, получив реверс на российское подданство, занял должность прокурора в Саратовском верхнем земском суде. В следующем году, он был переведен на службу в Уфимский суд Оренбургской губернии с получением чина коллежского асессора, но 1797 г. был переведен в Казань на должность губернского прокурора. В 1810-1812 гг. М. Д. Княжевич являлся винным и соляным приставом в Казанской казенной палате.

В Казани М. Д. Княжевич купил дом и был известен как гостеприимный хозяин, о чем гласила надпись на воротах его дома: «Добрые люди, добро пожаловать!». Улицу и рошу, вблизи которой находился дом семьи, местное население называло их фамилией [15, с. 138]. Умер М. Д. Княжевич в Казани в 1813 г. где и был похоронен. Его жена Елизавета Алексеевна пережила мужа на 32 года и умерла в 1845 г. Всю жизнь она посвятила воспитанию детей и внуков. Считала достойным занятием для своих детей именно военную службу. Однако судьба приготовила им в большинстве случаев службу на государственных должностях.

Старший из сыновей Дмитрий Княжевич (1788-1844) начал свою службу канцеляристом в Экспедиции о государственных доходах. 1812 г. Д. М. Княжевич получил должность столоначальника. На этой должности он зарекомендовал себя, как профессиональный чиновник и «отличный деловод» [11, с. 52].

В апреле 1814 г. Д. М. Княжевич в качестве бухгалтера был командирован в действующую армию для работы в ликвидационной комиссии, задачей которой было рассчитаться с 20 европейскими государствами за поставки для

российских войск. Ликвидационную комиссию возглавлял генерал-интендант российской армии, впоследствии министр финансов, Егор Францевич Канкрин. Д. М. Княжевич работал непосредственно под его руководством. С тех пор в отношениях между Е. Ф. Канкрином и Д. М. Княжевичем утвердилась взаимное уважение и доверие, которое сохранялось в течение многих лет [1, с. 6-7]. Дальнейший карьерный рост Дмитрия Княжевича был связан с ходатайством именно этого человека. Одной из главных причин выбора Д. Княжевича для работы в ликвидационную комиссию – блестящее владение рядом иностранных языков.

Комиссия работала преимущественно в Вене, где Д. М. Княжевич жил с января 1815 по сентябрь 1820 г. После окончания командировки Д. М. Княжевич вернулся на прежнюю службу – начальником отделения при Экспедиции о государственных доходах, которая вскоре была преобразована в Департамент государственного казначейства. В марте 1824 г. Д. М. Княжевич занял пост вице-губернатора Петербурга [6].

Выполняя ряд государственных поручений в борьбе с коррупцией и контрабандой, Д. М. Княжевич получил следующее повышение по служебной лестнице. В феврале 1827 г. он был назначен вице-директором департамента государственного казначейства и одновременно стал исполнять обязанности директора департамента государственного имущества. В апреле 1830 г. Д. Княжевич получил чин действительного статского советника и в дальнейшем был назначен директором канцелярии министра финансов [24].

В 1837 г. Д. М. Княжевич перешел на службу в Министерство народного просвещения на должность попечителя Одесского учебного округа. Кроме координации работы учебных заведений южного региона, в обязанности попечителя входило руководство цензурным комитетом города.

В Одессе Д. М. Княжевич продолжил свою редакционную и издательскую деятельность. По его инициативе и активном участии были изданы «Новороссийский календарь», «Одесский альманах», «Листки общества сельского хозяйства Южной России», «Записки Одесского общества истории и древности». Ришельевский лицей – главное учебное заведение Одесского учебного округа, во времена попечительства Д. М. Княжевича значительно расширил и изменил свою структуру. Свидетельством этого стало: открытие нового отделения и кафедр, улучшения уровня преподавания и увеличение количества студентов, написание новых педагогических программ по обучению, улучшение материальной базы [5]. К сожалению, Д. М. Княжевичу не удалось воплотить свой главный замысел – преобразование лицея в университет. Сердце попечителя остановилось 1844 г. во время поездки в столицу, где по свидетельству современников, он предполагал обсудить в Министерстве, в том числе вопрос о необходимости высшего учебного заведения в Одесском учебном округе. Однако усилия

Княжевича не оказались напрасными, и его замысел все-таки будет воплощен в жизнь. В 1865 г. регион и научный мир обогатился появлением Новороссийского университета.

Еще один из братьев Княжевичей – Александр (1792-1872) после окончания Казанского университета, где проявлял блестящие знания математики, как и его старший брат, начал свою государственную деятельность в экспедиции государственных доходов. В 1830 г. Александр Максимович занимался делами комитета, который был призван усовершенствовать раздел земель в империи. После эффективной двадцатилетней работы в Министерстве финансов А. Княжевич получил сначала пост вице-директора департамента государственного казначейства, а в 1844 г. – директора этого департамента.

За годы службы в министерстве финансов А. Княжевич приобрел репутацию умеренного реформатора, человека либерального, спокойного и не склонного к крайностям. Во времена крестьянской реформы Александра II А. Княжевич был против радикальных решений и закрепил за собой репутацию «человека старой закалки» [27, с. 392]. Возможно именно эти черты и помогли ему быть с 1858 по 1862 гг. министром финансов Российской империи

Период работы в министерстве был для А. Княжевича достаточно тяжелым. Ему пришлось исправлять значительные ошибки своего предшественника, а главное решать сложные финансовые вопросы после проигранной Россией Восточной войны 1853-1856 гг. [7].

Младший из братьев Княжевичей – Владислав (1798-1873) получил образование в Казанском университете. Государственную деятельность по семейной традиции начал вместе с братьями в Министерстве финансов. С 1832-1838 гг. он являлся вице-губернатор Тавриды, а в дальнейшем – председателем Таврической казенной палаты. Служба Владислава в Крыму пришлось на период Крымской войны. К тому времени он занимал должность управляющего Таврической казенной палатой. Следствием тяжелой обороны Севастополя в 1854 г. стало большое количество больных и раненых. Госпиталей и помещений, в которых могли бы их разместить, явно не хватало. Владислав Княжевич разместил 406 больных в своем частном доме [10, с. 340].

В 1862 г. В. М. Княжевич был назначен членом совета Министерства финансов с присвоением звания тайного советника. Из-за нового назначения он был вынужден переехать в Петербург, но не оставлял общественную (преимущественно благотворительную) деятельность в Крыму. В. Княжевич был попечителем «Странноприимного дома Таранова-Белозерова» в Симферополе [18] и детского приюта Таврической губернии [19]. Владислав Максимович Княжевич и его жена Мария Ивановна (1800-1899) (в девичестве Сулова) похоронены в Санкт-Петербурге на Смоленском православном кладбище. Их могилы не сохранились.

Один из братьев Княжевичей – Николай (1794-1852) родился в Уфе. Он стал единственным из братьев, кому удалось проявить себя на военной службе. С 1813 г. Н. Княжевич служил в Киевском гренадерском полку, принимал участие в зарубежных компаниях российской армии 1813-1814 гг. В отставку он вышел в 1827 г. в звании подполковника. В 1836-1838 гг. Н. Княжевич был вице-губернатором Рязани. В 1841 г. он получил чин действительного статского советника. О его жизни и деятельности известно очень мало. Вместе с братьями Н. Княжевич занимался литературной деятельностью, и в справочных изданиях указан как поэт и журналист [16, с. 233]. Будучи военным, он находился в постоянных командировках и разъездах. В одном из писем брат Александр упрекает его за то, что он редко дает о себе знать и заставляет волноваться родных о своей судьбе [23]. Похоронен Н. М. Княжевич на территории Казанского Богоявленского женского монастыря в Рязани. Согласно надписи, на надгробной плите он умер в Вене 27 сентября 1852 г. Могила Н. М. Княжевича одна из немногих, которые уцелели после разрушения некрополя [12].

Кроме государственнической деятельности братья Княжевичи были членами литературных объединений: Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, и литературного салона Софии Дмитриевны Пономаревой [8, 9]. Все они активно публиковались в литературных альманахах того времени.

Так сложилось, что потомков по мужской линии в семье Княжевичей оставил только Дмитрий Максимович. Другие братья не имели детей. Дмитрий Максимович женился на баронессе Антонине Францовне Гора. В семье родилось 6 детей – 3 мальчика и 3 девочки. Их первенец Максим умер младенцем 31 июля 1821 г. в Петербурге. В то время в семье уже ждали второго ребенка. 5 декабря 1821 г. родился еще один сын, которого родители называли в память о первенце – тоже Максимом. В дальнейшем семья пополнилась еще одним сыном Антонином и дочками Марией, Елизаветой и Екатериной.

Максим Дмитриевич Княжевич (1821-1894) (полный тезка своего деда) закончил в 1841 г. Царскосельский лицей и был оставлен на службе в Министерстве иностранных дел Российской империи. Через некоторое время он был отправлен в командировку в Одессу и остался работать в канцелярии Одесского учебного округа, попечителем которого был в то время его отец. Находясь в Одессе, он вел личный дневник, который сохранился в фондах отдела рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Благодаря этому источнику мы можем реконструировать повседневную жизнь семьи Княжевичей, их отдых, круг друзей. Хронологически события охватывают несколько месяцев 1843 г. (а именно 15 мая – 4 декабря) [21]. В 1844 г. после смерти отца, М. Княжевич переехал в Петербург, где занял должность шталмейстера, чиновника особых поручений Министерства финансов. Действительным статным советником он

стал в 1860 г., тайным – с 1869 г. М. Княжевич был женат на Ольге Ивановне Манулевич-Мойданоглу. В их семье родился сын, который также стал полным тезкой своего родного деда – Дмитрий Максимович Княжевич. Умер М. Д. Княжевич в Санкт-Петербурге 9 февраля 1894, где и был похоронен на Смоленском кладбище.

Младший сын Дмитрия Максимовича Княжевича – Антонин Княжевич (1826-1879) окончил Ришельевский лицей. Его первой карьерной ступенькой стала работа в Таврической казенной палате, где он служил губернским секретарем. С 23 мая 1846 г. был назначен помощником столоначальника канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора в Одессе. Во время Крымской войны он работал в почтовом ведомстве и занимался восстановлением крымских дорог и координацией работы почтовых станций. Работа была очень напряженной, во время военной компании надо было организовать вывоз раненых, обеспечить необходимое количество транспорта для перевозки людей и продуктов. О тяжести работы и положении полуострова Антонин писал в своих письмах к родному дяде Александру Княжевичу. Напомним, что именно в это время, еще один его дядя Владислав Княжевич был управляющим Таврической казенной палаты. А. Княжевич занимал должность шталмейстера Высочайшего двора, с 1861 г. являлся действительным статским советником, в 1872 г. стал гофмейстером. В Крыму в наследство от отца Антонин получил имение Кучук-Узень, в котором он активно занимался виноградарством.

Дочери Дмитрия Максимовича Княжевича – Мария (1824-1901), Елизавета (1825-1900) и Екатерина (1835-1898) не были замужем и потомков не оставили.

Внуки Дмитрия Максимовича Княжевича также занимали высокие государственные и военные должности в Российской империи. Внук от старшего сына Максима (полный тезка) родился 21 июня 1874 г. В 1894 г. он закончил Пажеский корпус и стал корнетом гвардии Кавалергардского полка. В 1898 г. Д. М. Княжевич получил чин поручика. В дальнейшем Д. Княжевич продолжил обучение в Николаевской академии генерального штаба по 1-му разряду. Д. Княжевич в 1900 г. стал штабс-ротмистром гвардии с переименованием в капитаны Генштаба, служил в Кавказском и Петербургском военных округах. 1901 г. – старший адъютант штаба 18-го армейского корпуса. С 1901-1902 гг. Д. М. Княжевич командовал эскадроном лейб-гвардии Кирасирского полка, получил звание старшего адъютанта штаба 1-го армейского корпуса. 15 марта 1903 г. он занял должность обер-офицера для поручений при штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа, в 1904 г. – флигель-адъютанта. Д. М. Княжевич участвовал в русско-японской войне; с мая 1904 г. – штаб-офицер для поручений при штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа. В этом же году получил звание подполковника. Д. М. Княжевич с

1908 г. являлся штаб-офицером для поручений при главнокомандующем войсками Гвардии и Петербургского военного округа. Он был прикомандирован с 1909 г. к Кавалергардскому полку для ознакомления с общими требованиями управления и хозяйствования и получил звание полковника. 1912 г. Д. М. Княжевич был прикомандирован сначала к артиллерии, а затем к пехоте. С 14 августа по 24 декабря 1913 г. он являлся начальником штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, позднее стал командующим лейб-гвардии уланского полка, во главе которого вступил в бой в годы Первой мировой войны. В марте 1915 г. получил звание генерал-майора. Дмитрий Княжевич погиб во время гражданской войны в 1918 г. [13]. Был женат на Лидии Афанасьевне Вилинбаховой, которая была расстреляна советской властью в 1919 г. [14]. Детей не имели.

Судьба старшего внука Антонина Княжевича – Александра, который родился 7 июня 1869 г., практически неизвестна. В статьях одесских краеведов С. Решетова и В. Шерстобитого есть сведения о крестинах Александра 23 июля 1869 г. в Сретенской церкви в Одессе [25, с. 126-127; 28, с. 57]. Существуют сведения, что А. А. Княжевич был статским советником, камергером, чиновником особых поручений VI класса при Московском генерал-губернаторстве [2, ст. 48.]. Был женат на Лидии Павловне (девичью фамилию установить не удалось). В их семье родился сын Владимир, судьба которого нам также не известна. В справочном издании «Адресная и справочная книга г. Петрограда к 1917 год» указано, что Александр Антонинович владел домом в Петербурге по адресу Петрозаводская ул., 1, угол Геслеровского пер., 23-б. [3, ст. 71, 297].

Другие дети Антонина Княжевича – двойня Николай и Владимир прошли следующий жизненный путь. Оба учились в гимназии «Человеколюбивого общества», где были одними из лучших студентов. После двух лет успешной учебы они были переведены в Императорский Александровский лицей, который закончили с отличием. В этих учебных заведениях Княжевичи дружили и учились вместе с художником и историком А. Н. Бенуа. В своих воспоминаниях он пишет, что братья были милыми и очень воспитанными мальчиками, худыми и имели легкую склонность к заиканию. И хотя художник утверждает, что они были близнецами, все же из воспоминаний понятно, что дело идет о двойне: Владимир – блондин, а Николай – «был смуглый, как арапчонок» [4, с. 409].

Княжевич Николай Антонинович (1871-1950) в 1892 г. успешно сдал офицерский экзамен в Первом военном Павловском училище и был утвержден корнетом лейб-гвардии в Гусарский полк. В дальнейшем он стремительно продвигался в получении высшего воинского звания – флигель-адъютант (1904), полковник (1904), генерал-майор по зачислению в Миры (1912). В 1908-1912 гг. он являлся командиром Крымского конного императрицы Александры Федоровны полка. С 9

октября 1912 г. Н. Княжевич командовал 2-ем бригадой 8-й кавалерийской дивизии, управление которой и продолжил во время Первой мировой войны. Стал последним Таврическим губернатором. В 1917 г. Н. А. Княжевича назначили Одесским градоначальником. Однако в связи с революционными событиями полноценно занять эту должность так и не сумел. После 1918 г. Николай Антонинович эмигрировал в Югославию. В 1921 г. он принял участие в работе российского комитета в Венгрии. Переехав во Францию, возглавлял объединение Крымского конного полка. Был женат на Екатерине Борисовне Обуховой (1891-1954), которая была кузиной оперной певицы Надежды Обуховой. Последние годы жизни супругов провели в Русском доме Сент-Женевье-де-Буа (его также называют российским старческим домом). Оба работали смотрителями русского кладбища [20, с. 221]. Уже упомянутый ранее А. Бенуа с сожалением вспоминает, что в связи с кратковременным отъездом не смог присутствовать на похоронах друга детства [4, с. 409].

Княжевич Владимир Антонинович (1871-1934) был камергером, действительным статским советником. С 1913-1915 г. он являлся Феодосийским уездным предводителем дворянства. В. Княжевич был почетным членом Таврического губернского попечительства детских приютов. В период гражданской войны он был вынужден эмигрировать. Похоронен в Белграде, где на русском некрополе сохранилась его могила [26].

По данным исследовательницы Л. А. Ореховой [22, с. 461] у Николая Антониновича Княжевича был сын Николай, который умер в 1989 г. во Франции и потомков не оставил. Вероятно, он был последним прямым потомком Дмитрия Максимовича Княжевича. Однако краевед В. Шерстобитов в своей статье указывает других представителей семейства Княжевичей, которые заселяли Херсонскую губернию. В качестве примера он приводит личность Георгия Ильича Княжевича (1860-1931), который похоронен на Втором христианском кладбище в Одессе и, по его сведениям, является родным племянником Дмитрия Максимовича Княжевича [28, с. 57]. Однако, у Дмитрия Максимовича не было родного брата с именем Илья, что опровергает эту информацию.

Таким образом, просопографический портрет рода Княжевичей позволяет проследить и проанализировать деятельность его представителей на государственной службе в Российской империи. Все они занимали достаточно весомые государственные и военные должности. Государственная деятельность многих из Княжевичей была связана с Министерством финансов и военной службой в Российской империи. На должностях в этих ведомствах они проявили себя как энергичные и прогрессивные деятели. Свидетельством тому является их карьерный рост и государственные награды. Однако деятельность представителей рода

Княжевичей требует более детального изучения и раскрытия каждой персоналии отдельно. Мы же поставили себе целью, охарактеризовать род в целом и кратко каждого из Княжевичей в отдельности, показать значимость, преданность и преемственность в выборе профессии представителей этого сербского рода в Российской империи.

Список литературы:

1. А. К. Дмитрий Максимович Княжевич, основатель и первый президент Одесского общества истории и древностей : оттиск из исторического журнала «Русская Старина» изд. 1888 г. / А. К. [Мария Княжевич]. б. м.: Тип. В. С. Балашева, 1888. 20 с. [A. K. Dmitriy Maksimovich Knyazhevich, osnovatel i pervyy prezident Odesskogo obschestva istorii i drevnostey : ottisk iz istoricheskogo zhurnala «Russkaya Starina» izd. 1888 g. / A. K. [Mariya Knyazhevich]. b. m.: Tip. V. S. Balasheva, 1888. 20 s. (In Russ).]
2. Адрес-календарь, общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1914 г. : [Ч. 1-2]. СПб., 1914. – 73 с., 1896 стб. разд. паг. ; 602 стб., [75] с. [Adres-kalendar, obschaya rospis nachalstvuyuschih i prochih dolzhnostnyh lits po vsem upravleniyam v Rossiyskoy imperii na 1914 g. : [Ch. 1-2]. SPb., 1914. – 73 s., 1896 stb. razd. pag. ; 602 stb, [75] s. (In Russ).]
3. Адресная и справочная книга г. Петрограда на 1917 год: 24-й г. изд. Петроград, 1916. – 1880 с. разд. паг., 21 л. план. : ил. [Adresnaya i spravochnaya kniga g. Petrograda na 1917 god: 24-y g. izd. Petrograd, 1916. – 1880 s. razd. pag., 21 l. plan. : il. (In Russ).]
4. Бенуа А. Мои воспоминания в пяти книгах. Книги первая, вторая, третья / отв. ред. Д. С. Лихачев. Москва : Наука, 1990. 711 с. [Benua A. Moi vospominaniya v pyati knigah. Knigi pervaya, vtoraya, tretya / otv. red. D. S. Lihachev. Moskva : Nauka, 1990. 711 s. (In Russ).]
5. Дели А. П. Введение новых учебных программ попечителем Одесского учебного округа Д. М. Княжевичем на рубеже 30-40-х гг. XIX в. / А. П. Дели // Південь України: етноісторичний, мовний, культурний та релігійний виміри: зб. наук. праць V Міжнар. наук. конф., 24-25 квіт. 2015 р., Одеса / відп. ред. М. І. Михайлуца. Одеса: ОНУ, 2015. С. 83–87. [Deli A. P. Vvedenie novyih uchebnyih programm popechitelem Odesskogo uchebnogo okruga D. M. Knyazhevichem na rubezhe 30-40-h gg. XIX v. / A. P. Deli // Pivden UkraYini: etnoIstorichniy, movniy, kulturniy ta relligIyniy vimIri: zb. nauk. prats V MIzhnar. nauk. konf., 24-25 kvIt. 2015 r., Odesa / vIdp. red. M. I. Mihaylutsa. Odesa: ONU, 2015. S. 83–87. (In Russ).]
6. Дели А. П. Работа Дмитрия Максимовича Княжевича в экспедиции о государственных доходах Российской империи: начало службы / А. П. Дели // Воронцовский сборник : сборник научных статей. Выпуск 7. 100-летию начала Первой мировой войны посвящается. Одесса : Апрель, 2016. С. 97-100. [Deli A. P. Rabota Dmitriya Maksimovicha Knyazhevicha v ekspeditsii o gosudarstvennyih dohodah Rossiyskoy imperii:

nachalo sluzhby / A. P. Deli // Vorontsovskiy sbornik : sbornik nauchnyih statey. Vyipusk 7. 100-letiyu nachala Pervoy mirovoy voynyi posvyaschaetsya. Odessa : Aprel, 2016. S. 97-100. (In Russ)].

7. Делі О. П. Діяльність братів Дмитра та Олександра Княжевичів у Міністерстві фінансів Російської імперії // Записки історичного факультету. – 2019. Вип. 30. С. 173-194. [Deli O. P. Diyalnist brativ Dmitra ta Oleksandra Knyazhevichiv u Ministerstvi finansiv Rosijskoyi imperiyi // Zapiski istorichnogo fakultetu. – 2019. Vip. 30. S. 173-194 (In Ukr.)].

8. Делі О. П. Діяльність Д. М. Княжевича у вільному товаристві шанувальників словесності, наук і мистецтв у Санкт-Петербурзі // Записки історичного факультету. 2015. Вип. 25. С. 297-307. [Deli O. P. Diyalnist D. M. Knyazhevicha u vilnomu tovaristvi shanuvalniv slovesnosti, nauk i mistectv u Sankt-Peterburzi // Zapiski istorichnogo fakultetu. 2015. Vip. 25. S. 297-307. (In Ukr.)].

9. Делі О. П. Діяльність Д. М. Княжевича у петербурзьких науково-літературних товариствах першої половина XIX ст. // Інтелектуальна історія та духовна спадщина України XIX ст. : зб. наук. праць / ОНУ ім. І. І. Мечникова, Іст. ф-т, Каф. історії України; редкол.: О. А. Бачинська [та ін.]. Одеса : Одеський нац. ун-т, 2017. С. 88-95. [Deli O. P. Diyalnist D. M. Knyazhevicha u peterburzkikh naukovoliteraturnih tovaristvah pershoji polovina XIX st. // Intelektualna istoriya ta duhovna spadshina Ukrayini XIX st. : zb. nauk. prac / ONU im. I. I. Mechnikova, Ist. f-t, Kaf. istoriyi Ukrayini; redkol.: O. A. Bachinska [ta in.]. Odesa : Odeskij nac. un-t, 2017. S. 88-95 (In Ukr.)].

10. Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя : в 3-х т. СПб. : тип. Т-ва «Обществ.польза», 1900. Т. 2. 516 с. [Dubrovin N. F. Istoriya Krymskoy voynyi i oboronyi Sevastopolya : v 3-h t. SPb. : tip. T-va «Obschestv.polza», 1900. T. 2. 516 s. (In Russ)].

11. Записки Петербургского чиновника старого времени (Петра Ивановича Голубева) // Русский архив. 1896. № 5. С. 47-109. [Zapiski Peterburgskogo chinovnika starogo vremeni (Petra Ivanovicha Golubeva) // Russkiy arhiv. 1896. № 5. S. 47-109. (In Russ)].

12. Казанский женский монастырь в г. Рязани. Некрополь монастыря. URL: <https://www.kazanski-m.ru/istoriya/nekropol-monastyrua>.

13. Княжевич Дмитрий Максимович. Русская армия в Первой мировой войне. URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=1485>.

14. Лидия Афанасьевна Княжевич. Сайт Geni. URL: <https://www.geni.com/people/%D0%9B%D0%B8%D0%B4%D0%B8%D1%8F-%D0%9A%D0%BD%D1%8F%D0%B6%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87/600000039968479893>

15. Максим Дмитриевич Княжевич // Сборник биографий кавалергардов (1762-1801) по случаю столетнего юбилея Кавалергардского Ея Величества государыни императрицы Марии Федоровны полка / сост. под ред. С. Панчулидзева. Санкт-Петербург : Экспедиция заготовления

государственных бумаг, 1904. С. 138-139. [Maksim Dmitrievich Knyazhevich // Sbornik biografii kavalergardov (1762-1801) po sluchayu stoletnego yubileya Kavalergardskogo Eya Velichestva gosudaryini imperatritsyi Marii Fedorovny polka / sost. pod red. S. Panchulidzeva. Sankt-Peterburg : Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennyh bumag, 1904. S. 138-139. (In Russ)].

16. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. Москва : Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1960. Т. 2. 558 с. [Masanov I. F. Slovar psevdonimov russkih pisateley, uchenyih i obschestvennyh deyatelay: v 4 t. Moskva : Izd-vo Vsesoyuz. kn. palaty, 1960. T. 2. 558 s. (In Russ)].

17. Надеждин Н. И. Род Княжевичей. Одесса : Одесская Городская Типография, 1842. 102 с. : ил. [Nadezhdin N. I. Rod Knyazhevichey. Odessa : Odesskaya Gorodskaya Tipografiya, 1842. 102 s. : il. (In Russ)].

18. Новороссийский календарь на 1867 год. Одесса, 1866. 208, 159 с. [Novorossiyskiy kalendar na 1867 god. Odessa, 1866. 208, 159 s. (In Russ)].

19. Новороссийский календарь на 1871 год. Одесса, 1870. 360 с. [Novorossiyskiy kalendar na 1871 god. Odessa, 1870. 360 s. (In Russ)].

20. Носик Б. М. Русский XX век на кладбище под Парижем. Санкт-Петербург : Золотой век, 2005. 640 с. [Nosik B. M. Russkiy XX vek na kladbische pod Parizhem. Sankt-Peterburg : Zolotoy vek, 2005. 640 s. (In Russ)].

21. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 100. Оп. 2. Д. 606.

22. Орехова Л. А. Председатель Крестовоздвиженской общины сестер милосердия В. М. Княжевич // Орехова Л. А. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853-1856 годов глазами современников : литература, архивы, пресса. Симферополь : ОАО «Симферопольская городская типография» (СГТ), 2010. С. 431-461. [Orehova L. A. Predsedatel Krestovozdvizhenskoy obschinyi sester miloserdiya V. M. Knyazhevich // Orekhova L. A. Krymskaya Iliada. Krymskaya (Vostochnaya) voyna 1853-1856 godov glazami sovremennikov : literatura, arhiviy, pressa. Simferopol : OAO «Simferopolskaya gorodskaya tipografiya» (SGT), 2010. S. 431-461. (In Russ)].

23. Письмо А. Княжевича, 24 июля 1824 года // Щукинский сборник. Выпуск девятый. Москва : Синодальная типография, 1910. С. 191-193. [Pismo A. Knyazhevicha, 24 iyulya 1824 goda // Schukinskiy sbornik. Vyipusk devyatyy. Moskva : Sinodalnaya tipografiya, 1910. S. 191-193. (In Russ)]

24. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 3, д.42, л. 9 об.

25. Решетов С. Российский императорский дом – представители и родственники в метрических книгах ГАОО // Дерибасовская-Ришельевская. – 2013. № 53. С. 122-138. [Reshetov S. Rossiyskiy imperatorskiy dom – predstaviteli i rodstvenniki v metriceskikh knigah GAOO // Deribasovskaya-Rishelevskaya. – 2013. № 53. S. 122-138. (In Russ)].

26. Русский Некрополь. Сайт. URL: <http://gn-belgrade.ru/necropolis/%D0%BA/#toggle-id-130>

27. Управленческая элита Российской империи : история министерств, 1802-1917 / [авт.-сост. : Е. А. Андреева и др.]. Санкт-Петербург : Лики России, 2008. 693 с. [Upravlencheskaya elita Rossiyskoy imperii : istoriya ministerstv, 1802-1917 / [avt.-sost. : E. A. Andreeva i dr.]. Sankt-Peterburg : Liki Rossii, 2008. 693 s. (In Russ)].

28. Шерстобитов В. Предки и потомки рода Княжевичей // Дерибасовская-Ришельевская. 2015. № 60. С. 56-64. [Sherstobitov V. Predki i potomki roda Knyazhevichy // Deribasovskaya-Rishelevskaya. 2015. № 60. S. 56-64. (In Russ)].

УДК 902
ГРНТИ 03.41

Druzhinina I.A.
Candidate of Historical Sciences,
assistant of the department archeology of Caucasus,
The Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences

MEDIEVAL ANTHROPOGENIC LANDSCAPE OF THE NORTH-EASTERN BLACK SEA REGION IN ARCHAEOLOGICAL AND ANTHROPOLOGICAL RESEARCH OF THE XXI CENTURY.

Дружинина И.А.
Кандидат исторических наук,
Научный сотрудник группы археологии Кавказа
Института археологии Российской академии наук

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ АНТРОПОГЕННЫЙ ЛАНДШАФТ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ XXI В¹.

Summary. The article reflects the most important results of a comprehensive historical, archaeological and anthropological study of the ethno-cultural, social and demographic structure of the population of the North-Eastern Black Sea region in the middle ages in the first twenty years of the XXI century. A brief overview of the latest publications on the main areas of research in the region is presented. The work is executed at financial support of RFBR (project №17-29-04313 ofi_m).

Резюме. В статье отражены наиболее важные итоги комплексного исторического, археологического и антропологического изучения этнокультурной, социальной и демографической структуры населения Северо-Восточного Причерноморья в эпоху средневековья в первое десятилетие XXI в. Представлен краткий обзор новейших публикаций по основным направлениям исследований региона. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №17-29-04313 ofi_m).

Keyword: North-Eastern Black Sea region, lower Kuban, archeology, anthropology, historiography, middle ages

Ключевые слова: Северо-Восточное Причерноморье, Нижняя Кубань, археология, антропология, историография, средние века

Первое десятилетие XXI в. оказалось плодотворным временем для изучения вопросов этнокультурной, социальной и демографической структуры населения Северо-Восточного Причерноморья в эпоху средневековья. Накопление археологических источников, интенсифицированное масштабными охранно-спасательными раскопками на юге России, проведение комплексных исследований, позволивших получить качественно новую информацию, создали условия для появления новой научной картины исторического развития региона в средние века.

На смену сформулированной еще в середине прошлого столетия выдающимся кавказоведом Леонидом Ивановичем Лавровым (1909–1982)

концепции поступательного развития местного социума, представлявшего собой конгломерат родственных адыго-абазинских племен, а также предложенной в конце 70-х гг. XX в. концепции Александра Вильямовича Гадло (1937–2002), одной из основных составляющих которой являлась идея о значительной роли в этно- и политогенезе местного населения раннесредневековых тюрков², пришли новые (или получили качественно новое развитие) гипотезы и разработки, в которых Северо-Восточное Причерноморье предстает как одна из самых активных контактных зон средневековой Ойкумены.

За последние годы из печати вышла целая серия работ, основанных на комплексном анализе

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №17-29-04313 ofi_m).

² Здесь не рассматриваются сформировавшиеся на не критическом использовании устаревших положений данных концепций ненаучные теории об изолированном, безынвизионном развитии «монокультурного и однородного в этническом плане мира адыгских племен» («Цивилизация Кабарда», «Островная цивилизация Черкесия» и т.п.).

письменных, археологических и палеоантропологических источников, со всей определенностью демонстрирующих многовекторный и поликультурный характер исторического развития этой территории. В обобщающих обзорных работах представлена не линейная, без явной прямой преемственности смена археологических культур Северо-Восточного Причерноморья и дельты Кубани в эпоху средневековья [52; 17; 2; 68, 72; 27, 31], многовековое присутствие на территории края различных народов и племен – зихов, кашаков (касогов), папагов, алан, греков, полукочевых и кочевых обществ (угорских, тюркских, монголоидных), а также итальянцев, евреев, армян, русских и других [1; 55; 56; 21; 23; 51; 4; 69; 70; 82; 34; 48; 49; 50; 26 и др.].

Предложена современная научная концепция средневековой истории Тамани [67; 68; 71; 72; 76; 77; 79; 73]. Воссоздана объемная картина непосредственного политического, культурного, религиозного и экономического присутствия Византии в Северо-Восточном Причерноморье [83; 10; 11; 74; 75]. Качественно новая информация была получена в результате новаторских исследований выявленного при археологических раскопках Таманского городища сфрагистического материала (византийских вислых печатей) [75] – источника, который вплоть до 10-х годов XXI в. оставался практически не востребованным. Его изучение не только раскрыло роль Матархи, как торгового и военно-административного центра на границе греческого и варварского миров, не только позволило воссоздать неизвестные подробности исторических событий, разворачивавшихся на северном побережье Понта, но и предоставило уникальную информацию о жизни горожан – торговцев и таможенников, чиновников и военных, церковных иерархов и представителей городской знати, а также их далеких корреспондентов из различных провинций Византии и ее столицы.

В десятках публикаций введен в научный оборот внушительный объем археологических материалов [3; 5; 64; 80; 46 и др.], подготовлены обобщающие монографии и диссертации [57; 22; 60; 4; 61; 24; 34; 27].

Исследованы грунтовые и курганные некрополи, содержащие многие сотни погребений. Разнообразие погребальных памятников VI–XVI вв., выявленных на территории Северо-Восточного Причерноморья и в низовьях Кубани, не оставляют сомнения в полиэтничном составе населения региона на протяжении всего периода средневековья. При этом различные традиции и обряды «уживались» в границах одних и тех же памятников, свидетельствуя не только о длительном соседстве этнически разнородных популяций, сосуществовавших на одной территории, но и о сложных процессах их интенсивного смешения в рамках формирующихся поликультурных общностей, в том числе известных под историческими именами зихов, касогов, а затем – черкесов [58; 53; 54; 65; 9; 28; 29; 33; 50 и др.].

В последнее десятилетие значительный шаг сделан в изучении бытовых памятников региона. Результаты археологических раскопок поселений, исследований их с помощью методов естественнонаучных дисциплин массово вводятся в научный оборот [16; 84; 63; 66; 78; 25; 15; 6; 7 и др.]. Результаты анализа и обобщения этих материалов, в свою очередь, свидетельствуют о неоднородном этнокультурном составе местных племен. Часть поселений на полуострове Абрау (Глебовское и Борисовское) характеризуются наличием многочисленных ям и отсутствием капитальных построек, что сближает эти памятники с сезонными кратковременными неукрепленными поселениями Нижнего Подонья и Восточного Приазовья [5,38]. Выявленные на Гостагаевском поселении каменные кладки строений, материалы поселения Жукова, где обнаружена строительная черепица, позволяют рассматривать эти памятники как часть ближайшей периферии провинциально-византийской культуры городов Крыма и Тамани. Отсутствие каких-либо следов фундаментальных построек у племен, обитавших в предгорьях Закубанья в эпоху средневековья, сведения письменных и этнографических источников выявляют третью традицию домостроения, характерную для адыгов и абазин – возведение турлучных наземных домов. И, наконец, памятники полиэтничного населения степных районов Западного Закубанья, где выявлены заглубленные округлые основания юртообразных жилищ (Молдавановское 2, X–XIII вв.), остатки полуземлянок, обожженные глинобитные полы и стены, суфы, каны (Железнодорожное 1 и 2, XIV в.) [7, 29-31] находят аналогии в материалах укрепленных и неукрепленных поселений Поволжья и Средней Азии.

Большая работа проводится по систематизации и анализу письменных и эпиграфических источников [12; 13; 14; 81; 30; 47; 39; 40; 41; 42; 43; 44; 45; 59; 11; 37; 38; 36 и др.]. Так, в факсимильном издании тюркоязычного сочинения по истории черкесов, составленного в 1171/1757–1758 гг. неким ал-Хадж Курбаном для кабардинского князя Эль-мирзы сына Бек-мирзы (Бековича-Черкасского) рассмотрен вопрос о легендарных предках основателя кабардинского княжеского дома Инала. Исследователи пришли к выводу, что «изложенный Челеби и Феррах ад-Дином/ал-Хадж Курбаном сюжет происхождения лазов, абхазов и черкесов от коптов или арабов представляет собой мусульманскую литературную переработку рассказа Геродота о происхождении колхов от египтян, в которую в соответствии с требованиями жанра исламской литературы были введены в качестве действующих лиц библейские патриархи и первые распространители ислама» [40, 15].

Особое значение имеют активизировавшиеся после длительного перерыва палеоантропологические исследования. С позиций современных достижений науки проведена ревизия результатов анализа антропологических коллекций, полученных в прежние годы [19; 18;

28], изучаются краниологические серии из раскопок могильников, проведенных в последнее время [8; 20], в том числе с привлечением новейших методов (микрофокусной рентгенографии, анализа соотношения изотопов стронция) [35].

В последнее десятилетие проведены первые за более чем столетнюю историю археологического изучения кремационных погребений Северо-Восточного Причерноморья и Закубанья VIII-XIII вв. палеантропологические исследования самих кремированных останков. Использование методов, основанных на обширном опыте судебной медицины, позволило получить новую уникальную информацию об обряде кремации (условиях и продолжительности сжигания тела, в ряде случаев – о позе тела при сжигании, локализации областей с более высокой и более низкой температурой горения, о полном или частичном депонировании кремированных останков), а также о половозрастной характеристике населения, оставившего погребальные памятники, и качестве жизни средневековых популяций (по выявленным на фрагментах кремированных костей и зубов травмам, маркерам физиологического стресса, следам длительных заболеваний) [62].

Сделаны важные наблюдения о разнородном составе населения эпохи Золотой Орды, оставившего однотипные могильники с унифицированным обрядом [8; 20], обоснована перспективность сравнения антропологических серий из могильников Северо-Восточного Причерноморья и дельты Кубани XIII-XV вв. не только с выборками из синхронных некрополей Северо-Западного Кавказа, но и с краниологическими сериями из средневековых памятников Тамани, Восточного Крыма, погребений кочевников Восточно-Европейских степей [28; 32].

Результаты этих исследований свидетельствуют об открытости территории Северо-Восточного Причерноморья и низовий Кубани для проникновения различных этнокультурных групп, традиций, религий, товаров и технологий, о плотном вовлечении региона и его населения в политические, культурные, демографические события и процессы общемировой истории на протяжении более чем тысячелетнего отрезка с V по XVI вв.

Список литературы:

1. Армарчук Е.А., 2001. О половцах на Северо-Западном Кавказе // Поволжье в средние века. Нижний Новгород. С. 37-41.
2. Армарчук Е.А., 2003. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X-XIII веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV-XIII века. М.: Наука. С. 207-227.
3. Армарчук Е.А. 2006. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X-XIII веков. М. 227 с.

4. Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014. Цемдолинский курганно-грунтовый могильник. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 132 с.

5. Армарчук Е.А., 2017. Керамика Северо-Восточного Причерноморья XI-XIII вв. М., СПб.: Нестор-История. 96 с.

6. Армарчук Е.А., 2017. Средневековое поселение Борисовка под Новороссийском // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 16. Армавир-Краснодар. С. 105-125.

7. Барагамян Р.А., Василенко Д.Э., Тищенко И.Б., 2014. Две группы позднесредневековых керамических сосудов из поселения «Железнодорожное 2» // Археология и этнография Понтийско-Кавказского региона. Краснодар. Вып. 2. С. 29-38.

8. Батиева, Е.Ф. 2011. Антропологические материалы из могильника XIII-XIV века средневекового поселения «Жукова» // Вестник антропологии. Вып. 19. С. 161-168.

9. Василенко Д.Э., 2009. Погребальный обряд населения междуречья Псоу – Шахе в эпоху средневековья // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. – Краснодар. С. 27-31.

10. Виноградов А.Ю., 2013. Византийская политика в Восточном Причерноморье (вторая половина VII – первая половина X в.) // Древности Западного Кавказа. Вып. I. – Краснодар. С. 156-176.

11. Виноградов А.Ю., 2015. Византийские надписи // IOSPE Ancient Inscriptions of the Northern Black Sea: <http://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/index-ru.html>. (20.08.2018).

12. Волков И.В., 2003. Еще раз о локализации области Кремук и карте Джакомо Гастальдо 1548 г. // МИА Северного Кавказа. Вып. 2. – Армавир. С. 224-260.

13. Волков И.В., 2009. Турецкая эпиграфика из Таманского археологического музея // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар. С.50-52.

14. Волков И.В., 2015. Турецкая карта Черного и Азовского морей из собрания Государственного Исторического музея // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Казань-Симферополь-Кишинев. С. 577-601.

15. Волков И.В., Лопан О.В., 2009. Работы на городище Ангелинский ерик и возможности локализации золотоордынского города Шакрак // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. – Краснодар: КубГУ. С. 43-47.

16. Гавритухин И.О., Паромов Я.М., 2003. Ильичевское городище и памятники его округа // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII века. Археология. М. С. 152-157.

17. Гавритухин И.О., Пьянков А.В., 2003. Раннесредневековые древности побережья (IV-IX вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV-XIII века. М.: Наука. С. 186-200.

18. Герасимова М.М. 2019: Краниологические особенности населения верховой левобережья р. Кубань VIII–XII вв. // Вестник антропологии. № 4(48). С. 178–196.
19. Герасимова М.М., Тихонов А.Г., 2003. Новые краниологические данные к проблеме происхождения адыгов // Горизонты антропологии: Труды Международной научной конференции памяти академика В.П. Алексеева. М.: Наука. С. 286–290.
20. Герасимова М.М., Фризен С.Ю., Васильев С.В., 2018. Краниологические материалы из средневековых могильников Краснодарского края // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 4 (43). С. 108–119.
21. Голубев Л.Э., 2002. Мамлюкские гербы из Прикубанья // Историко-археологический альманах. – Армавир – Москва. – Вып. 8. – С. 142–146.
22. Голубев Л.Э., 2004. Социально-экономическое и политическое развитие адыгов в XIII–XV вв. Диссертация на соиск. уч. степ. канд. истор. н.: 07.00.06. Майкоп.
23. Голубев Л.Э., 2004. Новые погребения половецкого времени из степного Прикубанья // Материалы и исследования археологии Кубани. Вып. 4. Краснодар.
24. Голубев Л.Э. Адыги в XIII–XV веках. Краснодар, 2017. 192 с.
25. Горлов Ю.В., Чхаидзе В.Н. Средневековое поселение Веселовка 2 на Таманском полуострове // Древности Боспора. Том 12. Часть I. М. 2008. С. 187–195.
26. Дмитриев А.В., Нарожный Е.И., 2019. Два захоронения воинов-кочевников XIII–XIV вв. из Северо-Восточного Причерноморья (к истории формирования комплекса вооружения Золотой Орды) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. II. Казань – Кишинев. С. 599–639.
27. Дружинина, И.А. 2018. Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв. как источник по истории адыгских народов. Диссертация на соиск. уч. степ. канд. истор. н.: 07.00.06. М.
28. Дружинина И.А., 2016. К изучению этногенеза адыгов по данным краниологии: археологический контекст // XXIX Крупновские чтения. Грозный: Изд-во ЧГУ. С. 211–214.
29. Дружинина И.А. 2016. Нижнее Закубанье в XIII–XIV вв.: на границе культур и природных зон // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Казань; Ялта; Кишинев. С. 215–219.
30. Дружинина И. А., 2018. Историческая область Папагия трактата Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» в свете письменных и археологических источников // Нижневолжский археологический вестник. Т. 17, №1. С. 76–89.
31. Дружинина И.А., 2019. Об устойчивых историографических мифах в изучении средневековой истории народов Северо-Западного Кавказа // Кавказский сборник. Под ред. В.В. Дегоева. Москва: МГИМО МИД РФС. 10–34.
32. Дружинина И.А., 2020. Население низовий Кубани XIII–XIV вв. по археологическим и антропологическим материалам: продолжение дискуссии // Проблемы истории, филологии, культуры. №3. 206–226.
33. Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., 2011. Адыги предгорий Северо-Западного Кавказа в XIV–XVIII вв. (по материалам курганных могильников среднего течения р. Абин) // Этнографическое обозрение. №2. С. 149–156.
34. Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье Армавир–М.. 266 с.
35. Дружинина И.А., Медникова М.Б., 2019. Между Крымом, Кавказом и Степью: население степного левобережья Кубани в XIV в. (По материалам археологического и антропологического изучения грунтовых могильников) // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. № 1. С. 104–116.
36. Зайцев И.В., 2016. Новая рукопись Шоры Ногмова: Шора Ногмов, шотландские миссионеры, Юлиус Клапрот и тюркские рукописи // TRANSCAUCASICA, 2015–2016, Вып. 3. С. 102–112.
37. Зайцев И.В., Чхаидзе В.Н. Эпитафия Батыр-Гирея-оглу из Таманского археологического музея // Российская археология. № 1. М., 2015. С. 160–163.
38. Зайцев И.В., Чхаидзе В.Н., 2019. Османская эпиграфика Тамани // Вопросы эпиграфики. Вып. X. – М.: Университет Дмитрия Пожарского. С. 40–56.
39. История адыгов в документах Османского государственного архива. – Вып. 1. Нальчик, 2009.
40. История и родословная черкесов, 2019. История и родословная черкесов: издание рукописи тюркского исторического сочинения XVIII в. 110 с.
41. Каштанов Д.В., 2010. Греческая эпиграфика Северного Кавказа: проблемы датировки // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. Магас. С. 174–176.
42. Каштанов Д.В., 2014. Казус Миллена: Dominus Alanogum или Tschrkassischer Fürst? // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы международной конференции. М., 2014. С. 359–362.
43. Каштанов Д.В., 2016. Еще раз об источниках реконструкции Зеленчукской надписи, или нужно ли утверждать множество без необходимости // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы международной конференции. Грозный. С. 224–225.
44. Каштанов Д.В., Чхаидзе В.Н., 2010. Надгробие 1590 г. из Тамани // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов Международной научной конференции. Магас. С. 176–179.

45. Каштанов Д.В., Пьянков А.В., 2013. Греческая надпись из станицы Курджипской // Шестая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. – Краснодар. – С. 171–173.
46. Кочкаров У.Ю., 2008. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). М. 175 с.
47. Медынцева А.А., Чхаидзе В.Н. Новая древнерусская надпись из Тмутаракани // Российская археология. № 1. 2008. М. С. 101-103.
48. Новичихин А.М., 2006. Каменный крест с греческой надписью из Анапы // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Нальчик, 147–148.
49. Нарожный Е.И. 2008. Этнокультурные процессы XIII–XIV вв. на Северном Кавказе (по историко-археологическим данным) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Том II. М.: ИА РАН. С. 490-494.
50. Нарожный, Е.И. 2018. Об “этнокультурных”, “этномиксационных” и “этноформирующих” процессах XIII-XV вв. в Северо-Восточном Причерноморье (дискуссионные аспекты проблемы) // Этногенез и этническая история народов Кавказа. Грозный, 712–730.
51. Нарожный, Е.И. 2019. Археологические памятники XIII–XV вв. на Кубани (некоторые актуальные направления в их изучении) // Социально-гуманитарный вестник. Вып. 24, 22–32.
52. Носкова Л.М., 2002. К вопросу об этническом составе Закубанья в эпоху раннего средневековья // Материальная культура Востока. Вып. 3. М. С. 169-187.
53. Носкова Л.М., 2006. Погребальный обряд адыгов XVI – XVIII вв. // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931-2000). М. – С. 168–169.
54. Носкова Л.М., 2010. Средневековый могильник в поселке Кабардинка близ Геленджика (по материалам раскопок 1990 года) // Материальная культура Востока. Вып. 5. М. С. 167–200.
55. Пьянков А.В., 2001. Касоги–казахи–кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар: Крайбибколлектор. С. 198-213.
56. Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 2008. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: опыт сопоставления // Древности юга России: сб. науч. ст. памяти А.Г. Атавина. М.: ИА РАН. С. 275-295.
57. Сивер А. В. Шапсуги. Этническая история и идентификация. – Нальчик, 2002. 216 с.
58. Стрельченко М.Л., 2003. Особенности погребального обряда могильников Северо-Западного Кавказа XIII–XV вв. // Древности Кубани. Вып. 19. Краснодар. С. 30-38.
59. Тохтасъев С.Р., 2012. Из комментариев к Константину Багрянородному // Письменные памятники Востока. №1(16). С. 75-86.
60. Тхайцухов М.С., 2005. Абазины на Северном Кавказе и в Турции (XVIII–XX вв.) Диссертация на соиск. уч. ст. доктора исторических наук. М. 52 с.
61. Успенский П.С., 2015. Кремационные погребения Северо-Западного Кавказа VIII–XIII вв. как исторический источник. Автореф. дисс.... канд. истор. наук. М. 30 с.
62. Успенский П.С., Добровольская М.В., Клещенко Е.А., Шишлов А.В., Федоренко Н.В., 2013. Воинские погребения по обряду трупосожжения биритуального могильника Кедровая роща // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 231. С. 141-153.
63. Чхаидзе В.Н., 2004. Голубицкое городище (к вопросу об исторической интерпретации) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Выпуск 4. Армавир. С. 234-244.
64. Чхаидзе В.Н., 2005. Раннесредневековые амфоры из Фанагории (по материалам раскопок 1939–1980 гг.) // Древности Боспора. Том 8. М. С. 443-464.
65. Чхаидзе В.Н., 2006. Средневековые погребения в каменных ящиках на Таманском полуострове // Средневековая археология Евразийских степей: сб. науч. ст. Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 3. М.; Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ. С. 53-86.
66. Чхаидзе В.Н., 2006. Средневековое сельское поселение на городище Кепы // Древности Боспора. Том 10. М. С. 487-517.
67. Чхаидзе В.Н., 2007. Гермонасса – Томы – Таматарха: позднеантичный и раннесредневековый город на Боспоре // Археологические вести. № 14. С. 141-144.
68. Чхаидзе В.Н., 2008. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М. 328 с.
69. Чхаидзе В.Н., 2008. Погребения средневековых кочевников и каменные тюркские изваяния из степного Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 9. Армавир. С. 118-138.
70. Чхаидзе В.Н., 2009. Средневековые кочевнические погребения в степном Прикубанье из раскопок конца XIX – начала XX вв. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 10. Армавир. С. 116-126.
71. Чхаидзе В.Н., 2010. Тмутаракань – владение Древнерусского государства в 80-е гг. X – 90-е гг. XI веков // Вестник МГПУ. № 1 (5). М. С. 20–37.
72. Чхаидзе В.Н., 2012. Фанагория в VI–X веках. М: Триумф принт. 590 с.
73. Чхаидзе В.Н., 2012. Мусульманские некрополи Позднего Средневековья – Нового времени в Восточном Приазовье // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Махачкала. С. 406-408.
74. Чхаидзе В.Н., 2013. Зихская епархия: письменные и археологические свидетельства //

ХΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Севастополь. С. 47-68.

75. Чхаидзе В.Н., 2015. Византийские печати из Тамани. М. 202 с.

76. Чхаидзе В.Н., 2016. «Хазария» XI века: к вопросу о локализации (по данным византийских моливдовулов). М.. 44 с.

77. Чхаидзе В.Н., 2018. Византийская власть на Боспоре (последняя четверть XI - начало XIII вв.) // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 2018. № 23. С. 721-730.

78. Чхаидзе В.Н., 2018. Средневековое поселение на городище Ильич // *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. Вып. 16. Армавир–Краснодар. С. 81-104.

79. Чхаидзе В.Н., 2018. Тмутаракань: печальный опыт историографии начала XXI века. *Addenda et Corrigenda*. М: Бегемот. 68 с.

80. Чхаидзе В.Н., Атавин А.Г., 2005. Средневековые монеты из Фанагории (к вопросу о бытовании городища в X–XVIII вв.) // *Материалы*

и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир. С. 348-358.

81. Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А., 2005. Граффити из Софии Киевской – свидетельство христианизации касогов в конце XI – начале XII вв. // *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. Вып. 5. Армавир: АГПУ, 2005. С. 155-158.

82. Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А., 2010. Тяжеловооруженные золотоордынские воины Восточного Приазовья // *Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии*. № 1. М.. С. 110-125.

83. Чхаидзе В.Н., Устаева Э.Р., 2009. Византийские печати из раскопок Таманского городища // *Византийский временник*. Том 68 (93). М. С. 194-202.

84. Шишлов А.В., 2007. Поселение у балки Лисовицкого // *Археологические открытия на Кубани в 2005–2006 гг.* Краснодар.

УДК [94:355.425.4](477.63)"1917/1920"

Zaitsev S. I.

postgraduate student

*of the Department of Historical Local History
Ivan Franko National University of Lviv*

DRIVING FORCES OF THE REBEL-PARTISAN MOVEMENT IN KATERYNOSLAV REGION IN THE 1917 – FIRST HALF OF THE 1920S.

Зайцев С. І.

*аспірант кафедри історичного краєзнавства
Львівського національного університету
імені Івана Франка*

РУШІЙНІ СИЛИ ПОВСТАНСЬКО-ПАРТИЗАНСЬКОГО РУХУ НА КАТЕРИНОСЛАВЩИНІ У 1917 – ПЕРШІЙ ПОЛОВИНІ 1920-Х РР.

Summary. The article names the main driving forces of the rebel-partisan movement in the Ekaternoslav region in 1917 – early 1920's. Their social base is indicated, social and political demands are revealed, history of formation is investigated, main features of these forces and their place in the revolutionary events in the region are highlighted.

Анотація. У статті названо головні рушійні сили повстансько-партизанського руху на території Катеринославщини у 1917 – початку 1920-х рр. Вказано їх соціальну базу, розкрито соціальні та політичні вимоги, досліджено історію становлення, виділено головні особливості цих сил, а також їх місце в революційних подіях у регіоні.

Key words: *Ekaternoslav region, rebel-partisan fight, Bolshevism, pro-Ukrainian forces, anarchism, apolitical movement.*

Ключові слова: *Катеринославщина, повстансько-партизанська боротьба, більшовизм, проукраїнські сили, анархізм, аполітичний рух.*

Постановка проблеми. Вивчення історії повстансько-партизанської боротьби на українських землях періоду Української революції 1917 – 1921 рр. та перших післяреволюційних років є досить актуальним на сьогоднішній день. Проте, повноцінний та всебічний аналіз цієї боротьби неможливий без виокремлення її головних рушійних сил. Крім того, акцентування уваги на окремому регіоні, яким у даному випадку виступає Катеринославщина, дозволить більш детально розкрити досліджуване питання.

Аналіз останніх публікацій. Незважаючи на майже сторічну історіографію, праці, на сторінках яких здійснюється об'єктивне висвітлення особливостей і характерних рис головних рушійних сил повстансько-партизанського руху на Катеринославщині періоду революційних подій 1917 – початку 1920-х рр., почали з'являтися лише в останні десятиліття [Див.: 1–7]. Однак, до сьогодні не існує єдиного дослідження, в якому би здійснювалося комплексне та всебічне висвітлення розглянутої у статті тематики.

Мета дослідження полягає у визначенні головних рушійних сил повстансько-партизанського руху на Катеринославщині у 1917 – першій половині 1920-х рр., аналізі їх характерних рис і особливостей.

Виклад основного матеріалу. Незважаючи на повалення самодержавного режиму в Російській імперії в лютому 1917 р. внаслідок перемоги демократичної революції, значна частина населення країни залишилася незадоволеною й прагнула проведення певних суспільно-політичних змін, не відкидаючи при цьому можливості ведення активної збройної боротьби. Доволі помітну, а часом і вирішальну роль у цій боротьбі відігравали представники іррегулярних збройних формувань, які розгорнули на території держави активний повстансько-партизанський рух. Учасниками цього руху були як прихильники певних організованих політичних сил, головна мета діяльності яких полягала у захопленні влади до своїх рук, так і аполітична частина населення, що виступала лише за задоволення своїх соціальних потреб. На території Катеринославщини у 1917 – першій половині 1920-х рр. до першої категорії відносилися більшовизм, український національний рух та анархізм, до другої – селянський, робітничий та асоціальний рухи.

Більшовизм являв собою ідеологічну та політичну течію Російської соціал-демократичної робітничої партії більшовиків (далі – РСДРП(б)), засновану на вченні К. Маркса. В основу її програми було покладено ідею насильницької ліквідації приватної власності. Більшовизм виник і організаційно оформився на другому з'їзді РСДРП у 1903 р., коли названа партія розпалася на так звані «більшовиків» та «меншовиків», і являв собою її радикальне крило. Вказана течія відіграла помітну роль у повстансько-партизанському русі на Катеринославщині у 1917–1920-х рр. і, не в останню чергу завдячуючи цьому рухові, в кінцевому підсумку прибрала владу в регіоні до своїх рук на довгі десятиліття.

Зародження витоків наближеної до більшовизму ідеології на Катеринославщині відбулося кількома десятиліттями раніше революційних подій 1917–1921 рр. Дослідники історії партії більшовиків у регіоні відносять появу її предтечі до 1871 р. Тоді у Катеринославі виник перший революційно-пропагандистський гурток, який встановив зв'язки з революційним середовищем Харкова, Києва, Москви, Петербургу та інших міст, але активної діяльності розгорнути не встиг через його розкриття місцевою поліцією [8, с. 9].

Розвиток промисловості у регіоні наприкінці XIX ст. призвів до збільшення на його теренах чисельності робітничого класу, котрий у майбутньому став головною опорою більшовизму. Значна частина цих робітників являла собою російськомовних вихідців із етнічних російських земель. У цей час на ґрунті російського робітничого руху в Російській імперії почали виникати перші марксистські гуртки, в тому числі й у промислових центрах України. Так Катеринослав став одним із

центрів формування перших марксистських груп в Україні. Їх організаторами були, як правило, інтелігенти та заслані соціал-демократи із міст Центральної Росії. Відомо про появу таких гуртків у Катеринославі у 1889 та 1890 рр. Однак, вони обидва розпалися у 1893 р. через виїзд із міста більшості їх учасників [8, с. 10–11, 14–16; 9, с. IV].

У 1894 р. на Катеринославщині виникають перші гуртки власне РСДРП. Вони були організовані у Катеринославі Г. Мендельштамом та Лейтензоном (Ліндовим) на Брянському заводі та серед ремісників [10, с. 35–36]. Вони займалися агітацією робітників до боротьби за поліпшення своїх соціальних та побутових інтересів, а для підвищення ефективності своєї роботи влаштували на конспіративній квартирі спеціальні курси для навчання агітаторів [11, с. 40–41]. За короткий період часу Катеринославська організація змогла поширити свій вплив на завод у місті Кам'янському та інші промислові об'єкти регіону, але у вересні 1895 р. була майже повністю арештована царською владою [10, с. 37].

У 1903 р. більшовики відкололися від РСДРП. Їх пропаганда обіцяла швидку побудову нового суспільства і наголошувала на тому, що знає, як це зробити. Це сприяло появі вже суто більшовицьких гуртків на території Російської імперії, в тому числі й на Катеринославщині. Під час революційних подій 1905–1906 рр. більшовики краю допомагали робітникам організовувати страйки, поширювали антиурядові листівки, закликали населення до збройної боротьби. Така діяльність місцевих більшовиків призвела до репресій із боку уряду. Однак, за короткий час вони зуміли поновити свою політичну діяльність. Відомо, що в 1908 р. їх організації існували в Катеринославі, Кривому Розі, Павлограді та Нікополі [8, с. 44–78].

Напередодні та під час Першої світової війни місцеві більшовики продовжували агітацію серед робітничих верств населення, однак, через переслідуваннями з боку уряду, переважна їх більшість була заарештована або виїхала за межі регіону [12, арк. 15, 22]. Це призвело до того, що на початку революційних потрясень 1917 р. їхні організації були не чисельними та обмежувались лише найбільшими промисловими робітничими центрами, такими як Катеринослав, Кривий Ріг, Кам'янське, Павлоград і Нікополь. Однак, це не завадило більшовикам Катеринославщини із перших днів революції долучитися до боротьби за владу, важливе місце в якій посідав повстансько-партизанський рух, і, в кінцевому підсумку, вийти із неї переможцями.

На початку революції більшовики не мали чіткої програми дій, великої чисельності та впливу. Метою їх політики було створення соціалістичного суспільства, що передбачало насильницьку ліквідацію приватної власності та встановлення «диктатури пролетаріату». Для заручення підтримкою широких верств населення їхнім керманічем В. Леніном були висунуті гасла про боротьбу більшовиків за перехід всієї влади у державі радам, членом котрих міг стати кожен громадянин, перерозподіл між селянськими

господарствами поміщицької землі, поліпшення умов праці робітників, а також про право на самовизначення націй. Головною ж базою для формування своєї революційної армії більшовики вважали пролетаріат. Більшовицькі іррегулярні збройні формування в досліджуваній період були представлені загонами Червоної гвардії та підпілними і партизанськими підрозділами.

Українські національні сили Катеринославщини, поряд із більшовицькими, також вийшли на політичну арену з перших днів революції. Проте їхнє зародження та розвиток також проходили дещо раніше.

Напередодні та протягом подій Української революції 1917–1921 рр. Катеринославщина являла собою регіон заселений у переважній більшості українським населенням. У цьому можна переконатися, проаналізувавши данні Першого загального перепису населення Російської імперії 1897 р. та Всесоюзного перепису населення 1926 р. [13, с. VIII; 14, с. 120–121].

Частина українського населення краю, особливо суто придніпровських сіл, здебільшого являла собою нащадків запорозьких козаків і дотримувалася їхніх традицій. На цьому наголошував очільник Українських січових стрільців на Наддніпрянській Україні у 1918 р. Вільгельм фон Габсбург (Василь Вишиваний), котрий, відвідавши низку населених пунктів, розташованих у районі дніпровського Великого Лугу та Надпорожжя, зазначав: «Територія давнього Запорожжя має несподівано свідоме українське населення... Традиція українського козацтва там дуже жива. В усім пробивається у них та старина. Багато оповідає, що його дід чи прадід був на «Січі». Кожний гордиться тим, що він з вольного козацького роду» [15, с. 134].

Однак, у той же час важко не погодитися із твердженнями Д. Гонти, котрий, описуючи становище краю напередодні 1917 р., зауважував, що, після скасування імператрицею Катериною II козацького устрою, тут відбувався занепад українських національних сил, котрі поступово переходили під російський вплив. Незначна частина проукраїнської інтелігенції перебувала у містах. Найчисельніша ж група населення – селянство переймалося переважно земельним питанням і було байдужим до національного руху [16, с. 16].

Таким чином, незважаючи на переважаючу більшість українського етнічного населення, рівень його національної свідомості на даній території у цей період все ж не був високим та швидше мав латентний характер, і до початку ХХ ст. Катеринославщину не можна було характеризувати, як регіон із розвиненим проукраїнським рухом. Певним чином його активізували революційні події 1905–1907 рр. У цей час, за галицьким прикладом, в українських містах і містечках розпочинає розгортатися мережа товариств «Просвіти», які стали головними осередками проукраїнського руху. У 1916 р. царською владою було заборонено діяльність «Просвіт». Проте, вона відновлюється вже з

перших днів початку Української революції. Відомо, що на середину серпня 1917 р. «Просвіта» мала достатньо розгалужену мережу у регіоні й була представлена понад 30 філіями [17].

Важливим каталізатором українського національного пробудження стала Перша світова війна. Переважна більшість українського населення до мобілізації на фронт ще не ідентифікувала себе з певною нацією, а лише із регіоном з якого походила. Проте, солдати-українці, що перебували у складі російської армії, побувавши на території Галичини та Буковини, побачили більш розвинене українське культурне життя. Це посприяло широкому національному самоусвідомленню в середовищі українців Наддніпрянщини, зокрема молоді [18, с. 106].

Усі вищенаведені фактори в тій чи іншій мірі певним чином сприяли зародженню та розповсюдженню національного руху серед українського населення краю й уже на початку 1917 р. певна частина українців Катеринославщини виявилася готовою взяти участь у відновленні української державності. Головною базою українства у регіоні було село. Але, як вже зазначалося, його представники не були підготовлені до участі у національному русі. Таким чином, спочатку український рух на Катеринославщині розвивався поволі і був спрямований насамперед на виконання справ культурно-освітнього характеру. І лише протягом літа 1917 р. вплив національного пробудження починає зростати [19, с. 65].

Першими представниками проукраїнських повстанських та партизанських загонів стали національно свідомі громадяни, що знали історію свого краю та загітоване ними місцеве населення [16, с. 16–19]. Переважно це були колишні військові-українці, міська та сільська українська інтелігенція, представники заможного селянства. Загалом же проукраїнський повстансько-партизанський рух на Катеринославщині був представлений такими явищами, як вільнокозацький рух та отаманщина.

Ще однією ідеологічною течією, що впливала на світогляд тодішніх повстансько-партизанських сил Катеринославщини був анархізм.

Поява перших анархістських груп у формі політичних організацій на території Катеринославщини відноситься до початку ХХ ст. і характеризується в основному терористичною діяльністю. Перша документальна згадка про організацію анархістів на Катеринославщині датується 1904 р. і пов'язана з Катеринославом, що згодом став відігравати провідну роль у житті анархізму в краї, ставши другим після Одеси загальноімперським центром анархізму. Тоді тут було утворено так звану «Групу робітничої змови», представники котрої були прибічниками однієї із течій анархізму – махаївщини [20]. Суть цього напрямку зводилася до тверджень, що основним ворогом робітничого класу виступає інтелігенція [21, с. 58–69]. Вони називали себе «Партією боротьби з дрібною власністю та усюкою владою» та займалися грабунками. Однак у серпні того ж

року її очільники Копель Ерделевський і Нохим Бруммер були заарештовані й група припинила свою діяльність [20].

Справжній розвиток анархізму на території Катеринославщини відбувся у роки Першої російської революції. Чергове піднесення діяльності анархістських груп у Катеринославі відбулося наприкінці 1907 – початку 1908 рр., коли місто стало центром діяльності анархо-комуністичного «Бойового інтернаціонального загону» [20].

Протягом наступних років урядом було проведено чисельні арешти місцевих анархістів. Це призвело до того, що на період початку революційних подій 1917 р. анархізм втратив свій вплив, оскільки більшість його представників опинилися у в'язницях і засланнях або в еміграції. Однак, окремі представники анархізму, все ж продовжували свою агітаційну діяльність. Так, у 1916 р. анархісти Катеринослава агітували робітників за індивідуальний терор проти капіталістичного суспільства [12, арк. 18].

У 1917–1920-х рр. на Катеринославщині був відомий анархо-синдикалізм та анархо-комунізм. Анархо-синдикалізм являв собою робітничий рух. Найважливішими принципами, на яких ґрунтувався анархо-синдикалізм, були солідарність робітників, пряма дія (загальний страйк і повсякденна боротьба на робочому місці, саботаж), самоврядування робітників [22, с. 90–91]. У зазначений період групи анархо-синдикалістів існували головним чином у Катеринославі. Проте їх роль у повстансько-партизанському русі була незначною й обмежувалася локальними виступами або входженням до складу інших більш потужних збройних формувань.

Основним анархістським напрямом на Катеринославщині був анархо-комунізм, представлений головним чином повстансько-партизанським рухом під проводом Н. Махна: махновщиною. У його основі лежала концепція побудови суспільства, яке складалося б із самоврядних комун та громад, з організованим колективним використанням засобів виробництва та принципом прямої демократії, тобто колективного, спільного ухвалення рішень. Основною верствою населення, що складала ядро анархістських загонів, стало незаможне селянство. Для більшості із них анархізм був не конкретною ідеологією, а означав звільнення від недосконалої системи влади, що обтяжувала їх податками та примусовою мобілізацією до війська [22, с. 90, 93–94]. Склад анархістських загонів був непостійним і залежав від військово-політичної обстановки. Причиною цього слід вважати відсутність чітко побудованої далекоглядної програми, котра би дозволила анархізму широко розповсюдитися та закріпитися у масах, як визначена суспільно-політична теорія [23, с. 39].

Повстанський рух на території Катеринославщини у 1917 – першій половині 1920-х рр. окрім рухів очолованих певними політичними силами, був представлений і

аполітичними течіями: стихійними селянським та робітничим рухами, а також бандитизмом.

Селянство було найчисельнішим станом Катеринославщини і на початку ХХ ст. за різними даними складало близько 80,1–87,5 % усього населення [13, с. X; 25, с. 27]. Як уже зазначалося, переважна його більшість за національністю була українцями, однак рівень їх національної свідомості був дуже низьким. У досліджуваній період селянство Катеринославщини масово не долучалося до жодної армії на постійній основі, відзначаючись непостійністю у підтримці будь-яких політичних режимів взагалі. Головним питанням, розв'язання котрого вони прагнули, було земельне, а тому під час бойових дій вони підтримували ті політичні сили, котрі обіцяли його розв'язати відповідно до їхніх інтересів. Не отримавши від цих сил бажаного результату, вони нерідко повставали проти них або пасивно споглядало, як ворожі йому сили знищують одне одного.

Тогочасне відношення місцевого селянства до влади, як найкраще відображає наведена білогвардійцем А. Біпецьким у своїх спогадах приказка, популярна на Катеринославщині:

«Власть – советам,
Земля – кадетам,
Деньги – большевикам,
И шиш – мужикам...» [25, с. 775]

Окрему вагу слід звернути й на наявність на Катеринославщині робітничого руху. Робітничий клас напередодні революційних подій 1917–1921 рр. не був численним. Найбільшими робітничими осередками на той час були Катеринослав, який нараховував 50 тисяч робітників та Кам'янське. Інші міста не відзначалися великою кількістю представників робітничого стану. Характерними гаслами боротьби робітників були поліпшення умов праці та створення профспілок або інших робітничих органів самоуправління. Як правило їх виступи мали мирний характер. Проте, робітники, як і селяни, нерідко долучалися до збройних підрозділів, створених різними політичними силами. Загалом їхні погляди відзначалися недовір'ям до усіх нетрудових верств населення та бажанням завоювати незалежність праці [23, с. 45].

Революційні події на території Катеринославщини супроводжувалися розгортанням на її території й бандитського руху. Однак, варто зазначити, що до березня 1917 р. у регіоні він ще не набув широкого розповсюдження. Так, за даними катеринославського довідника за 1916 р. не зустрічається жодної згадки про його існування [24, с. 31]. У досліджуваній період до них належали загони організовані колишніми каторжниками, кримінальними злочинцями та дезертирами із регулярних армій.

Висновки. Таким чином, незважаючи на наявність на території Катеринославщини різних суспільно-політичних течій, домінантними тут у 1917 – першій половині 1920-х рр. стали проукраїнський рух, більшовизм та анархізм. Саме організовані їхніми лідерами іррегулярні бойові

формування відіграли ключову роль у повстансько-партизанській боротьбі в регіоні. Вказані рухи мали різні програми діяльності, погляди на революцію та гасла, спиралися на різні прошарки населення. Так, більшовизм боровся за ліквідацію приватної власності та побудову соціалістичного суспільства. Головною його опорою став переважно міський пролетаріат. Представники проукраїнського руху прагнули здобуття незалежності України і спиралися на національно свідомі верстви населення, головним чином на інтелігенцію та заможне селянство. Анархісти ж виступали за створення вільного бездержавного самокерованого суспільства з принципом рівноправності для кожної його особистості. Свою підтримку вони знаходили серед місцевого незаможного селянства. Окрім того, на території регіону у вказаний період був наявний і аполітичний рух, представлений селянським, робітничим та бандитським рухами. Для них була характерною непостійність у політичних поглядах і незацікавленість революційною боротьбою. Представники бандитизму так само були далекими від політичних програм. Отже, у 1917 – першій половині 1920-х рр. Катеринославщина являла собою різнобарвний у політичному сенсі регіон, що знайшло своє віддзеркалення на характеристиці тутешнього повстансько-партизанського руху.

Список літератури

1. Архирейський Д. В. До питання про політико-ідеологічну основу махновського руху / Д. В. Архирейський // Наддніпрянська Україна: історичні процеси, події, постаті. – 2017. – Вип. 15. – С. 156–166. [Arkhirejs'kyj, D. V. (2017). Do pytannia pro polityko-ideolohichnu osnovu makhnovskoho rukhu. Naddnyprians'ka Ukraina: istorychni protsesy, podii, postati, 15, 156–166. (In Ukrainian).].
2. Бондаренко В. Г. Український вільно козацький рух на Україні та на еміграції (1919 – 1993 рр.): монографія / В. Г. Бондаренко. – Запоріжжя: Запорізький національний університет, 2016. – 600 с. [Bondarenko, V. H. (2016). Ukrain's'kyj vil'no kozats'kyj rukh na Ukraini ta na emihratsii (1919 – 1993 rr.): monohrafiia. Zaporizhzhia: Zaporiz'kyj natsional'nyj universytet. (In Ukrainian).].
3. Верстюк В. Ф. Махновщина: Селянський повстанський рух на Україні (1918–1921) / В. Ф. Верстюк. – К.: Наук. думка, 1991. – 368 с. [Verstiuk, V. F. (1991). Makhnovschyna: Selians'kyj povstans'kyj rukh na Ukraini (1918–1921). K.: Nauk. Dumka. (In Ukrainian).].
4. Єфіменко Г. Сила ілюзій: основні чинники посилення впливу більшовизму (до жовтня 1917 р.) / Єфіменко Г. // Україна радянська. Ілюзії та катастрофи «комуністичного раю» / під заг. ред. Г. Єфіменка. – Х.: КСД, 2017. – С. 8–60. [Yefimenko, H. (2017). Syl'a iliuzij: osnovni chynnyky posylennia vplyvu bil'shovyzmu (do zhovtnia 1917 r.). In H. Yefymenko (Ed.) Ukraina radians'ka. Iliuzii ta katastrofy «komunistychnoho raiu» (pp. 8–60). Kh.: KSD. (In Ukrainian).].
5. Лободаєв В. М. Революційна стихія. Вільнокозацький рух в Україні 1917–1918 рр.: Наукове видання / В. М. Лободаєв. – К: Темпора, 2010. – 672 с.: іл. [Lobodaiev, V. M. (2010). Revoliutsijna stykhiiia. Vil'nokozats'kyj rukh v Ukraini 1917–1918 rr.: Naukove vydannia. K: Tempora. (In Ukrainian).].
6. Митрофаненко Ю. Українська отаманщина 1918–1919 років / Ю. Митрофаненко. – Вид. 3-тє, випр. і доповн. – Кропивницький: Імекс-ЛТД, 2016. – 240 с. [Mytrofanenko, Yu. (2016). Ukrain's'ka otamanschyna 1918–1919 rokiv. Kropyvnyts'kyj: Imeks-LTD. (In Ukrainian).].
7. Ситник О. Ідеологія анархістського руху в Україні періоду 1917–1921 років / О. Ситник // Схід. – 2009. – № 5 (96). – С. 78–80. [Sytnyk, O. (2009). Ideolohiia anarkhists'koho rukhu v Ukraini periodu 1917–1921 rokiv. Skhid, 5 (96), 78–80. (In Ukrainian).].
8. Очерки истории Днепропетровской областной партийной организации / председатель ред. колл. И.В. Васильев. – Днепропетровск: Проминь, 1979. – 616 с. [Vasil'ev, I.V. (Ed.). (1979). Ocherki istorii Dnepropetrovskoj oblastnoj partijnoj organizacii. Dnepropetrovsk: Promin'. (in Russian).].
9. Власенко С. Пятидесятилетие Григория Ивановича Петровского / С. Власенко // Летопись революции. – 1928. – № 1 (28). – С. I–XXI. [Vlasenko, S. (1928). Pyatidesyatiletie Grigoriya Ivanovicha Petrovskogo. Letopis' revolyucii, 1 (28), I–XXI. (in Russian).].
10. В. А. Воспоминание о партийной работе в Екатеринславе / А. В. // Летопись революции. – 1923. – № 2. – С. 35–38. [V. A. (1923). Vospominanie o partijnoj rabote v Ekaterinslave. Letopis' revolyucii, 2, 35–38. (in Russian).].
11. Смирнов А. Воспоминание о первом кружке социал-демократической рабочей партии г. Екатеринослава в 1894 году / А. Смирнов // Летопись революции. – 1923. – № 2. – С. 39–43. [Smirnov, A. (1923). Vospominanie o pervom kruzhe social-demokraticeskoy rabochej partii g. Ekaterinoslava v 1894 godu. Letopis' revolyucii, 2, 39–43. (in Russian).].
12. Державний архів Дніпропетровської області. – Ф. Р-4416. – Оп 1. – Спр 47. – 37 арк. [Derzhavnyj arkhiv Dnipropetrovs'koj oblasti, F. R-4416, Op 1, Spr 47. (in Russian).].
13. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. – Т. 13: Екатеринославская губерния / Под редакцией Н. А. Тройницкого. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. – СПб, 1904. – 254 с. [Trojnickij, N. A. (Ed.). (1904). Pervaya vseobshhaya perepis' naseleniya Rossijskoj Imperii 1897 g. (Vol. 13: Ekaterinoslavskaya guberniya). Izdanie Central'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennix del. SPb. (in Russian).].
14. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. – Вып. 4: Народность и родной язык населения СССР. – Изд. ЦСУ Союза ССР. – М, 1928. – XXIX, 138, [1] с.: табл., диагр., к. [Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 17 dekabrya 1926

g.: kratkie svodki. (Vyp. 4: Narodnost' i rodnoj yazyk naseleniya SSSR). Izd. CSU Soyuzsa SSR. M. (in Russian).].

15. Терещенко Ю. Український патріот із династії Габсбургів: Науково-документальне видання / Ю. Терещенко, Т. Осташко. – Київ: Темпора, 2011. – 408 с.: іл. [Tereschenko, Yu. & Ostashko, T. (2011). Ukrains'kyj patriot iz dynastii Habsburhiv: Naukovo-dokumental'ne vydannia. Kyiv: Tempora. (in Ukrainian).].

16. Гонта Д. Отаманщина: (Отаман Божко) / Д. Гонта // Київ. – 1957. – № 1 (40). – С. 16–19. [Gonta, D. (1957). Otamanschyna: (Otaman Bozhko). Kyiv, 1 (40), 16–19. (in Ukrainian).].

17. Мірошніченко М. 19 серпня у Січеславі: «Просвіта» підбивала підсумки своєї діяльності та відбувався краудфандінг для бібліотеки університету. [Електронний ресурс]. Режим доступу: http://dniprograd.org/2017/08/19/19-serpnya-u-sicheslavi-prosvita-pidbivala-pidsumki-svoei-diyalnosti-ta-vidbuvavsya-kraudfanding-dlya-biblioteki-universitetu_59646 (дата звернення 28.07.2020). [Miroshnychenko, M. (n. d.). 19 serpnia u Sicheslavi: «Prosvita» pidbyvala pidsumky svoiei diial'nosti ta vidbuvavsia kraudfandinh dlia biblioteki universytetu. Retrieved from July 28, 2020, from http://dniprograd.org/2017/08/19/19-serpnya-u-sicheslavi-prosvita-pidbivala-pidsumki-svoei-diyalnosti-ta-vidbuvavsya-kraudfanding-dlya-biblioteki-universitetu_59646 (in Ukrainian).].

18. Феденко П. Український рух у ХХ столітті / П. Феденко. – Лондон: «Наше слово», 1959. – 267 с. [Fedenko, P. (1959). Ukrains'kyj rukh u XX stolitti. London: «Nashe slovo». (in Ukrainian).].

19. Мазепа І. Україна в огні й бурі революції / І. Мазепа. – К.: Темпора, 2003. – 608 с.: іл. [Mazepa, I. (2003). Ukraina v ohni j buri revoliutsii. K.: Tempora. (in Ukrainian).].

20. Анархизм. Из докладной записки, составленной Департаментом полиции по анархистским группам и движениям в 1909 году

[Електронний ресурс]. Режим доступу: <https://piter.anarhist.org/chz9-02.htm> (дата звернення 29.07.2020). [Anarxizm. Iz dokladnoj zapiski, sostavlennoj Departamentom policii po anarxistskim grupam i dvizheniyam v 1909 godu. Retrieved from July 29, 2020, from <https://piter.anarhist.org/chz9-02.htm> (in Russian).].

21. Горев Б. И. Анархисты, максималисты и махаевцы: Анархические течения в первой русской революции / Б. И. Горев. – Пг.: Книга, 1918. – 69 с. [Gorev, B. I. (1918). Anarxisty, maksimalisty i mahaevcy: Anarxicheskie techeniya v pervoj russkoj revolyucii. Pg.: Kniga. (in Russian).].

22. Політологічна енциклопедія: Навчальний посібник / Укладачі: Карасевич А. О., Карасевич О. О., Шачковська Л. С. – Кн. 1. – Умань: ПП Жовтий О. О., 2016. – 548 с. [Karasevych, A. O., Karasevych, O. O., & Shachkovs'ka, L. S. (Comps.). (2016). Politolohichna entsyklopediia: Navchal'nyj posibnyk. (Kn. 1.). Uman': PP Zhovtyj O. O. (in Ukrainian).].

23. Аршинов П. А. История махновского движения (1918–1921) / П. А. Аршинов. – Запорожье: Дикое Поле, 1995. – 248 с. [Arshynov, P. A. (1995). Ystoryia makhnovskoho dvyzheniya (1918–1921). Zaporozh'e: Dykoe Pole. (in Russian).].

24. Екатеринославский Адрес-Календарь 1917 года. – Губернская типография, 1917. – 478 с. [Ekaterinoslavskij Adres-Kalendar' 1917 goda. Gubernskaya tipografiya. (in Russian).].

25. Бипецкий А. В. Борьба с Махно в районе Александровска / А. В. Бипецкий // Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. – М.: РОССПЭН, 2006. – С. 772–800. [Bipeckij, A. V. (2006). Bor'ba s Makhno v rajone Aleksandrovska. In Danilov, V., & Shanin, T. (Ed.). Nestor Makhno. Krest'yanskoe dvizhenie na Ukraine. 1918–1921: Dokumenty i materialy. (pp. 772–800). M.: ROSSPE'N. (in Russian).].

Zakharov S.

applicant Smolensk State University.

MUSEUM ACTIVITIES OF M.K. TENISHEVA

Захаров Сергей Викторович

Соискатель Смоленский Государственный университет

МУЗЕЙНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М.К. ТЕНИШЕВОЙ

Annotation. We include the Russian Antiquity Museum among the first museums in the Smolensk province. Unlike other museums, it was created thanks to a private initiative: the idea of creating a museum belonged to Maria Klavdievna Tenisheva. Collection of M.K. Tenisheva was formed and replenished through acquisitions from private collections, gifts and materials from archaeological expeditions. In the Russian Empire, in order to preserve a private collection, it was necessary to provide it with "premises and financial content",³ and this can also be called one of the goals of Maria Klavdievna to create a museum. We emphasize that M.K. Tenisheva was

³Skleenova, V. History of the Museum "Russian Antiquity" in Smolensky Krai. 2011. Vol. 5. P. 10-12. (in Rus.).

actively involved in social activities, had the "idea of a holistic approach to culture"⁴. In the farm Flenovo, near Talashkino, she created a school aimed at the comprehensive and creative development of children⁵.

Keywords: Tenisheva Maria Klavdievna, Museum, "Russian Antiquity", Talashkino.

Maria Klavdievna noted in her memoirs: "I wanted to put the collected treasures in order, and only after bringing into the light everything that had been lying in secluded corners for years, I saw that I had created a whole rich collection that needed a decent room"⁶. The collected collection was originally housed in Talashkino, in the building of an art workshop. The collection was ethnographic, and the museum was named "Skrynya". Talashkino simultaneously combined a museum and a training workshop⁷. The opening of the Skrynya Museum took place on 26⁸ June 1898. The word "skrynya" is an old Russian word that can be interpreted as a "chest". Consequently, the museum, according to M.K. Tenisheva, was a kind of treasure store. In addition to ethnographic materials, the museum also began to place works of Talashkino masters⁹. By this time, Maria Klavdievna began to communicate with Ivan Fedorovich Barshchevsky, a specialist in the field of applied art and architecture. He first visited Talashkino back in 1897¹⁰ and soon became the curator of the museum. Ivan Fedorovich began to influence the further formation of museum collections, expeditions around the Smolensk province began to be organized more often.¹¹ By 1903, there were more than 2,000 exhibits in the museum collection¹² and the available space was not enough.

Maria Klavdievna realized that to create a museum she needed the help of the authorities. She turned with a request for help to Nikolai Aleksandrovich Zvegintsev, the then governor of Smolensk. She wanted the Nikolskaya tower, the Smolensk fortress wall, which by that time was in a dilapidated state, was transferred to the museum¹³. Nikolskaya Tower met the idea of M.K. Tenisheva that the museum should be located in an "old setting". The authorities refused her, as they were not satisfied with the proposal to arrange "galleries" and expand the windows. Summoned to

Smolensk, academician of architecture P.P. Pokryshkin noted that the walls of the tower must not be touched. Then Maria Klavdievna decided to ask the governor for an area of 500-600 fathoms on Molokhovskaya Square¹⁴.

This time the request of M.K. Tenisheva was accepted for consideration. The authorities were ready to transfer a plot along Avraamievskaya Street. The proposal to create a museum was received by the authorities of Smolensk extremely positively¹⁵. However, this time the refusal came from Maria Klavdievna herself. She was unhappy with the help that the authorities were ready to give her. "The city, to which I asked to give me land for the museum, did not find anything better than to offer me a huge vacant lot, behind a wall, in a completely remote place... It was just a piece of a rampart and a huge pit next to it"¹⁶.

In our opinion, M.K. Tenisheva somewhat exaggerates the indifference of the authorities. Of course, the authorities could not provide the best for a private museum. As a result, M.K. Tenisheva turned to her close friend E.K. Svyatopolk-Chetvertinskaya, who actively contributed to the development of museum work in Smolensk. Svyatopolk-Chetvertinskaya offered Tenisheva "a piece of land that was located next to her house at the corner of Roslavl highway and Potemkinskaya street"¹⁷.

The museum building was built in 1903-1905. designed by the artist Sergei Malyutin¹⁸... M.K. Tenisheva chose S.V. Malyutin as the author of the project is not accidental. In her memoirs, she pointed out: "The Russian style, as it has been interpreted until now, has been completely forgotten past ..."¹⁹. The building of the Russian Antiquity Museum has become an amazing example of the "neo-Russian style".

The construction of a special building for the museum was not cheap. 32 thousand rubles were spent

⁴Skleenova, V. History of the Museum "Russian Antiquity" in Smolensky Krai. 2011. Vol. 5. P. 10-12. (in Rus.).

⁵Abakumova A.A. Maria Klavdievna Tenisheva - the largest philanthropist of the Bryansk region and its heritage in Scientific discussion of modern youth: topical issues, achievements and innovations (Penza, March 17, 2018). in Penza: ICNS "Science and Education", 2018. P. 37-38. (in Rus.).

⁶Tenisheva M.K. Impressions of my life: Memories. P. 203. (in Rus.).

⁷Erdman O.E. Museum pedagogy M.K. Tenisheva and modern ethno-artistic education // Social transformations. 2013. Vol. 23. P. 183. (in Rus.).

⁸Princess M.K.Tenisheva and the Smolensk Territory: bibliogr. decree .: to the 160th anniversary of his birth. P. eleven. (in Rus.).

⁹Kochergina, N. Roerich and Talashkino. in Sunrise. 2005. Vol. 3 (131). P. 14-15.

¹⁰Zhuravleva L.S. Talashkino: essay guide. P. 27. (in Rus.).

¹¹Princess M.K.Tenisheva and the Smolensk Territory: bibliogr. decree: to the 160th anniversary of his birth. P. 24-25. (in Rus.).

¹²Smolensk Regional Museum of Local Lore // Materials for the Study of the Smolensk Region. Vol. 1. -Smolensk: Smolensk Regional State Publishing House, 1952. P. 439. (in Rus.).

¹³Skleenova, V. History of the Museum "Russian Antiquity" in Smolensky Krai. 2011. Vol. 5. P. 12-13. (in Rus.).

¹⁴GASO. F. 65. Op. 1. D. 2430. LL. 2 - 5. (in Rus.).

¹⁵ In the same place.

¹⁶Tenisheva M.K. Impressions of my life: Memories. P. 204-205. (in Rus.).

¹⁷Skleenova, V. History of the Museum "Russian Antiquity" in Smolensky Krai. 2011. Vol. 5. (in Rus.).

¹⁸Pavlova N.N., Zhakhova I.G. "Neo-Russian" style in the architecture of Smolensk at the beginning of the XX century in Science and education of the XXI century: collection of articles of the International scientific-practical conference (Ufa, May 29, 2014). Ufa: Limited Liability Company "Aeterna", 2014. P. 141. (in Rus.).

¹⁹Tenisheva M.K. Impressions of my life: Memories. P. 118. (in Rus.).

on its construction, which at that time was a significant amount. Note that in the construction of the museum building, I.F. Barshchevsky, who corrected S.V. Malyutin in accordance with the tasks important for the museum. In particular, the building of the future museum was increased in length and a porch was added²⁰. According to some researchers, M.K. herself took part in the construction of the museum. Tenisheva, she made an over-entry cartouche of multicolor ceramics. In addition, there is information that Viktor Mikhailovich Vasnetsov also participated in the preparation of the project.²¹ Immediately after the construction of the new building of the museum was completed, all the available items of the collection were transported from Talashkino to Smolensk.

The opening of the museum was complicated by the political situation, namely by the events of the first Russian revolution. Constant rallies and strikes in Smolensk made Maria Klavdievna think about the safety of placing her collection in Smolensk²².

It has not yet been possible to establish whether the Russian Antiquity Museum was open to visitors in 1905. Suppose that Tenisheva decided to postpone the opening of the museum, which was visited by only a few specialists. The collections were still inaccessible to the general public at that time.²³ In her memoirs, she wrote the following about the possible opening of the museum: "All the items were already hung up, placed in the windows, the museum finally took its true form ... I was horrified at the thought that a crowd of hooligans would attack the museum, stones, showcases and fragile things will fly to pieces ..."²⁴. As a result, the final decision was made to leave the country.

In April 1906, the most valuable part collected by M.K. Tenisheva's exhibits were transported to Paris, under the leadership of I.F. Barshchevsky. An exhibition was held in Paris, where "2828 items of Russian folk decorative art" were presented²⁵. The exhibition was titled "Objects of Art of Ancient Russia Belonging to the Collection of Princess M.K. Tenisheva". The exhibition opened on May 10, 1907 and lasted until October 10, 1907. Maria Klavdievna noted in her memoirs: "It was the most outstanding exhibition of the whole season, and there was a lot of talk about it. It was attended by seventy-eight thousand people"²⁶. Such high attention from the foreign public speaks of its value.

Upon the return of the collection to Smolensk, M.K. Tenisheva turned to the then Governor of

Smolensk Nikolai Ioasafovich Sukovkin, wondering if the collection could be returned now. N.I. Sukovkin replied that he had no relation to the private property of Princess Tenisheva. Maria Klavdievna, in her memoirs, conveyed Sukovkin's words in this way: "Tell the princess that I am not a policeman for her, that I do not care about private property. I have banks and various state institutions, which I am obliged to protect, but I do not care about the inhabitants"²⁷. We see that in this case the Smolensk authorities did not show much attention to museum work and did not support private initiatives. Maria Klavdievna decided to return the collection to Russia.

The exact return date of the collection has not been determined. According to I.I. Orlovsky, chairman of the recently established Smolensk Scientific Archive Commission, read out on June 7, 1908, the question of returning the collection of M.K. Tenisheva to Smolensk at this time was just being discussed.²⁸ The SUAK magazine dated September 20, 1908 contains an entry that the Tenishevsky Museum returned to Smolensk.²⁹ Consequently, the return of the museum collection took place in this time period.

The Russian Antiquity Museum in Smolensk was opened to visitors on October 25, 1909. It took Maria Klavdievna more than five years to create her own ethnographic museum.³⁰ The Russian Antiquity Museum was open twice a week - on Thursday and Sunday, the opening hours were set from 10 to 15 hours. The entrance to the museum was not free, the fee was 15 kopecks. However, the money earned went to charity and passed on to the Child Welfare Society. Free admission was established for students and for lower military ranks³¹. It is interesting that M.K. Tenisheva in her memoirs about the opening of the museum, she wrote nothing.

Bibliography:

1. Abakumova A.A. Maria Klavdievna Tenisheva - the largest philanthropist of the Bryansk region and its heritage in Scientific discussion of modern youth: current issues, achievements and innovations (Penza, March 17, 2018) -Penza: ICNS "Science and Education", 2018. P. 37-38. (in Rus.).
2. GASO. F. 65. Op. 1. D. 2430. LL. 2 - 5. (in Rus.).
3. Zhuravleva L.S. Talashkino: essay guide. P. 27. (in Rus.).

²⁰Serebrennikov A.P. A brief historical sketch of the State Historical and Ethnographic Museum in Smolensk, founded by M.K. Tenisheva in Scientific News of Smol. state un-that. T. III. Vol. 3. Smolensk, 1926. P. 352-353. (in Rus.).

²¹Pavlova N.N., Zhakhova I.G. "Neo-Russian" style in the architecture of Smolensk at the beginning of the XX century in Science and education of the XXI century: collection of articles of the International scientific-practical conference (Ufa, May 29, 2014). Ufa: Limited Liability Company "Aeterna", 2014. P. 141. (in Rus.).

²²Princess M.K. Tenisheva and the Smolensk Territory: bibliogr. decree: to the 160th anniversary of his birth. P. 25. (in Rus.).

²³Skleenova V. History of the Museum "Russian Antiquity" in Smolensky Krai. 2011. Vol. 5. (in Rus.).

²⁴Tenisheva M.K. Impressions of my life: Memories.

²⁵Skleenova, V. History of the Museum "Russian Antiquity" in Smolensky Krai. 2011. Vol. 5. (in Rus.).

²⁶Tenisheva M.K. Impressions of my life: Memories. P. 243-244. (in Rus.).

²⁷In the same place.

²⁸Report on the activities of the Smolensk Scientific Archive Commission for the 1st year of its existence. (April 3, 1908 - April 3, 1909). P. 42-43. (in Rus.).

²⁹In the same place. -S. eighteen.

³⁰Zhuravleva L.S. Book. Maria Tenisheva. P. 256-261. (in Rus.).

³¹Zhuravleva L.S. Tenishevsky Museum "Russian Antiquity". P. eleven. (in Rus.).

4. Zhuravleva L.S. Book. Maria Tenisheva. P. 256-261. (in Rus.).
5. Zhuravleva L.S. Tenishevsky Museum "Russian Antiquity". P. eleven. (in Rus.).
6. Princess MK Tenisheva and the Smolensk Territory: bibliogr. decree: to the 160th anniversary of his birth. P. 11. P. 24-25. (in Rus.).
7. Kochergina, N. Roerich and Talashkino. in Sunrise. 2005. Vol. 3 (131). P. 14-15. (in Rus.).
8. International scientific and practical conference (Ufa, May 29, 2014). Ufa: Limited Liability Company "Aeterna", 2014. P. 141. (in Rus.).
9. Report on the activities of the Smolensk Scientific Archive Commission for the 1st year of its existence. (April 3, 1908 - April 3, 1909). P. 42-43. P. eighteen. (in Rus.).
10. Pavlova N.N., Zhakhova I.G. "Neo-Russian" style in the architecture of Smolensk at the beginning of the XX century // Science and education of the XXI century: collection of articles.
11. International scientific and practical conference (Ufa, May 29, 2014). -Ufa: Limited Liability Company "Aeterna", 2014. P. 141. (in Rus.).
12. Skleenova, V. History of the Museum "Russian Antiquity" in Smolensky Land. 2011. Vol. 5. P. 10-13. (in Rus.).
13. Smolensk regional museum of local lore in Materials for the study of the Smolensk region. Issue 1. Smolensk: Smolensk Regional State Publishing House, 1952. - 439 p. (in Rus.).
14. Serebrennikov A.P. A brief historical sketch of the State Historical and Ethnographic Museum in Smolensk, founded by M.K. Tenisheva in Scientific News of Smol. state un-that. -Т. III. Vol. 3. -Smolensk, 1926. P. 352-353. (in Rus.).
15. Tenisheva M.K. Impressions of my life: Memories. 203.p. 118.p. P. 204-205. P. 243-244. (in Rus.).
16. Erdman O.E. Museum pedagogy M.K. Tenisheva and modern ethno-artistic education in Social transformations. 2013. Vol. 23. P. 183. (in Rus.).

УДК 504.03; 504.75; 338.48.22
ГРНТИ 71.37.75

Kletnova L. S.

*post-graduate student of the Department of Political Science,
History and Regional Studies of the Faculty of History, Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia*

IMPACT OF RECREATION AND ECONOMIC COMPLEX ON THE LAKE KOTOKEL ECOSYSTEM: A RETROSPECTIVE ANALYSIS

Клетнова Любовь Сергеевна

*соискатель кафедры политологии,
истории и регионоведения исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»,
г. Иркутск, Россия*

ВЛИЯНИЕ РЕКРЕАЦИОННО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА ПРИКОТОКЕЛЬЯ НА ЭКОСИСТЕМУ ОЗЕРА КОТОКЕЛЬ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Summary The article analyses impact of recreation and economic complex of Kotokel area on the lake ecosystem in the 1960–2010-s. It reveals factors and characteristic features of natural and anthropogenic eutrophication of lake Kotokel, the largest reservoir of Baikal area located in the Republic of Buryatia. The sources of negative anthropogenic impacts on the reservoir are thoroughly examined. Possible ways to minimize anthropogenic impact on the lake Kotokel ecosystem are suggested.

Аннотация. В статье проанализировано влияние рекреационно-хозяйственного комплекса Прикотокелья на экосистему озера в 1960–2010-е гг. Выявлены факторы и характерные особенности природного и антропогенного эвтрофирования озера Котокель — самого большого водоёма Прибайкалья, расположенного в Республики Бурятия. Детально рассмотрены источники негативных антропогенных воздействий на водоём. Приведены возможные способы минимизации антропогенного воздействия на экосистему озера Котокельское.

Key words: *Baikal natural territory, central ecological zone, Baikal area, lake Ktokel, recreation and economic complex. ecosystem, anthropogenic eutrophication, biological contamination, MSW (municipal solid waste), residential wastewater.*

Ключевые слова: *Байкальская природная территория, центральная экологическая зона, Прибайкалье, озеро Котокель, рекреационно-хозяйственный комплекс, экосистема, антропогенная эвтрофикация, биологическое загрязнение, ТБО, бытовые стоки.*

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Озеру Котокельское (в литературе чаще Котокель, реже — Катакель) принадлежит особое место в Байкало-Котокельской зоне (см. рис. 1). Котокель является самым большим водоёмом Прибайкалья и третьим

по площади после озёр Хубсугул (Монголия) и Гусиное (Республика Бурятия) в бассейне оз. Байкал и Забайкалья. Котокель в своё время был одним из самых высокопродуктивных водоёмом в Байкальской Сибири и популярным местом летнего

отдыха жителей Республики Бурятия (далее — РБ) и Иркутской области (далее — ИО) [32].

В результате естественных природных и антропогенных процессов, при отсутствии каких-либо мелиоративных работ в малопроточном озере к началу XXI в. усилились процессы эвтрофикации [8]. Эвтрофирование вод — это биологическое загрязнение водоёмов в результате накопления биогенных элементов под действием антропогенных или естественных факторов. Появляется опасность для окружающей среды и человека. Эвтрофикация может привести к массовой гибели рыб в водоёмах от нехватки кислорода, вымиранию водоёмов в результате ухудшения качества воды и, как следствие, гибели большей части флоры и фауны, отравлению

окружающей среды, в т. ч. человека, ядами, которые содержатся в заросших водоёмах. Так, в 2008 г. на оз. Котокель была отмечена вспышка малоизученной «гаффской болезни»: фиксировались случаи заражения людей и животных [47].

Экологическая катастрофа, случившаяся всего в 2 км от участка всемирного наследия — оз. Байкал и в границах особой экономической зоны туристско-рекреационного типа «Байкальская гавань» (далее — ОЭЗ ТРТ «Байкальская гавань») (см. рис. 2) стала основной проблемой для всех причастных в следствие возможного проникновения заражённых вод и переносчика болезни из оз. Котокель через систему рек Исток — Коточик — Турка в оз. Байкал [47].

Рис. 1. Озеро Котокель (вид со спутника) [29]

Теоретически подобная ситуация возможна на любом рекреационном водоёме. Вопрос только в трофности водоёма, времени, масштабах воздействия и наличии опасных цианобактерий. На Байкальской природной территории (далее — БПТ) имеется большое количество озёр разных размеров, разного происхождения, с разнообразными природными функциями. Все озёра, как открытые водные объекты, испытывают негативное воздействие разной степени интенсивности. Сигнал о возможном развитии событий по Котокельскому сценарию на оз. Байкал уже получен: впервые токсичные виды цианобактерий были зарегистрированы в районе Малого моря и в Баргузинском заливе в 2010 г. [4]. Более того, на оз. Байкал имеются полуизолированные участки с ограниченным водообменом — места массового отдыха Посольский сор и Чивыркуйский залив [47].

Существует мнение, что именно туристско-рекреационные объекты через сброс сточных вод с биогенами ускорили механизм, который спровоцировал экологическую катастрофу на оз. Котокельское. Вместе с тем, данная проблема требует детального рассмотрения природы процесса эвтрофирования водоёма.

Целью работы является анализ причин изменения трофности оз. Котокель и степени

загрязнённости экосистемы Прикотокелья в результате антропогенного прессинга.

Методология исследования. Автором использованы общенаучные методы — исторический и логический, а также специальные методы исторического исследования — историко-сравнительный и историко-системный, которые позволили выявить причинно-следственные связи процессов, происходивших в Прикотокелье в 1960–2010-е гг.

Историография проблемы. Согласно историографическому обзору Т. И. Кутявиной [19], изучение эвтрофикации имеет длительную историю. Исследования по выявлению причин эвтрофикации проводятся с конца XVIII в. О первых признаках эвтрофирования водоёмов в начале XX в. писал Л. Л. Россолимо [39]. Во второй половине XX в. процессы антропогенного эвтрофирования затронули большую часть озёр Средней и Южной Европы, США, ряд озёр Северной Европы, России и сопредельных государств бывшего СССР, Азии, особенно Китая и Индии, Японии, ряд озёр Центральной и Южной Америки, Африки и Австралии. Многочисленные примеры деградации озёр рассматриваются в обзоре по развитию исследований процесса эвтрофикации [54]. Во второй половине XX в., в связи с увеличением масштабов эвтрофирования

водоёмов, возросло количество экспериментальных работ в этом направлении. В частности, согласно историографическому обзору [32, с. 209–212], комплексное изучение оз. Котокельское носило периодический характер. Результаты рыбохозяйственных исследований Восточно-Сибирского НИИ рыбного хозяйства (ВостсибрыбНИИпроект), проведённых в 1985–1986 гг., были опубликованы в сборнике

«Биопродуктивность эвтрофных озёр Иркана и Котокель бассейна оз. Байкал» [6]. Результаты последних комплексных исследований, проведённых в 2008–2009 гг., представлены в монографии «Озеро Котокельское: природные условия, биота, экология», ответственные редакторы — д.б.н., профессор Н. М. Пронин и д.б.н., профессор Л. Л. Убугунов [32].

Рис. 2. Схема размещения ОАЗ ТРТ «Байкальская гавань» [11]

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В настоящее время антропогенная эвтрофикация рассматривается как важнейший фактор негативного воздействия человеческой деятельности на водные объекты [19]. В качестве источника загрязнения вод выступают практически все сферы деятельности человека. Рассмотрим влияние рекреационно-хозяйственного комплекса Прикотокелья на экосистему озера.

Оценка влияния туристско-рекреационных объектов и населенных пунктов на экосистему оз. Котокельское в 1990–2000-е гг. Рекреационное использование оз. Котокельское началось в 1960-е гг. со строительства ведомственных баз отдыха ТЭЦ-1 (пос. Исток 1966 г.), Министерства финансов РБ (пос. Исток, 1968 г.), Министерства лесного хозяйства РБ («Таежная», п. Ярцы, 1968 г.) и дома отдыха Улан-Удэнского авиационного объединения («Котокель» п. Котокель, 1969 г.). К 1991 г. количество объектов рекреации достигло 41 общей ёмкостью 1 851 место [26].

Самый крупный объект — круглогодичный курортно-оздоровительный санаторий «Байкальский бор» ёмкостью 220 мест, подведомственный Санаторно-курортному учреждению профсоюзов Республики Бурятия «Байкалкурорт» (далее — СКУП РБ «Байкалкурорт»). Сначала учреждение предоставляло санаторно-курортное лечение взрослых, с 1998 г. — лечение детей. За почти двадцать лет детский санаторно-оздоровительный лагерь «Байкальский бор» (далее — ДСОЛ «Байкальский бор») принял на отдых и

оздоровление свыше 50 тыс. детей со всей Бурятии, соседних регионов и стран [13].

Наиболее достоверным показателем оценки влияния объектов отдыха и населенных пунктов на экосистему озера является показатель фосфорной нагрузки (далее — ФН) на водоём. ФН на оз. Котокель была детально изучена Ю. В. Нероновым, А. В. Соколовым, В. Ф. Соколовой, З. Б. Вороновой, Н. Р. Нимаевой.

Согласно данным исследований для водоёмов типа оз. Котокель допустимой считается ФН в 0,07 г/м²/год. В начале 1990-х гг. ФН была предельной и составила: 1991 г. — 0,094 г/м²/год; 1992 г. — 0,084 г/м²/год; 1993 г. — 0,082 г/м²/год [26].

Наибольшее воздействие на экосистему озера наблюдалось к 1991 г., когда суммарное антропогенное воздействие достигло максимума в 515,5 тыс. чел.-дней/год. Причем доля ФН от многочисленных баз и домов отдыха составила 21,5%, неорганизованных туристов — 1,1%, местных жителей — 20,4%, почв водосбора — 57,0% [26]. В сумме ФН местных жителей и естественных факторов составляла 0,072 г/м²/год, что уже превышало границу допустимого уровня [47].

В связи с ухудшением социально-экономической ситуации в 1993 г. рекреационная нагрузка на озеро стала снижаться и загруженность объектов отдыха составила 74,8 % от показателя 1991 г. С уменьшением рекреационной нагрузки снизилась и ФН [26].

В структуре и количественных показателях рекреационной нагрузки на оз. Котокельское в 2008–2009 гг. произошли существенные изменения

по сравнению с 1991–1993 гг., связанные с социально-экономическими факторами (доступность лечения и организованного отдыха), значительным снижением туристической привлекательности озера в связи со вспышкой «гаффской болезни» и последующим ограничением рекреационного использования и запрета рыболовства, установлением режима чрезвычайной ситуации.

К 2008 г. число функционирующих объектов рекреации сократилось в 6 раз, а нагрузка организованных отдыхающих и обслуживающего персонала — в 10,7 раза. Некоторые категории воздействия (неорганизованные отдыхающие и гости местных жителей) практически полностью отсутствовали. Максимум нагрузки (83,8 %) приходилось на местных жителей. В связи с указанными изменениями общая ФН уменьшилась в 2,7 раза и по экспертной оценке составила 0,035 г/м²/год. Таким образом, влияние рекреационно-хозяйственной деятельности на экосистему оз. Котокельское в 2008–2009 гг. было минимальным, и показатель ФН был в 2 раза ниже допустимого предела [26].

Проблемы обустройства и эксплуатации хозяйственно-бытовой канализации и водоотведения в Прикотокелье. Источником антропогенного поступления биогенных элементов могли быть сточные воды поселений. Обустройство очистных сооружений — одна из ключевых проблем не только туристско-рекреационных объектов, но и предприятий и населённых пунктов, расположенных в Прикотокелье.

Согласно специалистам, *первая подпроблема — эксплуатация очистных сооружений с высокой степенью износа, подлежащих капитальному ремонту или реконструкции, как не обеспечивающих очистку стоков до нормативного качества* [43]. В частности, из всех объектов отдыха, расположенных на оз. Котокельское, в 1980-е гг. очистные сооружения были оборудованы только на т/б «Байкал» и в санатории «Байкальский бор». Очистные т/б «Байкал» функционировали по схеме, исключающей сброс очищенных вод в озеро. Очистные сооружения санатория «Байкальский бор» при эксплуатации сбрасывали разрешённый объём сточных вод в оз. Котокель. В 1987–1988 гг. контролирующими органами был поставлен вопрос об исключении сброса сточных вод в оз. Котокель. Тогда же был выбран участок под строительство полей фильтрации и разработан рабочий проект реконструкции очистных сооружений с доочисткой сточных вод. Но строительство полей фильтрации затянулось на непростительно долгий срок [47]. Очистные сооружения санатория работали неэффективно, сбрасывая неочищенные сточные воды. По этой причине к 2008 г. в стоках предельно допустимая концентрация по аммонии и фосфатам была превышена в 1,5–7 раз [12].

В связи с экологической катастрофой, зафиксированной на оз. Котокель в 2008 г. местные власти были обязаны предпринять экстренные меры по контролю за более глубокой очисткой

сточных вод туристско-рекреационных объектов в Прикотокелье. За период с декабря 2008 по август 2009 г. СКУП РБ «Байкалкурорт» была проведена работа по проектированию новых схем водоочистки, отведению очищенных хозяйственно-бытовых стоков ДСОЛ «Байкальский Бор» и строительству очистных сооружений. Мощность новых очистных сооружений 400 м³/сут. превысила объём стоков ДСОЛ «Байкальский Бор», что обеспечило возможность использовать очистные сооружения для переработки сточных вод других средств размещения на оз. Котокель (52 объекта в 2009 г.) [22]. Туристско-рекреационные объекты, расположенные на оз. Котокельское, ежегодно заключают договоры на очистку сточных вод на очистных сооружениях т/б «Байкал» и ДСОЛ «Байкальский бор» [26]. Кроме того, на очистные сооружения ДСОЛ «Байкальский бор» вывозятся также сточные воды от населённых пунктов, предприятий и организаций района [36].

В целях соблюдения требований природоохранного законодательства и снижения негативного воздействия на оз. Байкал в 2014 г. ещё один объект СКУП РБ «Байкалкурорт» — курорт «Горячинск» прекратил сброс очищенных стоков в ручей Горячий, являющийся притоком оз. Байкал [36].

Стоит отметить, что работа очистных сооружений со сбросом в водные объекты бассейна оз. Байкал находится на постоянном контроле Управления Росприроднадзора по РБ. Ситуация на многих объектах действительно сложная. Особую тревогу вызывают 14 предприятий, которые находятся в центральной экологической зоне (далее — ЦЭЗ). Почти все очистные сооружения построены более 30 лет назад и в связи с моральным и физическим износом оборудования не обеспечивают требуемую степень очистки сточных вод. Вместе с тем, по словам руководителя Управления Росприроднадзора по Бурятии К. Г. Дрёмова, в настоящее время в Прибайкальском районе нет очистных сооружений со сбросом в водные объекты бассейна оз. Байкал [43].

Вторая подпроблема — не введение в эксплуатацию и не выведение на проектный режим работы очистных сооружений, построенных за счет средств федерального бюджета [43]. Яркий пример недальновидности экологической политики властей — «замороженные» очистные сооружения ОЭЗ ТРТ «Байкальская гавань». Очистные сооружения мощностью 1500 м³/сутки, построенные в 2010 г. в рамках бюджета за 330 млн. руб., ни дня не работали в связи с отсутствием достаточной загрузки. Для эксплуатации сложного дорогостоящего оборудования на очистных требовалась постоянная загрузка от потребителя со стабильным графиком работы, например, круглогодичная гостиница с минимальным объёмом стоков 300–350 м³/сутки. Разнообразные турбазы с сезонной загрузкой не подходили. Поэтому отходы из п. Турка отвозились за десятки километров, а помещения очистных использовались как склад.

Третья и главная подпроблема — несанкционированные сбросы сточных вод от рекреационных объектов и частного сектора [43]. Согласно утверждению С. Г. Шапхаева, директора ОО «Бурятское региональное объединение по Байкалу», органы власти всех уровней не

регулируют вопрос жидких стоков с туристических баз, а штрафные санкции за несанкционированные сбросы сточных вод настолько малы, что владельцам турбаз выгоднее постоянно платить штрафы, чем вкладывать деньги в модернизацию своих очистных сооружений.

Рис. 3. Очистные сооружения ОЭЗ ТРТ «Байкальская гавань» [3]

Дополнительно на озеро воздействуют местные жители и обслуживающий персонал, проживающий на туристско-рекреационных объектах постоянно или в период их функционирования [9]. Все туристско-рекреационные объекты прилегают к населённым пунктам Котокель, Черемушки, Ярцы, Исток. На 01.01.2013 г. общая численность населения составила 438 чел. [45]. В населённых пунктах Прикотокелья нет централизованной хозяйственно-бытовой канализации с устройством очистных сооружений. Обеспеченность населения централизованным водоотведением по району составляет 36,6 % [53].

В Прибайкальском районе на балансе у водопользователей находятся 4 очистных сооружения в населённых пунктах Таловка, Татаурово, Турунтаево, Ярцы. В с. Мандрик очистные сооружения в настоящее время законсервированы. Очистные в с. Ярцы эксплуатируются курортом «Горячинск» СКУП РБ «Байкалкурорт». В остальных населённых пунктах жидкие бытовые отходы (далее — ЖБО) из выгребных ям и колодцев доставляются к месту захоронения автотранспортом.

Прибрежные поселения, предприятия и объекты рекреации имеют низкий уровень экологичности из-за недостаточной и несовершенной коммунально-бытовой и технической оснащённости, планировочных и технических решений. Очистные сооружения не отвечают современным требованиям. Все очистные сооружения, эксплуатируемые в Прибайкальском районе, нуждаются в строительстве сооружений доочистки и внедрении новых технологий по очистке сточных. Вместе с тем, работ по внедрению эколого-безопасных и ресурсосберегающих технологий проводится мало [53].

Следует отметить, что рассмотренные проблемы характерны для территории всей ЦЭЗ, в частности, в РБ, где проживают около 73 тыс. чел. в 81 населённом пункте, в т.ч. в крупных городах Северобайкальск и Бабушкин, и посёлках Усть-Баргузин, Каменск, Гремячинск, Горячинск, Кудара, Выдрино, Оймур, Посольское. Все

населённые пункты и базы отдыха имеют выгребные ямы, стоки из которых вывозятся на рельеф и частично на очистные сооружения. Малые населённые пункты пользуются надворными туалетами. Вывоз стоков на рельеф в конечном итоге ведёт к загрязнению оз. Байкал. Ежегодно порядка 5 млн. м³ неочищенных жидких бытовых отходов попадают в оз. Байкал. По мнению С. Соголова и С. Нимаева, одним из вариантов решения экологической проблемы является установка малых автономных очистных станций на турбазах и в населённых пунктах, где стоки сливаются прямо в грунт [42].

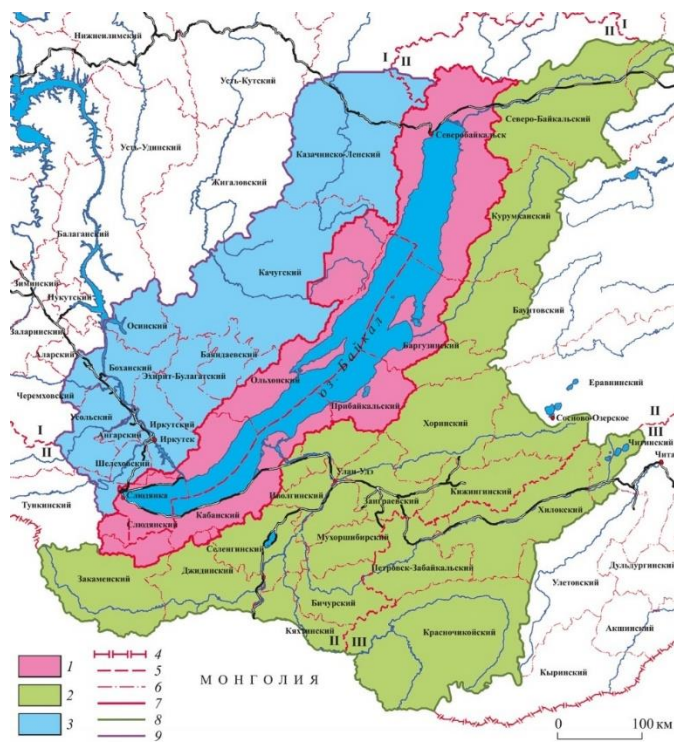
Проблема утилизации мусора в населённых пунктах Прикотокелья. Антропогенное воздействие от хозяйственной деятельности на оз. Котокель является не единственно возможной причиной эвтрофикации. Ещё одна причина загрязнения земель Прикотокелья — это отсутствие системы обращения с отходами в населённых пунктах. Ни в одном селе нет санкционированных площадок для размещения твёрдых бытовых отходов (далее — ТБО) и другого мусора. Все отходы и мусор выбрасываются самовольно, в т.ч. на побережье оз. Котокель [35].

Незаконные свалки — это бич Прибайкальской территории как на западном, так и на восточном Байкальском побережье. Прикотокелье и другие прибрежные территории Иркутской области и Республики Бурятия включены в ЦЭЗ БПТ (см. рис. 4), поэтому устраивать полигоны ТБО, сортировать, перерабатывать мусор там нельзя. У большинства поселений на Байкале в принципе нет возможностей законного складирования и утилизации мусора. Выход — вывезти с территории ЦЭЗ на ближайший легальный мусорный полигон. В РБ — на полигон в Улан-Удэ, расположенный в 160 км. По причине высокой стоимости услуг по вывозу мусора из этих территорий из-за большого транспортного плеча и небольших объёмов, оплатить расходы местные жители не в состоянии. В результате, даже там, где власти предпринимают попытки наладить вывоз ТБО, жители накапливают внушительные

задолженности перед региональными операторами по обращению с твердыми коммунальными отходами (далее — ТКО), которые в свою очередь отказываются предоставлять свои услуги без оплаты [51].

Поэтому количество несанкционированных свалок в Прибайкальском районе, в т.ч. на побережье и в окрестностях оз. Котокель увеличивается (см. рис. 5). В частности, на несанкционированной свалке возле п. Турка за 40

лет накопилось 210 тыс. м³ мусора [23]. Наличие несанкционированной свалки поблизости ОЭЗ ТРТ «Байкальская гавань», где имеется мусороперегрузочная станция — ещё одно подтверждение нерационального использования бюджетных средств на объект. Станция, построенная в 2009 г., начала работать 10 лет спустя в 2019 г. Поступающий на перегрузку мусор, прессуется и в несортированном виде увозится на уже переполненный полигон в Вахмистрово [41].

Экологические зоны БПТ:

- 1 — центральная, совпадающая внешними границами с объектом всемирного природного наследия «Озеро Байкал»;
 - 2 — буферная;
 - 3 — атмосферного влияния.
- Границы: 4 — государственная, 5 — субъектов РФ, 6 — административных районов, 7 — центральной экологической зоны БПТ и ОВПН «Озеро Байкал», 8 — буферной экологической зоны БПТ, 9 — экологической зоны атмосферного влияния БПТ.
- I — Иркутская область, II — Республика Бурятия, III — Читинская область.

Рис.4. БПТ и объект всемирного природного наследия «Озеро Байкал» [15]

Другой пример — несанкционированная свалка в лесу возле с. Горячинск, куда вывозили мусор 70% сельчан. Вывоз мусора оплачивали только 30% сельчан. Такое соотношение было связано с добровольной формой оплаты услуг вывоза мусора. С 01.04. 2019 г. оплата стала

обязательной в связи с переходом РБ на новую систему регулирования деятельности по обращению с ТКО в рамках реализации общероссийской реформы в сфере обращения с ТКО согласно ФЗ №89 «Об отходах производства и потребления» [46].

Рис. 5. Несанкционированные свалки в лесу Прибайкальского района [23]

На уборку несанкционированных свалок на побережье оз. Байкала и оз. Котокель направляются волонтеры, участвующие в различных экологических акциях. Вместе с тем, уборка мусора силами волонтеров проблему не решает, поскольку

собранный мусор также необходимо вывозить на полигон [10].

Сложившаяся ситуация свидетельствует о системном кризисе на региональном и национальном уровнях. Так, в Бурятии из годового объема ТБО в 340 тыс. т., почти половина — 160

тыс. т. попадает на стихийные свалки [38]. В России на начало 2018 г. насчитывалось порядка 22 тыс. несанкционированных свалок [17].

Корень проблемы утилизации мусора в России заключается не в постоянном увеличении объемов ТБО, а в неумении ими грамотно распорядиться. К сожалению, в современной России отраслям промышленности, которые занимаются утилизацией и переработкой ТБО, уделяется гораздо меньше внимания, чем в советское время. С распадом СССР система утилизации мусора была разрушена. Старые полигоны переполнились гораздо быстрее, чем предполагалось [18].

В 2004 г. Правительство и Министерство природных ресурсов предприняли меры по исправлению сложившейся ситуации с утилизацией отходов, но создать работающую систему не получилось. В 2018 г. Общественная Палата РФ констатировала, что в стране отсутствуют структуры, способные наладить систему утилизации и переработки отходов [20]. В частности, по данным Минприроды, в России ежегодно образуется около 5 млрд. т. всех видов отходов. На сортировку отправляется не более 10% от всей массы ТКО. Из них извлекается порядка 15–25% вторресурсов, что дает 1,5–2% от массы образования. Пока из ТКО в промышленный оборот возвращается не более 3–5% от массы образования [14].

Другая попытка для решения проблем, связанных с утилизацией и переработкой ТКО была предпринята в конце января 2018 г. — Правительством РФ был принят основополагающий документ «Стратегия развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 г.» (далее — «Стратегия»). Подготовленный Минпромторгом документ подразумевал разработку правовой базы для функционирования отрасли переработки, внедрение стандартов утилизации, проведение соответствующих научно-исследовательских работ и организацию проектов по переработке отходов на производственно-технических комплексах. Согласно оценкам замглавы Минпромторга В. Л. Евтухова, на реализацию проектов, предусмотренных «Стратегией», потребуется 5 трлн. руб. инвестиций и 12 лет на создание и развитие инфраструктуры переработки отходов, а также создание машиностроительной и научно-технологической базы по выпуску оборудования для отрасли. Основным целевым показателем «Стратегии» является доведение уровня утилизации и обезвреживания всех отходов к 2030 г. до более чем 85%, для ТКО этот показатель должен вырасти с порядка 9 до 80% [14].

Вместе с тем, данный документ вызвал много нареканий со стороны специалистов [21]. В частности, по мнению А. Масленникова, «Стратегия» в соответствие с поставленной целью, направлена на формирование «новой» отрасли по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов [27]. Но согласно «Общероссийскому классификатору видов экономической

деятельности» ОК 029–2014 такой вид деятельности существует и значится в разделе Е под группой 38 — «Сбор, обработка и утилизация отходов; обработка вторичного сырья». Более того, этими видами деятельности уже занимаются тысячи предприятий. Соответственно, логичнее говорить о развитии отрасли, а не о формировании [21].

Далее, во втором разделе, посвящённом определению основных групп образующихся отходов, группы, как таковые, не определены. Более того, смешаны понятия отходов по отраслям, классам опасности и по видам. Раздел не даёт исчерпывающей информации о том, какие группы отходов образуются и в каком количестве [21].

В-третьих, формулировки текста «Стратегии» требуют существенной доработки. Например, высказано предположение, что при компостировании органических отходов может быть получен биогаз. Однако известно, что компостирование — аэробный процесс и образование биогаза при этом не происходит. Кроме того, забыто широко применяемое использование текстильных отходов в производстве геотекстильного полотна «дорнит». Фигурирует «термопластик». Производство регенерата не упоминается, хотя это существенное направление утилизации шин. Лесные ресурсы названы «невозобновляемыми» [21].

Более того, в «Стратегии» не учтён должным образом научно-производственный потенциал. Фактически констатируется отсутствие такового, несмотря на то, что в 2007 г. НПК «Механобртехника» представил широкую линейку отечественных разработок. Остались без внимания другие разработчики и изготовители оборудования для утилизации отходов, которые были включены в список НИЦ «Глобус» и НИЦПУРО [21].

Ещё больше нареканий вызывал слабый анализ нормативно-правовой базы, содержащий ряд спорных утверждений. Например, предлагается изменить «понятийный аппарат», но при этом не указывается, чем он собственно не устраивает. Введение новых форм статистического учета видится необоснованным, поскольку форма 2-тп (отходы) представляет достаточно информации, тогда как обработка этих данных поставлена плохо. Недоумение также вызывает предложение *финансировать отрасль за счёт средств возмещения ущерба окружающей среде*. В лучшем случае этих средств хватит на ликвидацию последствий, а не на строительство новых объектов [21].

Перечисленные в «Стратегии» приоритеты, принципы и цели имеют общий декларативный характер. Например, не уточняется, что следует понимать под созданием эффективной комплексной системы управления отходами [21].

Раздел «Направления действий» вызывает одно большое недоумение. Например, что подразумевается под актуализацией понятий, под созданием стандартов. Уже есть стандарты и технические условия на металлолом, макулатуру, отходы шин и прочие вторичные ресурсы. Есть

стандарты и технические условия на продукцию из вторичного сырья. Таким образом, «Стратегия» — документ декларативного характера, не способствующий практическому решению проблем, связанных с утилизацией ТКО [21].

Свалка в лесу возле с. Горячинск служит доказательством того, что там, где нужно платить за переработку ТКО, действует система государственного принуждения. Если принуждение сильное, возникает «черный рынок» незаконного оборота отходов, которые оказываются на несанкционированной свалке. А. Масленников подчеркивает, что для вовлечение таких отходов важна не производственная база, а путь от источника к потребителю. Проблема не в том, чтобы переработать, проблема собрать отходы и доставить к потребителю. Но этот путь, как следует из рассмотренного выше, полностью игнорируется в «Стратегии».

Биологическое загрязнение оз. Котокель. Помимо антропогенной эвтрофикации оз. Котокель было подвержено биологическому загрязнению. Основные исследования в этом направлении были проведены Н.М. Прониным, Л.Л. Убугуновым, Е. А. Бобковой, О.М. Кожовой, С.С. Тимофеевой, Б.Б. Базаровой, Ю.В. Нероновым и др.

По мнению ученых, катализатором катастрофических изменений в донных сообществах озера был чужеродный вид водного растения — элодея канадская [1]. Впервые эта водоросль была замечена в оз. Котокель в 1986 г. вдоль северного и северо-западного побережья в районе санатория «Байкальский бор», при этом была отмечена приуроченность её зарослей к шлейфу хозяйственно-бытовых сточных вод санатория [16].

Существует предположение, что элодея канадская была завезена с целью разведения для дальнейшей переработки и использования в качестве кормовой добавки. Но во время перестройки проект развалился. Водоросль же осталась жить в озере [35].

По данным мониторинговых исследований Востсибрыбниипроекта [33], к 1988 г. сплошные заросли элодеи распространились на юг до мыса Осинный, плавающие растения были отмечены в южной части озера. В 1991 г. элодея произрастала вдоль северного, северо-западного, западного и юго-западного берегов, занимая прибрежную полосу и заливы (от п. Исток до п. Черёмушки). Сплошные заросли растения отмечались до глубины 2 м. Зарастаемость озера элодеей по визуальной оценке составляла около 10% площади водной поверхности. Через р. Исток отмечен вынос водоросли в р. Коточик. Кульминационной развития элодея канадская достигла на 6-й год после официально зарегистрированного периода. В 1992 г., по сравнению с 1991 г., отмечено увеличение фитомассы элодеи в 2,7 раза при практически неизменной площади основных зарослей, что было связано с более значительным прогревом толщи воды в 1992 г. [1].

В 1993–1994 г. зафиксировано резкое снижение как плотности, так и площади

произрастания элодеи. Заросли элодеи с ориентировочным уменьшением её фитомассы в среднем на 30 % резко сократились в 1994 г. По данным Востсибрыбцентра [33], начиная с 2000 г., элодея фактически не встречалась: она исчезла даже в южной части озера и на всех заливах, где раньше занимала всю территорию. Не встречалась элодея канадская и в 2003 г., несмотря на очень низкий уровень воды. В 2009 г. элодея была вновь зарегистрирована в оз. Котокель. Возможно, что растение сохранялось в ручьях, о чем свидетельствует место ее повторного обнаружения.

Элодея подавляла рост других растительных сообществ, как это наблюдали в 1980-е гг. в Посольском соре оз. Байкал и в 1990-е гг. в оз. Котокель. Экспериментально доказано, что элодея способна аккумулировать и метаболизировать ряд токсичных соединений, в т. ч. и микроцистины. Вместе с тем, попавшая в водоём элодея способствовала утилизации значительной части биогенов, что предотвратило переход озера в гиперэвтрофное состояние. Уменьшение площади зарастания элодеи в северной части озера привело к увеличению биомассы цианобактерий [5].

Быстрая экспансия элодеи, её вспышка в развитии в 1992 г. и последующее массовое отмирание к 2000 г. вызвали аноксичные условия в озере [12]. В результате произошло ухудшение газового режима, наблюдались локальные летние и зимние заморы. Ещё более усугубило ситуацию естественное снижение уровня режима воды в озере [7].

Вспышка АТПМ на оз. Котокель в 2008–2009 гг. В следствие антропогенной эвтрофикации и биологического загрязнения в экосистеме озера начались деструктивные процессы. С начала апреля 2008 г. на оз. Котокельское зафиксирована массовая гибель рыб [12]. В 2008–2009 гг. употребление в пищу леща, пойманного в оз. Котокельское и р. Турка [37]. привело к вспышке «гаффской болезни» или алиментарно-токсической пароксизмальной миоглобинурии (далее — АТПМ), проявляющейся в парезе скелетной мускулатуры и острой почечной недостаточности. За 2008–2011 гг. в Бурятии зафиксировано 18 случаев АТПМ.

Многие ученые считают, что основная причина возникновения АТПМ — развитие в водоёмах токсических видов сине-зеленых водорослей (цианобактерий) [37]. На основании клинических проявлений АТПМ, эпидемиологических и литературных данных можно сделать предположение, что причиной АТПМ в Бурятии могли быть микроорганизмы, которые вырабатывают термоустойчивый миотоксин [12]. Термостабильное токсичное вещество (токсин в рыбе нельзя уничтожить ни термической обработкой, ни автоклавированием при 120–150 °С в течение часа, ни хранением при минусовых температурах более 6 месяцев), содержащееся в основном в жировой ткани рыбы, попадая в организм человека и животных, избирательно нарушает обмен веществ в скелетных мышцах с массивным рабдомиолизом и

миоглобинурией, что в тяжелых случаях приводит к развитию острой почечной недостаточности, являющейся непосредственной причиной летального исхода [50].

Согласно п. 1 ст. 18 ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» водные объекты, используемые в целях питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения, а также в лечебных, оздоровительных и рекреационных целях не должны являться источниками биологических, химических и физических факторов вредного воздействия на человека [48]. В соответствии с этим требованием, в 2008 г. Управление Роспотребнадзора по РБ признало оз. Котокель непригодным для рекреационных, питьевых и хозяйственно-бытовых целей. На озере был введен особый санитарный режим [35]. В 2009 г. продолжило действовать постановление главного санитарного врача по РБ о приостановке использования водоёма в рекреационных, питьевых и хозяйственно-бытовых целях [52]. В 2013 г. запрет на использование оз. Котокель был продлен Управлением Роспотребнадзора по РБ в пятый раз. Все отобранные пробы воды не соответствовали гигиеническим нормативам по санитарно-химическим показателям [44].

Исследование экосистемы озера. В 2008–2009 гг. группой сибирских ученых Института общей и экспериментальной биологии СО РАН, возглавляемой д.б.н., профессором Н. М. Прониным и д.б.н., профессором Л. Л. Убугуновым, были изучены природные условия и состояние экосистемы озера. Дополнительно в 2009 г. на озере были проведены исследования международной группой ученых из России, Чехии и Бельгии. По результатам работ обеих групп одной из вероятных причин отравления оз. Котокель был назван токсин микроцистин. Токсин выделяется цианобактериями (сине-зелеными водорослями) при «цветении» водоёмов. Как правило, оно происходит при попадании в озеро неочищенных сточных вод с высокой концентрацией биогенных элементов — азота и фосфора — в сочетании с прогревом воды [30; 44]. В оз. Котокель цианобактерии присутствовали в озерных отложениях до глубины 5,65 м, а верхний слой осадков состоял из них на 87 % [12; 25].

Восстановление высокоэвтрофного водоёма. Следует отметить, что попытки оздоровить оз. Котокельское предпринимались еще в советское время. В 1970–1980-е гг. дно озера очищали от водорослей. Кроме того, планировалось улучшить проточность озера, запустив воду из р. Кика, которая вытекает из оз. Байкал. Чтобы построить канал, осушить окрестные болота. Но производственных мощностей для строительства канала оказалось недостаточно, поэтому его производство было остановлено. К настоящему времени от канала остались едва заметные следы [35]. Согласно современной оценке учёных, прокладка канала была похожа на утопию и могла навредить Байкалу,

ведь именно в этом случае в него могла попасть зараженная вода из оз. Котокель [30].

В конце 2000-х гг. кардинальное улучшение экологической ситуации стало возможным при должном выполнении комплекса мелиоративных мероприятий по санации водоёма с учетом рекомендаций ученых Института общей и экспериментальной биологии Бурятского научного центра СО РАН [2; 28]. В частности, улучшение экологического состояния оз. Котокель было связано с прекращением сброса неочищенных сточных вод и увеличением проточности водоёма благодаря проведенной расчистке русла выпадающей в озеро р. Коточик.

После принятых мер по ограничению антропогенной деятельности на водосборе оз. Котокель уже в 2009 г. учеными было выявлено улучшение экологического состояния водоёма. В озере увеличилась численность местных рыб, появились водоплавающие птицы [12].

В течение ряда лет Управление ветеринарии РБ проводило работу по исследованию рыбы. В 2015 г. специалисты получили отрицательные результаты тестирования биологических проб на наличие токсина, что свидетельствовало о процессе нормализации экологической ситуации [40].

Свою часть ограничений Управление Роспотребнадзора по РБ сняло в мае 2017 г., но в питьевых и рекреационных целях озеро по-прежнему не предоставлялось, так как по результатам проб вода в оз. Котокель не соответствовала санитарным эпидемиологическим требованиям [24]. Статус туристско-рекреационного объекта для отдыхающих возвращён озеру спустя 10 лет — в 2018 г. [34].

Экспансия Прибайкальских территорий неизбежна. На них проживает множество людей, функционирует большое количество предприятий. В связи с этим необходимо найти варианты развития, которые позволят максимально защитить хрупкую экосистему БПТ. В частности, необходимо выработать механизмы контроля и регуляции рекреационно-хозяйственной деятельности человека, основываясь на результатах экологических мониторингов.

ВЫВОДЫ

В 1980–2000-е гг. Котокель, самый большой водоём Прибайкалья, подвергся серьёзным изменениям, которые затронули как количественные, так и качественные характеристики экосистемы в целом.

На процессы эвтрофирования водоёма повлияло множество факторов. Изначально слабопроточное озеро классифицировалось как эвтрофное (богатое биогенами). Изменения усугубились вследствие биологического загрязнения оз. Котокель — проникновения в экосистему озера элодеи канадской.

Наряду с биологическим загрязнением озеро испытывает значительную антропогенную нагрузку. Антропогенное загрязнение вызвано поступлением в озеро большого количества биогенных элементов не только от туристско-рекреационных объектов, но и других

хозяйствующих объектов и населенных пунктов Прикотокелья, которые десятилетиями осуществляли сверхнормативный сброс загрязненных сточных вод. Неконтролируемо поступающая в Котокель органика, годами накапливалась в слабопроточном озере, что привело к развитию цианобактерий (в т.ч. патогенных, выделяющих токсины), и в конечном итоге стало причиной вспышки АТПМ в 2008 г.

Прибрежные поселения, предприятия и объекты рекреации имеют низкий уровень экологичности из-за недостаточной и несовершенной коммунально-бытовой и технической оснащённости, планировочных и технических решений. Основными проблемами обустройства очистных сооружений являются: во-первых, эксплуатация очистных сооружений с высокой степенью износа, подлежащих капитальному ремонту или реконструкции, как не обеспечивающих очистку стоков до нормативного качества; во-вторых, не введение в эксплуатацию и не выведение на проектный режим работы очистных сооружений, построенных за счет средств федерального бюджета; в-третьих, несанкционированные сбросы сточных вод от рекреационных объектов и частного сектора.

Одним из эффективных вариантов решения проблемы слива стоков является установка малых автономных очистных станций на турбазах и в населенных пунктах. Тем не менее, к строительству очистных сооружений на БПТ подходят, руководствуясь принципами экономической эффективности, а не природоохранными.

Специфика природных условий и слабая устойчивость природного комплекса региона даже при невысоком уровне загрязнения или другого негативного воздействия обуславливают необходимость вложения больших средств в мероприятия по снижению, предотвращению или нейтрализации этого воздействия.

Проблемы обустройства и эксплуатации хозяйственно-бытовой канализации и водоотведения в Прикотокелье является не единственно возможной причиной эвтрофикации водоёма. Ещё одна причина загрязнения земель Прикотокелья — это отсутствие системы обращения с отходами в населённых пунктах. Проблема усугубляется запретом обустройства полигонов, сортировки и переработки ТБО в границах ЦЭЗ БПТ.

Увеличивающееся количество несанкционированных свалок в Прибайкалье является свидетельством системного кризиса на региональном и национальном уровнях. Предпринимаемые меры по решению проблемы утилизации мусора носят временный и декларативный характер, не способствующий практическому решению проблем, связанных с утилизацией ТБО.

В условиях системного экологического кризиса, сложившегося в РФ, скорейшего решения требуют проблемы в сфере обращения с ТБО, а также проблемы обустройства и эксплуатации систем водоотведения и канализационных сетей,

вследствие угрозы повторения событий по Котокельскому сценарию на других озёрах БПТ и деградации оз. Байкал.

Список литературы:

1. Базарова Б.Б., Неронов Ю.В. Водная растительность озера: современное состояние и временные изменения // Озеро Котокельское: природные условия, биота, экология / отв. ред. Н.М. Пронин, Л.Л. Убугунов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2013. С.172-177. [Bazarova B.B., Neronov Yu.V. The water vegetation of the lake: current state and temporary changes // Lake Kotokel'skoe: natural conditions, biota, ecology / Ed.-in-Chief N.M. Pronin, L.L. Ubugunov. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of SB RAS Publishing House. 2013; 172-177. (In Russ).]

2. Байкал: природа и люди : энциклопедический справочник. Отв. ред. А.К. Тулохонов. Улан-Удэ : ЭКОС : Издательство БНЦ СО РАН; 2009. 608 с. [Baikal: nature and people: encyclopedic dictionary. Ed. A.K. Tulohonov. Ulan-Ude: EKOS: Buryat Scientific Center of SB RAS Publishing House; 2009. 608. (In Russ).]

3. «Байкальская гавань. Перегрузка»: новое руководство ОЭЗ озвучило стратегию развития / Информационное агентство «Байкал Медиа Консалтинг». URL: <https://m.baikal-media.ru/news/business/349980/>.

4. Байкальская экосистема: от катастрофы к спасению / «Первый Байкальский». Интеллектуальный лайфстайл-проект. URL: <https://1baikal.ru/ekologiya/bajkalskaya-ekosistema-ot-katastrofyi-k-spaseniyu>.

5. Белых О.И., Сороковикова Е.Г., Федорова Г.А., и др. Микроцистинпродуцирующие цианобактерии родов *Anabaena* и *Microcystis* в оз. Котокельское // Озеро Котокельское: природные условия, биота, экология / отв. ред. Н.М. Пронин, Л.Л. Убугунов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2013. С.156-167. [Belykh O.I., Sorokovikova E.G., Fedorova G.A., et al Microcystin-generating cyanobacteria of *Anabaena* and *Microcystis* genera in the lake Kotokel' changes // Lake Kotokel'skoe: natural conditions, biota, ecology / Ed.-in-Chief N.M. Pronin, L.L. Ubugunov. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of SB RAS Publishing House. 2013; 156-167. (In Russ).]

6. Биопродуктивность эвтрофных озер Иркана и Котокель бассейна озера Байкал Под ред. В.Н. Кузьмич. Л.: Минрыбхоз, ГосНиОРХ, НПО Промрыбвод, 1988. Т. 279. 149 с. [Bioproductivity of the eutrophic lakes Irkan and Kotokel of the lake Baikal basin. Ed. V.N. Kuzmich. Leningrad: Ministry of Fisheries, SRILRF, SPA Promrybvod; 1988. (279):149. (In Russ).]

7. Бобкова Е.А. Динамика состояния экосистемы озера Котокель // Вестник Бурятского государственного университета. Биология. География. 2012. №4. С. 118-123. [Bobkova E.A. The Dynamics of Condition of Kotokel Lake Ecosystem. Bulletin of Buryat State University. Biology. Geography. 2012; (4):118-123. (In Russ).]

8. Волков С. По Байкалу. М. : АСТ; 2010. [Volkov S. On Baikal. Moscow: AST; 2010. (In Russ).]

9. Воробьевская Е. Л., Горшкова О.М., Зенгина Т.Ю., и др. Изучение гидрохимических показателей качества воды озера Котокель // Материалы международной научно-практической конференции «Объекты природного наследия и экотуризм», Улан-Удэ, п. Гремячинск, 25-27 августа 2014 г. Москва: Изд-во МГУ. 2014. С. 118-124. [Vorob'evskaja E.L., Gorshkova O.M., Zengina T.Ju., et al. Izuchenie gidrohimičeskikh pokazatelej kachestva vody ozera Kotokel' // Proceedings of the International Scientific and Practical Conference on «Natural Heritage Sites and Ecotourism», Ulan-Ude, sett.25-27 August 2014. Moscow: MSU Publishing House. 2014; 118-124. (In Russ).]
10. Глава Бурятии рассказал об острой нехватке полигонов для вывоза мусора с Байкала / Байкал-Daily. URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/19/325432/>.
11. Государственный Доклад «О состоянии озера Байкал и мерах по его охране в 2006 году» / Охрана озера Байкал. URL: <http://geol.irk.ru/baikal/activ/mactiv2006>.
12. Государственный доклад «О состоянии озера Байкал и мерах по его охране в 2009 г.» / Охрана озера Байкал. URL: <http://geol.irk.ru/baikal/activ/mactiv2009>.
13. Дашиева В., Хаззаева Э. Не дожил до юбилея. В Бурятии лагерь «Байкальский бор» в последний раз принял детей / Infopol. URL: http://www.baikalfund.ru/news/baikal/article.wbp?article_id=cb8c103a-19fd-426c-8e4a-84313985403d.
14. Завьялов Ю. Минпромторг оценил создание «мусорной» отрасли в 5 трлн. руб./Хартия. URL: <http://mo.hartiya.com/news/10561/>
15. Калихман Т.П. Байкальская природная территория в институциональной модели охраны природы // География и природные ресурсы. 2008. №3. С. 65-74. [Kalihman T.P. Baikal natural territory in institutional model of nature conservation // Geography and natural resources. 2008; (3):65-74. (In Russ).]
16. Кожова О.М., Тимофеева С.С. Роль и место элодеи канадской в экосистеме Байкала // Водные ресурсы. 1986. №1. С. 177-178. [Kozhova O.M., Timofeeva S.S. Rol' i mesto jelodei kanadskoj v jekosisteme Bajkala // Vodnye resursy. 1986; (1):177-178. (In Russ).]
17. Комарова В., Подобедова Л. Мусор под госконтролем: кто будет регулировать рынок отходов / РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/12/10/2018/5bbf1ff49a7947f41673dfd2>.
18. Кто спасает Байкал от мусора / Первый Байкальский. URL: <https://1baikal.ru/soxranim-bajkal/volonteryi-bajkala/kto-spasaet-bajkal-ot-musora>.
19. Кутявина Т.И. Изучение процессов эвтрофикации водных объектов Кировской области: дис. ... канд. биол. наук. Киров, 2017. [Kutjavina T.I. Izuchenie processov jevtrofikacii vodnyh ob'ektov kirovskoj oblasti: dis. ... kand. biol. nauk. Kirov; 2017. (In Russ).]
20. Мазурин И.М., Понуровская В.В., Колотухин С.П. Экологический тупик от сжигания мусора и возможные пути его преодоления // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2018. № 3-4. С.1-22. [Mazurin I.M., Ponurovskaja V.V., Kolotuhin S.P. Ekologičeskij tupik ot szhiganiya musora i vozmozhnye puti ego preodolenija // Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manah Prostranstvo i Vremja. 2018; (3-4):1-22. (In Russ).]
21. Масленников А. Недостатки Стратегии развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов/Отходы.ру. URL: https://www.waste.ru/modules/section/item.php?item_id=392.
22. Мороз Е. «Байкалкурорт» на страже экологии // Мир Байкала. 2009. №4 (24). С.46- 47. [Moroz E. «Bajkalkurort» na strazhe jekologii // Mir Bajkala. 2009;4 (24):46- 47. (In Russ).]
23. На Байкале в Бурятии уберут 40-летние свалки мусора / Сетевое издание «Ариг Ус online». URL: <https://arigus.tv/news/item/126084/>.
24. На Котокеле рекреационный сезон пока не разрешен / Информационное агентство «Восток-Телеинформ». URL: <http://vtinform.com/news/138/145850/>.
25. Названа причина экологической катастрофы на озере Котокель / Фонд содействия сохранению озера Байкал. URL: http://www.baikalfund.ru/news/baikal/article.wbp?article_id=cb8c103a-19fd-426c-8e4a-84313985403d.
26. Неронов Ю. В., Соколов А. В., Соколова В. Ф., и др. Состояние рекреационно-хозяйственного комплекса Прикотокелья и его возможное влияние на экосистему оз. Котокельское // Озеро Котокельское: природные условия, биота, экология / отв. ред. Н.М. Пронин, Л.Л. Убугунов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2013. С. 254-260. [Neronov Yu.V., Sokolov A.V., Sokolova V.F., et al. The state of recreational and economic complexes at the lake Kotokel' catchment area and its possible influence on the lake ecosystem // Lake Kotokel'skoe: natural conditions, biota, ecology / Ed.-in-Chief N.M. Pronin, L.L. Ubugunov. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of SB RAS Publishing House. 2013; 254-260. (In Russ).]
27. Об утверждении Стратегии развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления / Правительство РФ. URL: <http://government.ru/docs/>.
28. Озеро Котокель (Котокельское, Катакель) / Вода России: Научно-популярная энциклопедия. URL: <http://limno.org.ru/win/lakerus/11114.php>.
29. Озеро Котокель / Магия Байкала. URL: www.landcover.org.
30. Озеро Котокель пытаются спасти / Око планеты. URL: <https://oko-planet.su/phenomen/phenomennews/114661-ozero-kotokel-pytayutsya-spasti.html>.
31. Озеро Котокельское / Иркипедия: энциклопедия и новости Приангарья. URL: http://irkipedia.ru/content/kotokelskoe_ozero.
32. Озеро Котокельское: природные условия, биота, экология / отв. ред. Н.М. Пронин, Л.Л.

- Убугунов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2013. 320 с. [Lake Kotokel'skoe: natural conditions, biota, ecology / Ed.-in-Chief N.M. Pronin, L.L. Ubugunov. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of SB RAS Publishing House. 2013; 320. (In Russ).]
33. Отчет о НИР. Влияние туристических баз, домов отдыха, населенных пунктов на экологическое состояние оз. Котокель и разработка мер по его рациональному использованию (заключительный за 1991-1993 гг.) // Фонды Востсибрыбцентра. Улан-Удэ; 1993. [Otchet o NIR. Vlijanie turisticheskikh baz, domov otdyha, naselennykh punktov na jekologicheskoe sostojanie oz. Kotokel' i razrabotka mer po ego racional'nomu ispol'zovaniju (zakljuchitel'nyj za 1991-1993 gg.) // Fondy Vostsibrybcentra. Ulan-Udje; 1993 (In Russ).]
34. Очиртарова О. Котокель снова под угрозой / Сетевое издание «АТВ online». URL: <http://tvatv.ru/news/1/344120/>.
35. Почему в Бурятии болеет озеро Котокель, рыба из которого смертельно опасна? / Комсомольская правда. URL: <https://www.irk.kp.ru/daily/25733/2723299/>.
36. Проблемы канализации и водоотведения в Прибайкальском районе / Байкал-Lake: Информационный портал. URL: <http://www.baikal-center.ru/books/element.php?ID=1250>.
37. Пронин Н.М. Историческая справка о вспышках алиментарно-токсической пароксизмальной миоглобинурии (гаффская болезнь) // Озеро Котокельское: природные условия, биота, экология / отв. ред. Н.М. Пронин, Л.Л. Убугунов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2013. С.268-270. [Pronin N.M. Historical review// Lake Kotokel'skoe: natural conditions, biota, ecology / Ed.-in-Chief N.M. Pronin, L.L. Ubugunov. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of SB RAS Publishing House. 2013; 268-270. (In Russ).]
38. Росприроднадзор бьет тревогу: мусорные свалки губят байкальскую природу / Сетевое издание «Вести.Ру». URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=365984&cid=1>.
39. Россолимо Л. Л. Изменение лимнических экосистем под воздействием антропогенного фактора. М.: Наука; 1977. [Rossolimo L. L. Izmenenie limnicheskikh jekosistem pod vozdejstviem antropogennogo faktora. Moscow.: Nauka; 1977. (In Russ).]
40. Санжиев П. Озеро Котокель в Бурятии вернули людям / «Номер один». URL: <https://gazeta-n1.ru/news/society/76242/>.
41. «С Байкала на Байкал мусор возить?» – глава Бурятии не одобрил идею чиновников вывозить отходы из Турки в Максимиху / Информационное агентство «Байкал Медиа Консалтинг». URL: <https://www.baikal-media.ru/news/politics/356496/>.
42. Соколов С., Нимаев С. Почему передовые очистные на Байкале до сих пор не работают? / Сетевое издание «Ариг Ус online». URL: <https://arigus.tv/news/item/97557/>.
43. Субботин А. Начистоту об очистных Бурятии / «Газета РБ»: Интернет-газета Республики Бурятия. URL: [https://gazetarb.ru/news/section-](https://gazetarb.ru/news/section-society/detail-507454/)
- society/detail-507454/.
44. Субботин А. Спутник Байкала озеро Котокель закрыто для туристов из-за токсичности воды и рыбы / ИТАР-ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/580845>.
45. Территория и население Прибайкальского района / Прибайкальский район. Республики Бурятия: Краеведческий сайт, созданный журналистом А.З. Козиным. URL: <http://az-kozin.narod.ru/terral.html>.
46. Уведомление жителей / ЭкоАльянс. URL: <https://экоальянс03.рф/uedomlenie-zhitelej-oprihode-ro/>.
47. Урок Котокеля / Новая Бурятия. URL: <https://newbur.ru/n/29543/>.
48. Федеральный закон от 30.03.1999 №52-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» / КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481/ad220e9b23aa80e99ca66763d7c66996c42e11b5/.
49. Чернин С. Миллиарды в помойку: Как Россия будет выходить из мусорного кризиса / Новые Ведомости. URL: <https://nvdaily.ru/info/123687.html>
50. Шантанова Л.Н., Мондодоев А.Г., Разуваева Я.Г., Пронина С.В. К этиологии алиментарно-токсической пароксизмальной миоглобинурии (гаффской болезни) на территории Республики Бурятия // Озеро Котокельское: природные условия, биота, экология / отв. ред. Н.М. Пронин, Л.Л. Убугунов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2013. С.272- 276. [Shantanova L.N., Mondodoev A.G., Razuvaeva Ya.G., Pronina S.V. To the etiology of ATPM (Haff disease) at the territory of Buryatia Republic // Lake Kotokel'skoe: natural conditions, biota, ecology / Ed.-in-Chief N.M. Pronin, L.L. Ubugunov. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of SB RAS Publishing House. 2013; 272-276. (In Russ).]
51. Шапов М. Проблема переработки мусора актуальна от Волоколамска до прибайкальских деревень / Taurica.net. URL: <https://taurica.net/319040-Mihail-Shapov-Problema-pererabotki-musora-aktual-na-ot-Volokolamska-dopribajkal-skih-dereven.html>.
52. Ян А. В Бурятии озеро Котокель спасут частично / Ваш проводник по России. URL: <http://www.ebftour.ru/articles.htm?id=7913>.
53. SWOT-анализ муниципального образования // Том II. Схема территориального планирования Прибайкальского района. Материалы по обоснованию проекта (пояснительная записка, графическое приложение). 170 с. [SWOT-analiz municipal'nogo obrazovanija // Том II. Shema territorial'nogo planirovanija Pribajkal'skogo rajona. Materialy po obosnovaniju proekta (pojasnitel'naja zapiska, graficheskoe prilozhenie). 170 s. (In Russ).]
54. Sakamoto M. Primary production by phytoplankton community in some Japanese lakes and its dependence on lake depth. Arch. Hydrobiol. 1966; (62): 1-28.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Yuldashev D.T.,
Candidate philological sciences
Urgench State University
(Uzbekistan)*

GENERALITY OF HUMAN THINKING IN ANTHROPONYMS

*Юлдашев Дониёр Тахирович,
кандидат филологических наук,
Ургенчский государственный университет
(Узбекистан)*

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В АНТРОПОНИМАХ

Abstract. This article analyzes the system of anthroponyms of different peoples from an anthropocentric perspective. In particular, the commonalities in the way of thinking of the Uzbek, Tajik and Mongol peoples are revealed in the example of individual names. An anthropocentric study of the famous nouns system of these languages has shown that one of the decisive factors in the interaction of these three major ethnic units is that they have much in common in their way of thinking. It is based on the fact that over the centuries, deep integration has served to further develop this commonality. In Uzbek anthroponyms, names related to the motif of enumeration are explained.

Аннотация. В данной статье система антропонимов разных народов анализируется с антропоцентрической точки зрения. В частности, общие черты мышления узбекского, таджикского и монгольского народов раскрываются на примере имен некоторых народов. Антропоцентрическое исследование известной конской системы этих языков показало, что одним из решающих факторов во взаимодействии этих трех основных этнических единиц является то, что у них много общего в образе мышления. Он основан на том факте, что на протяжении веков глубокая интеграция служила дальнейшему развитию этой общности. В узбекских антропонимах объясняются имена, связанные с мотивом перечисления.

Key words: anthropocentrism, anthroponism, thought style, concept, ethnic unity, harmony of thought.

Ключевые слова: антропоцентризм, антропоним, образ мышления, концепт, этническое единство, гармония мышления.

Introduction. "The world of onomastics, first of all people and place names (anthroponyms and toponyms) is so connected with society that (I do not hesitate to express my feelings) a person who pays little attention to it, be it a philologist, historian, geographer, geographer or just curious, cannot be indifferent", – writes A.K.Matveev [4, p. 7]. A.S.Schcherbak also writes that "different types of onomastic concepts, the main source of which is anthroponyms and toponyms, serve to determine the cognitive basis of important onomastic units" [7, p. 34].

It is precisely because we have recalled these considerations that indeed well-known nouns, in particular anthroponyms and toponyms, provide a richer and more reliable information than other types of onomas in the formation and gradual analysis of a nation's way of thinking. The place names are relatively ancient and stable, as well as being named by members of the whole community as a whole nation; The relative instability of human names, even though they have the same origin as humanity, is formed on the basis of the laws of nomenclature of a particular society, and the fact that most individuals or individuals as "creatures" reflect different aspects of society, anthropocentrically in comparing and studying the specificity of these two types of names can provide much richer facts.

In the development of human names, it is observed that many peoples of the world have gone through a

close stage. This process differs in that a certain gradual development takes place in a certain period of time in a nation. The interaction of peoples, socio-political life, level of culture, religious factors also play an important role in the process. Of these, the influence of religious worldview and factors in the development of human names is one of the next stages. There is no doubt that religion is a high stage in the development of human thought and civilization. In particular, the human names of the Turkic peoples, who believed in several religions in certain regions and dates before Islam, in a sense reflect the traces of past beliefs.

As for the Islamic beliefs in this regard, one of the important responsibilities of parents is to choose a suitable name for their child. This is one of the rights of the child after birth. There is a narration in the chapter on the name of the Prophet Muhammad (peace and blessings of Allaah be upon him) that when a man named *Ja'al* (bat) came to complain about his father, he considered the child's grievances to be justified because the father had not paid the child.

The book "Happy Family" describes in detail the important events in the history of Islam, the conditions associated with the choice of a suitable name [5, p. 278-288]. The condition that names should be beautiful is based on the hadith narrated from 'Abdullah ibn Mas'ud (may Allaah be pleased with him) that "Allaah is beautiful and loves beauty" [5, p. 279]. It is important

to note that in the Islamic creed, the name has not only a secular but also a secular significance, as narrated by Abu Dawud, Ibn Habban, Tabarani and Bayhaqi: "So make your names beautiful." It is said that names such as *Abdul Uzza* (slave of the idol of Uzzo) should not be used here. In addition, the Prophet (peace and blessings of Allaah be upon him) did not entrust the milking of camels to a Companion named *Murra* (Bitter), *Harb* (War), but to a companion named *Ya'iysh* (Yashar). The fact that they replaced him with *Bashiy* (Prophecy, Joy) shows the greatness of the attribute in the name. According to a hadith narrated by Imam Bukhari, Su'ayd ibn Musayb's grandfather *Hazn* (Roughness) was told that when the Prophet (peace and blessings of Allaah be upon him) suggested the name *Sahl* (lightness), *Hazn* would not go beyond the name given by his ancestors. His offspring says he has not left this trait in his family since. The fact that the truce was achieved through the arrival of Suhayl ibn 'Amr as an ambassador to the Hudaibiyah peace treaty is another reason for the special attention paid to the name in Islam. Abu Rayhan Beruni also wrote that the ambassador should have a resonant name along with a number of qualities.

II. Methodology. The principles of nomenclature present in anthroponyms have evolved in relation to each other. There are principles that are so closely intertwined with each other that it is difficult to imagine one without the other. For example, the principle of enumeration, based on the content of the name, is sometimes intertwined with names based on religious motives, and sometimes with names related to natural phenomena.

One of the nominative motives observed in Uzbek anthroponyms is to take into account the date, month, and event of the child's birth. However, it should be noted that some other factor or factors may also play a role in this. This is due to the fact that the number of participants in the nomination process is limited, it is not possible to analyze them directly, that is, it is impossible to ask each nominee (name nominee) based on this principle.

As an example, if we consider the names associated with the names of the months, the Uzbek people have used several calendars throughout their history, but not all of them have become anthroponyms. It is therefore necessary to consider separately the names of the months that have become anthroponyms in the system. For example, in Central Asia and Iran, the name of the moon, which has been used since ancient times, has become the name of only one person. (In fact, there is no basis for a firm conclusion, as is known from written sources - this).

Bahman بهمن is *Vehumana* in the 'Avesto', *Vehuman* in Pahlavi, and consists of the words *vehu* meaning "opinion" "mind," and *man*, meaning "thought". Tabari gives its meaning in Arabic as الحسن النبية. He was one of the *amshospands* of the Zoroastrian faith and was called *bahman* in the eleventh month of the year and on the second day of each month [3, p. 5128]. Other meanings of this word, as well as the meaning of angel, mountain, and dwelling place as a famous horse, are given in detail in this dictionary [3, 5129]. This word appears as the name of the month in

"Qisasi Rabguziy": "*Kechti bahman zamharir qish, qalmadi qori, buzi*". In our view, the lexical meaning of *Bahman's* name is important to the nominee. This is because the name was given even in times when the ancient names of the moon were completely obsolete. As an epic name, one of the heroes of "Shohnoma" *Bahman* is the son of Isfandiyar. He hands over his property to Bahman:

*Hama lashkarashro ba Bahman supurd
V-az onjo xiromid bo chand gurd.*

Translation: "*Bahman* handed over all his army and left with a few warriors".

In Uzbek literature, *Bahman's* hero is in the epic "Gul and Nawruz" and, of course, is considered an alternative negative hero to Nawruz. The fact that this name was given in later times has nothing to do with Zoroastrianism also confirms that the name of one of the descendants of Alikhan Tora Soguni was *Bahmanyar*.

From the names of the months to be analyzed, we see a different situation in the names of *Rajab*, *Ramazan*, *Safar*, and *Sha'ban*, which have become atroponyms:

1. The lunar calendar, which is the basis of these names – the Hijri lunar calendar, was and is officially consumed until the beginning of the XX century and then in the religious sphere, as well as among the Arab, Tajik, Mongol and Uzbek peoples. In this respect it differs from the ancient solar calendar and the Hijri sun.

2. Not all months' names in the Hijri lunar calendar occur, but five occur as anthroponyms. Four of these, "shuhuru-l-haram," are the months of reverence.

Comparing the names of peoples of several kinship and non-kinship languages shows that aspects such as their world of thought, dreams, and attitudes toward being are very similar to each other. Based on the nature of Uzbek names and analyzing them into several groups, one of them is the wish noun. (It will be recalled that this classification was based on the meaning of the appellation, based on our views on the nominator-nominee relationship.) Such appellation consists of abstract concepts such as universal qualities, intentions in human dreams, goodness. For example, in Uzbeks: *Quvonch*, *Quvonchoy*, *Quvondiq*, *Baxt*, *Baxtigul*, *Qutlug'*, *Qutlibika*, *Qutlug'qadam*, *Sevinch*, *Go'zal*, *Qahramon*.

The reason why we mention this type in the first place is that most anthroponyms today belong to this group. In fact, from a chronological point of view, it is not surprising that this type occupies one of the last places. The reason is, firstly, that man named real concepts before naming abstract concepts, and secondly, that some of them belong to other word families as an appellation.

It should be noted that the fact that these types of names have different lifestyles, are geographically distant from each other, and their economic conditions are equally prevalent in other nations shows once again that man strives to maintain his spiritual image in any natural and economic conditions.

For example, in the Mongols *Az* – happiness, *Azjargal*, *Bayar* – joy, celebration; *Bayarbaatar* – joy and bravery, *Bayarsaikhan* – joy and beauty, *Mönkh* –

eternal, everlasting; *Mönkhsaikhan* – eternal, everlasting; beautiful [1, 220].

In fact, such names can be divided into several subgroups. For example, eternity, long-lived names: in Uzbek *Olmas, Olmasoy, Yashar*; in the Mongols, as we have seen, *Mönkh, Mönksaikhan*; *Khalid* in the Arabs; like *Jovid* in Persia. The basic appellate allows us to conclude that names belonging to this type have been a tradition by humans since the time when they lived according to the laws of the forest. The 'Veda', the oldest written monument, as well as the 'Avesto' and 'Gilgamish', also show the antiquity of the famous nouns belonging to this group of subjects. For example, *Al Hatun* is the name of Chenghis Khan's daughter. In 1209, Ediqut Barjuq married her [1, p. 7].

At this point, when we compare the system of anthroponyms of the Turkic and Iranian peoples, which have long had very close socio-political, religious, cultural and enlightenment relations, first of all, they show almost the same nominative motives. Importantly, the oldest layer of the system of anthroponyms of both peoples consists of nouns named "Avesto". For example, in Uzbek such names as *Olmas, Olmasoy, Mangu* are represented in the Iranian peoples as *Jovid*. The appellation of the name of this person is the word *yavaetât* in the Avestan meaning "eternity" and took the form *yavetân* in Pahlavi [3, p. 562]. The *yave* part of the name means "forever", and the second component is included in the names *Khurdod* and *Murdod* mentioned in the 'Avesto'. In particular, *Khurdad* appears in the Avesto in the form of *Haruvatât*. The first component means "mature", while the second part is an adverb in the sense of "every". Both components together mean "perfection", "maturity" [6, p. 720]. It should be noted that at different stages of language development and phonetic differences between dialects, the similarity of the laws of sound change, there is a similarity in the Turkic and Iranian languages. Like every level of language, phonetic differences also occur as a product of thought harmony. The phonetic change *y - j* in the above example is very common in Turkic languages: *yo'l - jol, yo'nalish - jonalish*.

In the system of personal names of both peoples there are many names formed on the same principle. For example, we often observe this in names formed on the basis of *phytonims, zoonims, cosmonims*, as well as names associated with colors. The most ancient names of the Iranian peoples in the system of anthroponyms are *Arjosb, Tahmosb, Jomasb* ("asp" - horse), *Zardusht* ("ushtur" – camel), meaning "horse" and "camel", besides it names with component 'toy' are widespread (*Anortoy, Subutoy, Iristoy*). At the same time, the genealogical differences of these components also have in common the views of both ethnic groups. This is why anthropoindicators are common in common names in both languages. Over the centuries, the intensification of comprehensive integration has led to the Uzbek name *Ghulam* and the Tajik name *Tursun*, as *G'afur G'ulom* favored *Mirzo Tursunzoda*.

In the nature of the Uzbek language, assimilation is mainly used as an expression of abstract concepts, emotional units. For example, if the word "heart"

belonging to its own layer can at the same time express concrete and abstract concepts, the Iranian word "*dil*" and the Arabic word "*qalb*" can only express an abstract concept, ie they are used as synonyms of the Turkic word "*ko'ngil*". This peculiar nature of our language is to some extent reflected in the system of famous nouns. Therefore, most of the names of Uzbek people, which are rich in emotional color, are historically and etymologically belonging to the Iranian class. Therefore, the appellations with the component "*ruxsor*", with the component "*chechak*", with the component "*gul*" have a significant place in the system of names of Uzbek people. It should be noted that the Uzbek people do not accept them as assimilation, they understand them as their own word, only an expert can understand their assimilation. Hence, the nominator is interested in the power of conceptual expression, not the source of the word. The second factor is that the nominee is attracted by the material appearance of the appellate. Simply put, for an Uzbek nominee, the *bolta, o'roq* which knows its meaning very well, seems to prefer to choose the name *Farangiz*, even if it does not know its lexical meaning more than the words *sickle*. From an anthropocentric point of view, this is also a certain principle – the basis leads to the choice according to the material appearance of the appellate. At this point, we should not assume that this principle arises from the fact that the nominator does not understand the appellate meaning, its material appearance – pronunciation, resonance, ease of utterance, abbreviated or not, does not cause "discomfort" when pampered. Even if the nominator knows the meaning of the ground appellate, the name of the person may arise on the basis of this principle. For example, the nominee chooses one of the names *Behzod, Behbud, Behruz* on the basis of this principle.

Another aspect to note in the comparison of Uzbek and Tajik anthroponyms is that the local environment is also reflected in gender differences in personal names. For example, in areas where Uzbeks and Tajiks live, the name *Barno* is one of the most popular nouns for both sexes. In other areas, it is poured only on girls. Because the nominator in a bilingual environment understands its lexical meaning better than the nominator in another environment, the name is given to a boy because in his psyche the word does not evoke a feminine quality. Indeed, lexically, the word means "young":

توانا بود هر که دانا بود ز دانش دل بپیر برینا بود

Bilimdan bilimdon jasur, pahlavon,

Bilimdan keksalar dili navqiron. ("Shahname")

These examples show that one of the decisive factors in the interaction of these three major ethnic groups is their common thinking. Over the centuries, deep integration has served to further develop this commonality. Therefore, well-known nouns with almost the same meaning (for example, *Oqtepa - Talisaped, Oyyuz - Mohro'y*) should be evaluated as both ethnic units have their own thinking and their own language capabilities. We believe that the ideas expressed are based on the theoretical ideas expressed in the example of one level of the onomastic system.

III. Summary. In short, the commonality of the human way of thinking in anthroponyms is fully proved

by the examples of names belonging to the Uzbek, Tajik and Mongolian languages. The analyzed materials show the need to look at anthroponyms as a separate type from an anthropocentric point of view in the system of famous nouns. Because in this type of famous nouns, the principles of several nominations are inextricably linked, and sometimes their origin can be determined only by showing the same reason in the life of a particular person. It is therefore preferable, in our view, to rely on an ethnolinguistic interpretation of the appellative meaning in correctly defining their nominating principles.

REFERENCE

1. Bulet Gul. Monghol Kışı Adları // Modern Türklük Araştırmaları Dergisi. Cilt 7.Sayı 1.Mart 2010. – S. 220.

2. Quliyev Ə. A. Əski türk onomastik sözlüyü. Bakı: Elm, 1999. – S. 7.

3. Али Акбар Деххудо. Луғатномаи Деххудо. – Техрон. – С. 5128.

4. Матвеев А.К. Апология имени // Вопросы ономастики. 2004. №1.

5. Шайх Муҳаммад Содик Муҳаммад Юсуф. Бахтиёр оила. – Тошкент: Hilol nashr, 2015. – Б. 278 –288.

6. Шамсиддин Муҳаммад бин Халаф Табризий. Бурхони котеъ. – Техрон: Кабир, 1997. Жилди 2. – С. 1382.

7. Щербак А.С. Когнитивные основы региональной ономастики. Автореф... доктор филол... наук. – Тамбов, 2008.

8. King Dehkoda. Kingroid.co@gmail.com

Алиева С.А.

доцент кафедры журналистики

Башкирского государственного университета (г.Уфа, Россия)

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ МЕДИАРЫНКА К УРОВНЮ ПОДГОТОВКИ МЕДИАСПЕЦИАЛИСТОВ

В последние годы преподаватели и практики журналистики часто пишут о проблемах медиаобразования в связи с тенденцией сокращения спроса к медиаспециалистам со стороны медиарынка. Причину такого несоответствия интересов поставщика кадров в лице вуза и их потребителя в лице СМИ многие видят в выросших требованиях к квалификации специалистов массмедиа. При этом, эксперты в этой сфере не раз отмечали о снижении качества подготовки журналистских кадров из-за коммерциализации учебы в вузах, недостаточной проработанности учебных планов по направлению «журналистика». Даже стали обсуждать вопрос «Нужно ли журналисту высшее профессиональное образование?» [1]. Противники высшего профессионального образования аргументируют свои тезисы тем, что не в вузе, а в редакциях за полгода можно получить одинаковое количество знаний и намного больше профессиональных навыков. При этом ими игнорируется владение методологической культурой журналиста (общесоциальная, общепублицистская, эмпирическая, интерпретационная), которую за полгода не «набрать» ни в одной редакции. Самое печальное здесь в том, что большинство студентов факультетов журналистики считает, что им специальное журналистское образование не нужно.

Между тем социальная ориентированность, престижность и творческая природа журналистской профессии привлекают многих школьников, которые ежегодно пополняют список студентов-журналистов. Однако они после окончания вуза не могут устроиться по профессии, поскольку на медиарынке их особо не ждут. Если ждут, то не с теми навыками, с чем выпускаются они из стен многих вузов.

Да и в самой медиасфере вакансий для журналистов немного. Профессия журналиста

становится менее востребованной на фоне других современных профессий, например, менеджера какого-либо гипермаркета. Она уже встает в ряд устаревающих профессий с 2013-2030 гг. как библиотекарь, корректор, бильдиредатор, юристконсульт, переводчик, экскурсовод и т.д. [2]. Этому стала способствовать, не в последнюю очередь, развитие гражданской журналистики, благодаря чему каждый умеющий что-либо снимать, писать и говорить стал выкладывать свой контент в интернет, создавая конкуренцию в сфере традиционной журналистики.

Согласно этому же источнику, в медиасфере второй столицы нашей страны в Санкт-Петербурге на одну вакансию приходится до 17 резюме от журналистов. Не будет преувеличением, если скажем, то такая картина в Службе занятости присуща многим регионам. И в Республике Башкортостан не лучшее положение с трудоустройством выпускников в редакциях СМИ.

Стоит отметить, что сложность трудоустройства по своей профессии испытывают не только выпускники отделения журналистики. Такое положение наблюдается по стране уже больше пяти лет у представителей многих профессий гуманитарной направленности, которых ждет жесткая конкуренция на рынке труда.

Во-первых, такое положение связано с тем, что потребность медиаорганизаций в журналистских кадрах не так невелика, несмотря на увеличение их количества за последние двадцать лет. В первые десять лет после распада СССР многие (даже непрофильные) вузы открывали специализацию по журналистике без надобности. Это стало одной из причин увеличения набора абитуриентов, в результате чего произошло перепроизводство кадров и как следствие, появилась армия безработных выпускников. Конечно, в условиях рынка и экономической нестабильности самих

медиапредприятий, безработица – явление ожидаемое.

Еще одним из факторов, снижающих уровень подготовки журналистских кадров во многих вузах, выступает коммерциализация учебы по журналистике [3, с.67]. Не секрет, что при приеме студентов на платной основе к знаниям таких абитуриентов высокие требования не предъявляются. На парте студентов-журналистов часто оказываются не мотивированные случайные абитуриенты, родители которых могут заплатить за обучение. При этом все эти факторы в медиаобразовании не учитываются, как и сам закон рынка «спрос рождает предложение». Нет такого механизма или ведомства, изучающего/ведущего учет спроса рынка в кадрах. Советская традиция плановой экономики и подготовки кадров позволяла избежать безработицы, хотя она имела кучу минусов.

Здесь стоит упомянуть об организации и принципа отбора будущих студентов-журналистов. В разных вузах практикуются разные подходы при приеме и учете результатов ЕГЭ. В одних принимают результаты ЕГЭ по русскому языку и литературе, в других – по русскому языку и обществознанию. Третьим испытанием в одних вузах принято устное собеседование, а в других – творческое сочинение.

Другая причина не обустроенности выпускников журналистов в медиасфере – ориентированность на традиционную журналистику. А традиционная журналистика, как известно, находится не в лучшем положении, несмотря на то, что в количественном отношении их больше цифровых. К примеру, по состоянию на 17 апреля 2017 года, две трети всех зарегистрированных СМИ России составляли периодические печатные издания. Из них 37% – журналы, 28% – газеты. Среди них всего 11% – онлайн СМИ, причем в значительной части представленные сайтами и другими цифровыми продуктами периодических печатных изданий, 10% – ТВ, 7% – радио, 2% – информгентства и 3% – прочие СМИ [4, с.7].

Как видно из данных упомянутого Отраслевого отчета, в нашей стране печатные СМИ лидируют по количеству среди всех остальных медиа. Однако бумажные версии изданий с каждым годом теряют читателей из-за падения потребительского спроса на газетно-журнальную продукцию, и уходят в сеть. Особенно это присуще малобюджетным государственным изданиям. К примеру, республиканская «Молодежная газета» и ряд других журналов Башкортостана по этой причине вынуждены были выпускаться только в электронном варианте. Безусловно, такие перемены сопровождаются оптимизацией деятельности редакций, то есть сокращением числа давно работающих журналистов, среди которых были опытные, но не владеющие навыками работы в сетевой версии изданий.

Что касается телевидения и радио, то они могут рассчитывать в основном на зрителей в возрасте старше 30-35 лет, число которых

постепенно уменьшается с уходом советского поколения, при этом, не ожидая пополнения аудитории за счет молодежи.

По мнению экспертов, у социальных медиа и цифровых изданий тоже не все идет гладко, поскольку слабая экономика не дает им регулярно выплачивать заработную плату журналистам и менеджерам [4, с.13].

В такой ситуации, когда количественное преимущество печатных СМИ в будущем не может выступать гарантом стабильности их положения из-за увеличения доли «цифрового поколения», следовательно, оттока читателей, бесспорно, не стоит ориентировать студентов исключительно на рынок бумажных изданий. К тому же огромный рынок печатных СМИ имеет давно сформированный кадровый ресурс и он не ждет новоиспеченных и еще не опытных выпускников из-за постоянно проводимой оптимизации.

В то же время медиарынок не стоит на месте и развивается по законам того же рынка. Одни СМИ открываются, а другие – закрываются, старшее поколение журналистов освобождает место молодому поколению. И это молодое поколение журналистов встречается с жесткой конкуренцией на этом рынке кадров, где от него требуют навыки работы в социальных сетях, ю-туб каналах, графических редакторах, с программами по обработке фото и видеоконтента. И часто выпускникам не хватает именно этих навыков.

Решение проблемы видится в подготовке конкурентноспособных журналистских кадров, а это, в свою очередь, зависит от корректировки учебного плана, формы организации обучения, технической оснащенности вуза, компетентности самих преподавателей, учета реального спроса медиарынка и требований медиаорганизаций.

Нельзя сказать, что требования медиарынка не учитываются в медиаобразовании. В последние годы в образовательной политике России взят курс на модернизацию государственных стандартов, которая коснулась и сферу журналистского образования. Введен обновленный Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 42.03.02 Журналистика (уровень бакалавриата) и 42.04.02 Журналистика (уровень магистратуры). Прием студентов на 2019-2020 учебный год был осуществлен по новому стандарту. Многие факультеты и отделения журналистики вузов за короткий срок обновили ОП и Учебные планы согласно новому стандарту. Нововведение заставило ППС вузов составлять рабочие программы по новому учебному плану для первокурсников, при этом параллельно проводить занятия на старших курсах по образовательному стандарту, утратившим силу с нового учебного года.

Новые учебные планы по направлению «журналистика» составлены так, чтобы преподаваемые дисциплины обеспечивали формирование умений и навыков, позволяющих выпускникам легче адаптироваться к новым требованиям рынка. Безусловно,

практикоориєнтована програма навчання по новому ФГОС третього покоління, в якому акцент робиться на набуття навичок, а не теоретичних знань, в скорому часі дасть результати.

Немедленного осмысления требует и полугодовой опыт ведения дистанционного обучения, введенного в вузах из-за пандемии коронавируса. Электронные курсы дистанционного обучения, онлайн занятия на различных платформах (BBB, ZOOM и др.), направленные на поддержание постоянного диалогового режима между студентом и преподавателем, получают не совсем положительную оценку со стороны самих обучающихся.

Таким образом, современные требования медиарынка к выпускникам-журналистам обусловлены изменениями, происходящими в самой медиасфере, которой присуще фрагментация аудитории, преобладание медиопредложения над

медиапросом, сокращение числа сотрудников редакций и снижение запроса на качественную информацию на фоне усиления инфоразвлечения.

Литература

1. Нужно ли журналисту высшее профессиональное образование // <https://jnlst.ru/quiz-education>, (Дата обращения: 01.12.2019).
2. На рынке труда высокая конкуренция // <http://spbsj.ru/rynok-truda/na-rynkie-truda-vysokaia-ko> (Дата обращения: 19.03.2019).
3. Тулупов В.В. Мифы и проблемы журналистского образования // Журналист. – 2004. – № 9. – С. 66-67.
4. Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад // Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2017. <http://www.fapmc.ru/rospechat/activities/reports/2018/pechat1.html> (Дата обращения: 19.03.2019).

Belik K. A.

Master of Philology

Kharkiv V. N. Karazin National University

THE IMAGE OF A CHILD IN THE STORY “TRAVELLERS” BY Y. HUTSALO

Белік К. А.

магістр кафедри історії української літератури

Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.

ОБРАЗ ДИТИНИ В ПОВІСТІ «ПОДОРОЖНІ» Є. ГУЦАЛА

Summary. Given paper validates E. Y. Hutsalo's story “Travellers”, a part of the collection called “The smell of Dill”, to occupy a significant place both in artist's prose work and Ukrainian literature of the second half of the XX-th century considering Sixtiers' representative striving to restrain from the established canons of socialist realism, deny the dominance of ideology and propaganda in art. Analysis of children's makes it possible to affirm that the writer's work is characterized by deheroization of reality, its demythologization, lyricization, which involves predominance of the image of an “ordinary man” over exceptional heroic figures. Children learn from their elders, but nowhere in the story “Podorozhni” there are any official phrases related to the formation of a certain ideological position. The main values, carried by children are universal – love and devotion to a homeland, respect for the family, integrity, and courage.

Анотація. У статті доведено, що повість «Подорожні» Є. Гуцала, яка входить до збірки «Запах кропу», посідає важливе місце як у прозовому доробку митця, так і в українській літературі другої половини ХХ ст., адже в ній відобразилося характерне для шістдесятників прагнення відійти від усталених канонів соцреалізму, заперечити панування ідеології і пропаганди в мистецтві. Аналіз дитячих образів дозволяє стверджувати, що для творчості письменника характерна дегероїзація дійсності, її деміфологізація, ліризація, що полягає в превалюванні образу «звичайної людини» над винятковими героїчними постатями. Діти переймають досвід від старших, однак ніде в повісті «Подорожні» не звучать офіційні фрази, пов'язані з формування певної ідеологічної позиції. Головними цінностями, носіями яких стають діти, є загальнобуттєві – любов до рідної землі, повага до роду, чесність і відвага.

Key words: *Ukrainian literature of the XX-th century, Y. Hutsalo, story “Travellers”, lyricism, motif, archetype, sixtiers.*

Ключові слова: *українська література ХХ ст., Є. Гуцало, збірка «Запах кропу», повість «Подорожні», ліризм, мотив, архетип, шістдесятництво.*

Творчість Є. Гуцала – українського шістдесятника, поета, прозаїка й публіциста – впродовж багатьох років перебуває в центрі уваги дослідників. Є. Адельгейм, О. Бульбачинська, І. Дзюба, В. Дончик, М. Жулинський, І. Глотова, Г. Калантаєвська, Н. Навроцька, Н. Науменко, О. Поворозник, О. Подлісецька, О. Поліщук, О. Чепурна, Л. Тарнашинська та ін. загалом високо

оцінюють творчість письменника, аналізуючи жанрові, поетикальні особливості його прози. Повість Є. Гуцала «Подорожні» (1969) є найменш дослідженою в сучасному літературознавстві. Л. Громик, одна з небагатьох учених, хто звернувся до розгляду цього твору, указує, що центральною для повісті є тема війни, співвіднесена передусім із поняттям «воєнного» досвіду дитини. «Перед

читачем постають вражаючі картини абсурдного й антигуманного світу, соціально-філософське й емоційно-сміслові значення яких посилюється глибоко трагедійним забарвленням багатьох художніх деталей і численними натуралістичними реаліями. Превалювання трагічного у навколишньому світі корелює динаміку внутрішнього життя головних героїв, у якому домінують гнітюча тривога, сум, відчай, безнадія, страх, душевний біль, розпач, нервові напруження», – пише Л. Громик [2, с. 6]. Тому, метою нашої статті є дослідження повісті Є. Гуцала «Подорожні», а саме аналіз образу дитини, що є важливим для всебічного вивчення твору.

Образи дітей у повісті Є. Гуцала «Подорожні» доцільно розглядати з урахуванням декількох контекстів дослідження. Окрім обраного нами архетипного аналізу, важливо згадати також про загальний контекст воєнної літератури, зокрема той її пласт, де головними персонажами є діти.

Відома дослідниця теми війни в українській літературі І. Захарчук зазначає, що нові тенденції в мистецтві, які виникають на ґрунті хрущовської відлиги, стимулюють до переосмислення мілітарного міфу. Цьому сприяє поява постсталінського літературного покоління, для якого нагальною стала проблема мистецького вибору. На рубежі 1950–1960-х років під впливом суспільних змін відбувається реструктуризація офіційної героїчно-патетичної парадигми війни та зміна воєнного наративу, у якому особливо відчутною стає сповідальна лірична складова. У російській літературі з'являється хвиля «лейтенантської прози» («Батальйоны просят огня» (1957) Ю. Бондарева, «Пядь земли» (1959) Г. Бакланова, «До свидания, мальчики» (1961), «Убиты под Москвой» (1963) К. Воробйова та інші) [4, с. 320]. У просторі української художньої свідомості, вважає дослідниця, здійснюється реміфологізація основних мілітарних стереотипів через витворення альтернативної шкали цінностей, які спиралися не на державні стандарти «колективного», а об'єднувалися довкола родинних, професійних, ментальних вимірів [4, с. 321].

У дисертаційному дослідженні І. Захарчук наголошує, що важливою заслугою письменників-шістдесятників (Гр. Тютюнника, Є. Гуцала, В. Дрозда та ін.) є те, що вони змінили усталений образ війни. У творах представників шістдесятництва травма окраденого війною дитинства витіснила героїчно-патетичну інтерпретацію мілітарного досвіду і стала початковою точкою відліку під час деконструкції офіційної ідеології: «Архетип «дитини війни» заступив монументально-усталену постать «героя-воїна», увійшовши в художню свідомість російської, польської та інших культур» [5, с. 20].

О. Кумкова відзначає використання образу дитини в прозі Є. Гуцала як особливості його творчої манери 1960-х років. Найвиразнішим носієм такої переорієнтації цінностей є образ дитини-«підранка» (пораненого війною), образ цілого покоління, яке вступило в пору змузнення. Мало

хто з дебютантів шістдесятих оминув у своїх творах тему дитинства. Автори фіксують перші враження від навколишнього світу, дорогих людей, рідних місць і спогади про жахіття війни. «Специфічне дитяче переживання всенародної трагедії лягло в основу нової гуманістичної концепції людини, позбавленої політичних, ідеологічних викривлень, відкритого, акцентованого заперечення будь-якого насильства, жертв і страждань, нарочитої героїки», – пише О. Кумкова [6, с. 55].

На нашу думку, у повісті Є. Гуцала «Подорожні» можна виявити всі тенденції, озвучені літературознавцями щодо «воєнної прози» та тематики воєнного дитинства у творчості шістдесятників. У центрі уваги читача образи трьох дітей-підлітків, кожен зі своїм характером і психологічними травмами: Юрко (головний персонаж, який мандрує з матір'ю до міста, звідки вони вимушені були тікати у зв'язку тим, що відбувалися бої), Ніна (дівчинка, яка втратила родину і, можливо, пережила насильство) та Юзик (також сирота, один із тих, хто чудом урятувався у спаленому німцями селі Лісовий Майдан і тепер разом із дідом Галапацом та Юстиною Сокольчик ховає рештки померлих).

Відзначимо, що увага до дитячих образів відповідає засадам архетипного аналізу. Архетип Дитини (або Божественної Дитини) посідає важливе місце в теорії К. Г. Юнга. Дослідник виводить його коріння від постаті Дитини-Ісуса. В інших міфологіях цей образ виникає в процесі зміни форми богів «як провісник і первісток нового покоління, і несподівано з'являється в неймовірних місцях (народжується з каменю чи дерева, з борозни чи води тощо) і в двозначній постаті (хлопчик-мізинчик, гном, дитина, тварина та ін.)» [9, с. 205].

Паралель із цими міфологічними подіями можна простежити в появі Ніни («білява, трішки рябувата дівчина, років на два-три старша від Юрка» [3, с. 174]) на шляху подорожніх. Ніна з'являється буквально нізвідки, опинившись у селі Польові Вергуни у вирі війни. Її віддає під опіку Юрка та його мами жінка-гора: «Дівчина мала знекровлені тонкі вуста, які здригались. ...Стояла так, наче не чула. Так би могла вона стояти з деревами чи в пустелі» [3, с. 174]. Ніна не пам'ятає нічого про своє найближче минуле, хоч і сподівається, що її батько повернеться з фронту.

Так само в неприродній, майже непридатній до життя ситуації персонажі зустрічають Юзика. Хлопчина живе в землянці з дідом, він завжди голодний і слабкий: «В кутку заворушилось, над лахміттям звелась кучмата голова; горіло двоє великих очей, підведених синцями, запечені вуста скидались на чорну борозенку» [3, с. 227].

Хоча в повісті українського письменника відсутній мотив «чудесного народження», що зазвичай притаманний архетипові Божественної Дитини, можемо констатувати наявність інших неодмінних мотивів. Як зазначає К. Г. Юнг, це мотиви «непривабливості», віддачі на поталу, покинутості, загрози тощо [9, с. 216]. Разом із тим, Дитині властиво здійснювати «чудесні» героїчні

вчинки, долати найбільші небезпеки, що зумовлює її «надприродний характер» [9, с. 217—218].

Особливо це помітно у фрагменті зустрічі подорожніх із вовком. Є. Гуцало змальовує дикого звіра сильним і благородним. Вовк уцілів упродовж усієї війни. Він не виявляє агресії до людей, однак мати все одно лякається тварини. Натомість Юрко і Ніна приховують свій страх і роблять вигляд, що зовсім не бояться: «В Ніни напружилось високе, чисте чоло, губи стиснулись, одна брова раз у раз сіпалась. Юрко ж мав вигляд похмурий, спідлоба проводжав поглядом хижака» [3, с. 193].

У міфологічних уявленнях вовк є втіленням хтонічного звіра, посередника між земним і загробним світом. Поступово вовк починає асоціюватися зі злочинцем, розбійником із дикої глушини, та водночас він може втілювати й образ жертви, переслідуваної мисливцем [7, с. 77—79]. На нашу думку, у повісті «Подорожні» Є. Гуцала персонажі переносять свої емоції на вовка, оскільки вже декілька років живуть у страшній напрузі. Реалії окупації, голод, злидні, фізична загроза життю, моральні приниження назавжди залишаються в пам'яті дітей війни, однак у цій сутичці з грізним звіром вони виявляють силу духу й сміливість.

Мужньо поводитися не тільки Юрко. Ніна, щодо психологічного стану якої були всі підстави непокоїтися (дівчина дуже замкнута, не розповідає про те, що їй довелося пережити), демонструє велику витримку: «Знайшли кого боятись! Я стільки німців перебачила – й ні одного не боялась, а тут – вовк. Собака, та й годі. Я б йому сама горло перегризла, якби тільки спробував кинутись» [3, с. 193]. У фіналі цього епізоду вовк підривається на міні – символічний противник гине, а діти з матір'ю продовжують свою мандрівку.

Є. Гуцало фактично демонструє розрив зв'язку між матір'ю і дітьми, які більше не потребують її захисту, адже природа, сам інстинктивний світ, як зазначає К. Г. Юнг, опікуються Божественною Дитиною [9, с. 219]. Можна простежити відмінність між образами дітей із Першої новели про материнську любов, де вони відіграють пасивну роль. У центрі уваги перебуває образ матері, яка наражає дітей на смертельну небезпеку, несучи за це одноосібну відповідальність (якби гітлерівці виявили, що родина крадькома переносить толь, усі б загинули). Натомість Юрко й Ніна виконують роль активну, вони вже є самостійними. Раннє дорослішання зумовила війна, однак саме це дозволяє простежити реалізацію архетипу в образах персонажів автора.

Вовк є не єдиною твариною, що зустрічається на шляху подорожніх. На особливу увагу заслуговує образ коня Димка, вірного супутника Юзика. Змальовані в традиціях імпресіонізму, образи коня та хлопчика набувають живописних, напівреальних рис. Кольори блакитний і світло-жовтий, які використовує автор, підкреслюють семантику світла, як причетності до небесної сфери: кінь «невисокий, світлий, а в тумані наче аж голубуватий», а Юзик «худесенька воскова свічка з синіми вогниками у великих очах. ...Голос у нього

був легенький, якийсь наче порожній – плоский житній колосок після негод і вітрів» [3, с. 240].

Напівживий від голоду й виснаження Юзик тримається також і завдяки своєму другові. Традиційно в різних культурах кінь символізує інтелект, мудрість, вельможність, світло, динамічну силу, моторність, швидкість думки. Це типовий символ родючості, мужності й потужної влади. Як солярна сила білий, золотий або вогняний кінь з'являється разом з сонячними богами. У різних традиціях кінь колись був заупокійною твариною, що переносив померлого в інший світ. Таким чином кінь символізує як життя, так і смерть [8, с. 249—252].

Діти катаються на Димку, завдяки чому відбувається їхнє залучення до світу дорослих, набуття нових умінь. Швидко подружившись, Юрко з Юзиком обмінюються знаннями. Спілкування зі світом природи дозволяє персонажам забути про жорстокий світ реальності, у якому вони перебувають. Проте влада смерті невблаганна. Вона забирає Димка в кульмінаційний момент повісті, коли люди зчиняють самосуд над колаборантом Ігоном Пугачем. Постріли колишнього старости влучають у лейтенанта Максима, але також і в Димка – це рятує життя дітям, які скачуть у поле, адже хочуть першими впіймати втікача. Їхні активні дії теж свідчать про реалізацію архетипу Божественної Дитини, здатність приймати рішення в непростій ситуації. І так само, як у випадку з вовком, унаслідок смертельної небезпеки гине тварина і тим самим немов відводить смерть від людей.

Сцени вмирання коня викликають сильні емоції в читача: «Димок уже не іржав. Спробував раз і вдруге звестись, проте не зміг, і тепер із його очей стікало по сльозі» [3, с. 264]. Проте в контексті архетипного аналізу це врятування є закономірним, адже Божественна Дитина, на перший погляд безпорадна й віддана на поталу ворогам, виявляється наділеною силами, які значно перевищують людську міру [3, с. 221]. Дитина нездоланна, пише Юнг, «вона – найсильніше і найнеуникненніше поривання істоти, а саме – поривання до самореалізації. ...Поштовх і примус до самореалізації – це природна закономірність, а тому їм властива нездоланна сила, навіть якщо й початок їхньої дії спершу й видається непривабливим і неймовірним» [9, с. 222].

Як відомо, у Юнга тлумачення архетипу пов'язане з процесами становлення особистості. Дитина – беззахисна й чиста душею, потребує допомоги дорослих, однак поступово здобуває силу й стає самостійною. Це відповідає становленню людської Самості в перебігу індивідуалізації. Нездоланною для негативних впливів дитину робить саме її моральна цілісність. Можемо порівняти образи дітей і чоловіків у повісті «Подорожні». Дорослі в більшості випадків постають перед нами такими, що втратили ціннісні орієнтири (мародер Мамчур, психічно неврівноважений лейтенант Максим, дядько Федір, який пересидів усю війну в тилу, колаборант Ігон Пугач), натомість Юрко, Юзик та Ніна зображені

відповідальними та безкомпромісними до зла. Саме вірність своїй природі, уміння зберігати самість роблять людину невідкладною негативним впливом та дозволяють розкриватися їхній натурі.

Протилежними прикладами, які лише підсилюють яскравість реалізації архетипу Дитини в образах Юри, Юзика й Ніни, є молодший син із Другої новели про материнську любов (ставши зрадником, він накладає на себе руки, адже голос матері є водночас і голосом його власної совісті), а також Лесик із Третьої новели (можливо, неусвідомлена жорстокість дитини призводить до трагедії – загибелі жінки, що мала до хлопчика справді материнські почуття).

Натомість головні персонажі повісті, які на початку справляють враження ображених і розгублених, таких, що потребують захисту, протягом розвитку дії стають усе більш упевненими й сильними, виявляючи риси Божественної Дитини. Фінал повісті відповідно звучить оптимістично. Відтворюючи оптимізм Юрка, автор показує переконаність у близькості перемоги, бадьорий настрій, надію на швидке звільнення та повернення воїнів із фронту: «...Хіба ж можна журитись, коли ген стільки нашого війська, а там же, мабуть, їхній батько йде, а там же, мабуть, і Нінин батько! Ходімо ж, мамо, швидше, ходімо!..» [3, с. 268].

У цьому полягає відмінність повісті «Подорожні» від ще одного знакового твору на тему «дитина і війна» – повісті Гр. Тютюнника «Климко» (1976). Ці два твори мають спільну рису – зображення подорожі небезпечним простором. Климко мандрує з Донбасу до Артемівська по сіль. Йому вдається виконати свою місію. На шляху хлопчиків зустрічаються переважно добрі люди, які допомагають, однак фінал цієї повісті є трагічним: персонаж випадково потрапляє під кулеметну чергу та гине. Як зазначає дослідниця О. Головій, метою Гр. Тютюнника було вплинути на читача: вразити, схвилювати, змусити задуматися про абсурдність війни, про випадковість смерті, про ціну життя, особливо життя дитини. Місце бойових дій, всю територію, охоплену воєнними баталіями, учена вважає своєрідним «простором смерті», де «стає непевною межа між буттям і небуттям, де життя не цінується, а смерть вже не видається неймовірною: завдяки масовості стає буденною і тривіалізується» [1, с. 332]. На нашу думку, така відмінність подібних за темою та реалістичними принципами зображення творів полягає, з одного боку, у тому, що події в повісті Є. Гуцала відбуваються пізніше, коли війна вже добігає свого завершення; з другого – на відміну від Гр. Тютюнника, цьому авторові більш властивий оптимізм і світлий погляд на життя.

Можна погодитися з О. Кумковою в тому, що в прозовому доробку Є. Гуцала значну роль відіграють персонажі різної вікової стратифікації: образи, що належать дитинству, зрілості й старості. Три фази віку людини мають у творчості прозаїка важливу філософську інтерпретацію. Однак саме образ дитинства є своєюрідною «точкою відліку», «візитною карткою» письменників-шістдесятників

[6, с. 55], тож і для Є. Гуцала зображення дітей-«підранків» є позитивним полюсом художньої картини світу.

Аналіз дитячих образів дозволяє говорити про схильність письменника до дегероїзації дійсності, її деміфологізації, ліризації, що полягає у превалюванні «звичайної людини» над винятковими героїчними постатями. Діти переймають досвід (навіть такий страшний, як поховання померлих, безпосереднє зіткнення зі смертю) від старших, однак ніде в повісті «Подорожні» не лунають офіційні фрази, пов'язані з формування певної ідеологічної позиції. Головними цінностями, носіями яких стають діти, є любов до рідної землі, повага до роду, чесність і відвага. Ці ідеалістичні погляди формують певний духовний потенціал, який актуалізується щоразу, коли настає відповідальний момент. Згідно концепції К. Г. Юнга, саме такий набір якостей є запорукою нормального психологічного розвитку людини та успішної індивідуальності.

Архетип Божественної Дитини в повісті «Подорожні» уособлюється образами Юрка, Ніни та Юзика і поєднує, згідно Юнга, протилежні на перший погляд риси: перебування в тяжкій і конфліктній ситуації (зустрічі з німцями, мародерами, агресивним лейтенантом, утікачем Ігоном) та особливі сили й уміння, які дозволяють вийти з неї з перемогою. Діти в повісті Є. Гуцала вже майже не потребують материнського захисту, поводитися мужньо, що свідчить про їхнє стрімке дорослішання та готовність до подальшого життя. Подолання власних страхів, породжених несвідомим, допомагає щасливо завершити подорож та встановити внутрішню гармонію в деформованому війною світі.

Отже, дослідження образів дітей повісті «Подорожні» Є. Гуцала є перспективним для сучасного літературознавства, адже воно уможливило ґрунтовне осягнення прози митця.

Список літератури:

1. Головій О. М. Дитина у воєнних умовах на сторінках української літератури (оповідання І. Багряного «Пацан» та повість Гр. Тютюнника «Климко»)//Актуальні проблеми слов'янської філології: міжвуз. зб. наук. ст./відп. ред. В. А. Зарва. – Бердянськ: БДПУ, 2009. Вип. 21. С. 321—333.
2. Громик Л. І. Повісті Євгена Гуцала: морально-етична проблематика і поетика: автореф. дис ... канд. філол. наук: 10.01.01. Чернівці: Б.в., 2011. 20 с.
3. Гуцало Є. Запах кропу: оповідання, повість. Київ: Рад. письменник, 1969. 268 с.
4. Захарчук І. В. Війна і слово (Мілітарна парадигма літератури соціалістичного реалізму): монографія. Луцьк: ПВД «Твердиня», 2008. 406 с.
5. Захарчук І. В. Мілітарна парадигма літератури соціального реалізму (еволюція, функції, аберації): автореф. дис ... д-ра філол. наук: 10.01.01. Київ: Б. в., 2010. 32 с.
6. Кумкова О. Г. Творчість Євгена Гуцала в контексті українського прозового шістдесятництва: проблема характеру літературного

персонажа/Культура народов Причерноморья. 2014. № 274. С. 53—56.

7. Шейнина Е. Я. Энциклопедия символов. Москва: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: ООО «Торсинг», 2003. 591 с.

8. Энциклопедия символов, знаков, эмблем/сост. В. Андреева и др. М.: Локид; Миф, 2001. 576 с.

9. Юнг К. Г. Щодо психології архетипу дитини/Юнг К. Г. Архетипи і колективне несвідоме. З німецької переклала Катерина Котюк. Науковий редактор українського видання Олег Фешовець. 2-ге опрац. вид. Львів: Видавництво «Астролябія», 2018. С. 196—236.

Vishnitskaya Y.S.

*teacher of the department of foreign languages,
Zaporizhzhia State Medical University*

STRUCTURAL TYPES OF COLORONYMES IN DAN BROWN'S NOVELS «THE DA VINCI CODE», «ANGELS AND DEMONS», «THE LOST SYMBOL»

Вишницкая Яна Станиславовна

*преподаватель кафедры иностранных языков,
Запорожский государственный медицинский университет*

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ КОЛОРОНИМОВ В РОМАНАХ ДЭНА БРАУНА «КОД ДА ВИНЧИ», «АНГЕЛЫ И ДЕМОНЫ», «УТРАЧЕННЫЙ СИМВОЛ»

Summary. Color and coloronyms were studied from different aspects in language, in comparative aspect, in literary texts in order to reveal the author's intention and features of his style. The article deals with the structural types and derivation models of coloronyms in literary texts of Dan Brown such as «The Da Vinci Code», «Angels and Demons», «The Lost Symbol». We make an attempt to divide all the coloronyms into groups and to determine the most common types in these literary texts.

Аннотация. Цвет и колоронимы изучались и продолжают рассматриваться с различных позиций, в различных аспектах, в разных культурах, исследовались они и в художественных произведениях, чтобы выявить особенности идиостилия писателя. В статье рассматриваются структурные типы и деривационные модели колоронимов в романах Дэна Брауна «Код да Винчи», «Ангелы и Демоны», «Утраченный символ». Предпринята попытка классифицировать колоронимы в зависимости от их структуры, выявить деривационные модели и определить наиболее часто встречающиеся типы в данных художественных текстах.

Key words: coloronym, structure, noun, adjective, verb, literary text.

Ключевые слова: колороним, структура, существительное, прилагательное, глагол, художественный текст.

Colors are present in our everyday life, we can know and understand some new information due to the colors which surround us. We also know that colors are actively used in advertising and psychology. As we know color can affect on us by its characteristics and may change our mood, feelings and frame of mind.

Color has been studied from different positions, there are such approaches for studying colors: psychological, linguistic and cultural, gender and anthropological approaches that is why we may observe an active interest of linguists and other scientists to this group of words. There was studied a psychological influence of the color [3], the place of color in history of nation, different nationalities [4]. Each color has its own symbolic meaning, also this meaning may be opposite for different nations and cultures.

Color has always been of great importance in our life, colors are the object of study in nonlinguistic disciplines too. In modern language the new coloronyms appear and move to active vocabulary that is why we can observe an active interest of linguists to them.

Dan Brown is the one of the popular and successful author in modern world. The researchers of

his person and his novels also found that Dan Brown had created a new form of modern novel [1, 2]. It is important fact that there are many critics of Dan Brown himself and his novels, as well as followers and supporters.

The aim of this article – to look through the structural types of coloronyms in English literary texts in Dan Brown's novels «The Da Vinci Code», «Angels and Demons», «The Lost Symbol» and determine the derivation models of coloronyms in these novels.

The author of the article «Derivation models of professionally marked units with coloronyms in Russian, English and German» (2011) D. N. Polyakova distinguishes three main groups of coloronyms: one-component, two-component and multicomponent professionally marked units [5].

There are 4 subgroups among one-component units:

1) verbal nouns (gerund in English) – *whitening, whiting* – from *to white*; *browning, darkening* from *to brown, to darken* – to make dark, to make darker;

2) nouns, formed from adjectives – *brightness* from *bright*; *greyness* from *grey*;

3) substantivized adjectives (or nouns – proper names (nouns), common names formed from

adjectives): *the Whites, White Guards* – representatives of the counter-revolutionary movement;

4) verbs formed from adjectives-color names, *to blacken* – to make black; *to blue* – to make textile blue.

The next groups are two-component professionally-marked units. There are such models among them:

1) units that are created by word formation, as well as word-hybrids – *Blackearth, Blacksoil, black humus earth*. In English, there is also a group of compound nouns based on phrasal verbs (*black-out* from *to blackout* – eclipse, conspiracy, concealment of information, temporary absence of electric lighting, temporary blindness, loss of memory, etc.);

2) coloronym-adjective + noun – *white oil, technical white oil, industrial white oil*);

3) adjective / noun + coloronym-(noun) – *black copper ore*;

And the last type are multicomponent professionally-marked units with 4 subgroups:

1) qualitative adjective + adjective-coloronym + noun: the names of organizations: (англ. *International Red Cross*); in terms: (англ. *absolutely black body, black body radiator, ideal black body*);

2) word-combination: (coloronym + noun) + noun: (англ. *black-box testing, white-box testing, white coat effect*);

3) two adjectives-coloronymes, or such word-combination + noun: (англ. *black-and-white display*) англ. *Black and white* – 1. policeman; 2. police patrol car;

4) phrasal verb, idiomatic verb phrase: (англ. *to give smb. a green light, to get a green wave*) [5].

We studied the one-component coloronymes in Dan Brown's novels and they are:

1. nouns formed from the adjectives:

It was plain, made of dark wool, accentuating the whiteness of his skin and hair (The Da Vinci Code, p.31);

As Langdon sat alone, absently gazing into the darkness, the silence of his home was shattered again, this time by the ring of his fax machine (Angels and demons, p.75);

In the blackness of each cell (Angels and demons, p.222);

Suddenly the steel door hissed and slammed shut behind her, plunging her into total blackness (The Lost Symbol, p. 134);

2. verbs, formed from the adjectives-color names:

His eyes were drown, and stubble had begun to darken his cheeks (Angels and demons, p. 343);

1. The next group is two-component professionally-marked units. There are such types in Dan Brown's novels:

1) units that are created by word formation, as well as word-hybrids:

The skull was hollow, like a bowl, filled with bloodred wine (The Lost Symbol, p.3);

His once-dark hair was turning silver, and his famous visage reflected a lifetime of power and a vigorous intellect (The Lost Symbol, p.4);

There is only one type of these lexemes.

Multicomponent professionally-marked units are:

1) qualitative adjective + adjective-coloronym + noun:

2. *Red Cross, black market, black magic, white magic, white zone* (Angels and Demons);

red service, red zone (The Da Vinci Code);

white noise, black market, black magic (The Lost Symbol);

2) word-combinations: (coloronym + noun) + noun: not found;

3) two adjectives-coloronymes, or such word-combination + noun: *black-and-white images* (Angels and Demons);

3. *black-and-white marble tile, black-and-white interior shot, black-and-white tile, black-and-white floor* (The Lost Symbol);

4) phrasal verb, idiomatic verb phrase: not found.

At first, we will consider the classification of parts of speech of coloronymes in Dan Brown's novels:

1. Two-component word-combinations (Adj+N):

The Da Vinci Code: *white hair, blue uniform, dark eyes, black onyx, red light, purple amethyst, red dot, crimson robes, black Audi, green eyes, blue eyes, red hair, black clothes, dark island, black light, crimson aura, purple text, black tunics, red zone, red carpet, grey stone, blue button, black mask, white cylinder, crimson silk, crimson ink, dark corridor*;

Angels and Demons: *brown hair, red light, black eyes, black Peugeot, white handkerchief, gray eyes, black hair, dark skin, white lab, white smocks, black velvet, dark hair, green eyes, black robe, white clouds, blue screen, dark figure, black chronograph, white beard, red cross, blue light, white marble, gray hair, red beard, dark fingers, black shadow, white noise, crimson cell, black van, black sky, crimson haze, dark color, white light, white flesh, black parachute, golden light, white smoke, blue jeans*;

The Lost Symbol: *white gloves, crimson wine, green granite, black marble, gray eyes, dark suit, dark ritual, white Volvo, black complexion, black hair, red hair, blue blazer, black eyes, blue eyes, white scar, black tea, black holes, black market, pale flesh, black passageway, orange pylons, black camouflage, orange flame, black limousine, dark hole, black paint, black bird, red liquid, black velvet, crimson liquid, black cassock, black shadow, crimson tincture, black Escalade, crimson splashes, white sedan, inky blackness, white ceiling, blond hair, white smoke, dark slacks, white obelisk*.

2. Noun (subject), a verb as a predicate and an adjective-coloronym (N+V+Adj):

The Da Vinci Code: *irises were pink, masks were white, masks were black, the earth was still black, Sophie's eyes were deep green, mouth was snow-white, world slowly went black*;

Angels and Demons: *the corridor turned pitched black, her wrists now purple, his face was white with fear, Kohler and Langdon were white, the craft was white, everything around him was white, Chinita was black, the lights were deep red, the alley was pinched and dark, the flesh was seared black, the smoke was black, the Secret Archives were black, his knuckles would have been white, the room was golden, everything went black, his eyes burned black, the end*

of the object was white hot, the lower half of his body was crimson-black, the tiny windows seemed black, the metal still glowed red, she went white, their faces were white;

The Lost Symbol: *his once-dark hair was turning silver, face was pale, plate encrusted with green, corridor was pitch-black, night was dark, everything looked dark, her eyes were red, black Escalade with dark windows roared across the double yellow, his eyes were opaque and white, everything went black, wrinkle was the bloody, the screen faded to black, knuckles turned white, screen suddenly flash to black, the liquid turned a deeper crimson, her eyes flashed black, the key was black iron.*

3. singular noun or noun + noun with adverb and sometimes with adjective:

The Da Vinci Code: *whiteness of his skin, glint of gold, sea of green, blackness;*

Angels and Demons: *blackness, grayness;*

The Lost Symbol: *blackness, sea of green.*

Noun "whiteness" is a very frequent in Dan Brown's texts, especially in the novel «The Da Vinci Code», because it uses to describe the appearance of one of the negative characters.

The Lost Symbol: *white-robed figure, gray-eyed master, gray-eyed man, darkened alcove, dark-haired man, blond-haired gentleman, blackened mixture, black-clad figures, red-haired boy, white washed houses).*

Yu. Ivanova's coloronyms' classification [6] depends on the structural type, and in this case we may consider all the coloronyms of Dan Brown's novels as a complex coloronyms. We distinguish such structural types of complex coloronyms:

1) Complex-derived units. The first component is a simple color adjective, the second component is adjectival participle with – ed suffix and the meaning of the part of described object:

blue-robed Virgin Mary, Langdon sat white-knuckled, blue-clad baggage, ruby-faced Sir Leigh Teabing, the dark-haired man, white-clad knight, green-eyed woman (The Da Vinci Code);

white-haired man, with gray-suited man, gray-toothed smile, red-tiled rooftops, dark-skinned man, doe-eyed brunette (Angels and Demons);

white-robed figure, gray-eyed master, gray-eyed man, dark-haired man, the blond-haired gentleman, dark-haired woman, black-clad men, two black-clad figures, the bloody black-clad heap, a small red-haired boy (The Lost Symbol);

2) Complex-derived units of comparative nature with the second component – coloured:

4. *honey-coloured stone, cream-coloured Irish sweater, rose-coloured horse*

(The Da Vinci Code);

pearl-colored interior finishes, cream-colored Siena marble, eerie-colored lighting (The Lost Symbol);

3) Complex-derived units with the second component – adjective, which describes the subject according to the similarity with other objects:

flat-white light, olive-green eyes, strawberry blond hair, ghost-white fist, alabaster-white flesh,

blood-red slashes, snow-white mouth, olive-green (The Da Vinci Code);

jet-black eyes, pitch-black, chocolate-brown, apple-red Algerian marble, ink-blue Aegean sea, powder-blue triangular pediment, blood-red wine (The Lost Symbol);

4) Compound adjectives, which are represented by two basic units of simple units like *red-brown, scarlet-red, blue-grey*, which convey a permanent color feature or situational feature:

grey-green (The Da Vinci Code);

crimson-black (Angels and Demons);

once-dark hair, purple red (The Lost Symbol);

5) Attributive structures with the second component – the main adjective of color and the first component – the concretizer, more often from the point of view of color intensity (pale pink):

5. *dark red pupils, warm ochre marble, bright purple, pale yellow parchment, deep purple, deep green, muted crimson lighting, bright crimson robe* (The Da Vinci Code);

deep sable eyes, dark blue military uniform, the lights were deep red, red-hot stare, red-hot brand, bright red beret (Angels and Demons);

dark black smoke, luminescent green, dull red glow, deeper crimson nearly black, deep crimson, red-hot sparks, white-hot light, pure white, dark crimson liquid, purest white dove (The Lost Symbol).

Thus, analyzing the three most famous novels of Dan Brown, we can make a following conclusion: first, the author uses mostly the same color names throughout the three novels, this confirms the researchers' assumptions about a certain scheme invented by the author to write his novels. The most frequent color names are *black, white, dark, red*, and their derivatives, which create the special mysterious atmosphere, the coloronyms in his novels are simple, understandable for every reader and very often the author uses comparative inversions or metaphors that denote these colors: *blackness, blackened, black as death, black like oil, ebony eyes, jet-black, whiteness, white like angel, pure, alabaster white, snow white, ghostly white, white, like heaven, darkened, reddish, crimson, blood-red, red-hot*. We found certain structural types and derivation models with these coloronyms and the coloronyms of Dan Brown's novels are simple in structure and stylistic, one of the components is an adjective with the meaning of color and the other is noun.

It can be noted that coloronyms in Dan Brown's novels are most often used to describe the appearance of the main characters, as well as clothing, some color names are used to describe the environment, interior, buildings, atmosphere, and the least number of color names are words which belong to the category of household items, food, as well as objects of wildlife (animals, plants). All these coloronyms have their function in novels; they are repeated from one novel to other. Undoubtedly, Dan Brown is a good psychologist and he understands which colors he should use in his texts.

Our future researches are aimed at studying stylistic and pragmatic features of coloronyms of Dan Brown's novels.

Список литературы:

1. Балод А. Дэн Браун и роман будущего. Сетевая словесность. Критика и анализ текста. 2 ноября 2005. URL: <http://www.netslova.ru/balod/db.html>
2. Балод А. Дэн Браун и философский камень. URL: <http://www.abc-people.com/data/browndan/androgen.htm>
3. Базыма Б. А. Психология цвета: Теория и практика. Москва: Речь, 2005. 208 с.
4. Berlin V., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1969. 171 p.
5. Полякова Д. Н. Деривационные модели профессионально маркированных единиц с колоронимами в русском, английском и немецком языках: *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*. 2011. № 24 (239). Вып. 57. С. 158–160.

6. Иванова Ю. В. Цветообозначения в структуре поэтического текста и подходы к их исследованию. Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Языкознание и литературоведение. 2007. С. 1-7.

7. Вишницька Я. С. Структурно-семантичні, стилістичні та прагматичні особливості кольоронімів у романі Дена Брауна «Код да Вінчі». Нова філологія. Збірник наукових праць. Запоріжжя, 2014. № 60. С. 123-128.

8. Вишницька Я. С. Характеристика кольоронімів у творчості Дена Брауна (на прикладі романів «Код да Вінчі», «Втрачений символ», «Янголи та демони»). Вісник Запорізького національного університету. Філологічні науки. Запоріжжя, 2015. №2. С.187-192.

Kalashnykova M. Yu.

*teacher of the department of foreign languages,
Zaporizhzhia State Medical University*

VERBALIZATION OF THE ONLINE SOCIAL PROCESSES IN THE MODERN ENGLISH LANGUAGE

Summary. The development of social network services became one of the reasons for a new reality formation, which is called virtual reality – VR. The present research is concentrated on the study of the active neology processes based on the online social activity verbalization that are detected in the modern English language. This phenomenon is the evidence of the language supersystem reaction to the out-of-the-ordinary changes that take place in all fields of human activity caused by the new technologies. The article is concentrated on how the new ways and methods of new lexemes formation make the way to refinement on the basis of the study and analysis of the vocabulary proliferation. Important processes of self-regulation and self-organization of the language system are energized with the help of external stimulators that are of value for the modern studies of the English language.

Key words: concept, neologism, culture, society, virtual reality.

In the modern world, the importance of social relations is growing in a sustained way as all social, economic, scientific contacts and even personal relations go through a metamorphosis that human history has never seen before. The effect of the Internet becomes more and more forceful because of the huge mass of information that sometimes causes unpredictable consequences in terms of the global culture.

The urgency of the study is based on global changes that are caused by humanity online activity and the influence on the vocabulary of the modern English language.

The purpose of the present article is to detect and to present specific features of neologisms that reflect the peculiarities of online social processes within the English-speaking community.

The present study aims to analyze the new vocabulary that appears as a result of online social processes in order to determine the main fields of influence on the modern English language.

The subject is based on characteristic aspects of the innovative verbalization of online social processes in the English language. **The object** of the study is the number of neologisms that are used to describe new culture-specific elements of the Internet social

processes in the course of the last twenty years.

Special attention to the problem of the development of the neology processes is presented in the works of Zatsnyi Yu. A., Vorobiova M. V., Hatsalova L. B., Shutova M. O. Social processes are analyzed on the basis of researches presented by Talcott Parsons, Fylymonov G. Yu., Tsaturian S. A.

According to the data presented by the United States Department of Commerce over the last thirty years the number of radio audience was up to 50 million, the television audience reached the same number in thirteen years and the Internet community made a breakthrough with the same number of users just in four years [6, c. 16].

Today there is an opinion that the Internet has created a unique ecosystem and this phenomenon was received the name *information ecology*. The definition of this notion is the following: “system of people, specialized processes, values, and corresponding technologies” [8, c. 13]. Important processes of self-regulation and self-organization are energized with the help of external stimulators that are of value for the modern studies of any language. It is not surprising that neology has been drawing scientific attention several years and its pace of development is so dynamic, just as its object of study – about 10 000 new words appear

every day [3, c. 15].

Modern scientists state that one of the most productive ways of vocabulary update is the formation of the new notions, in particular, Zatsnyi Yu. A. underlines that “definition of neologisms as the words or word combinations that are produced to describe new (previously unknown) objects or to express new notions is insufficient, as such definition does not comprise all kinds of innovations” [3, c. 25].

In the present study neologisms are defined as the words or word combinations, which appeared in the language during a definite period of time or that were used only one time in a specific text or speech act [4, c. 17]. The “neologism” notion is understood to mean a word or word combination fixed in a memory and used by a definite generation and works as an external process reflection in a language. The actuality of this process lies in the new words maintenance as only important culture-specific elements find their stable place in the body of any language vocabulary. It is also important to underline that the “neologism” notion comprises not only literature innovations but also those vocabulary units that have appeared for special purposes in the nonliterature systems.

Formation of the new vocabulary units is predetermined by various factors and L. Gilber points up the next factors presented by different scientists:

1. denominative (the necessity to mark a new object);
2. stylistic (the necessity for language expressive means);
3. pressure of the language system (formation of potentially possible words on the basis of the existing models) [2, c. 108].

In the contemporary language, neologisms appear on the ground of different principles, and as states Koltsova E. A., the dominating position is given to the principles of linguistic economy appearing as the result of the modern life rhythm, the intensive temp of which allows feeling of constant lack of time [5, c. 605].

Today linguists underline the fact that one of the most productive ways of the vocabulary proliferation is a formation of the new notions and in this context study of the users’ online activity gives a chance to detect the role of social networks in the context of the influence on the vocabulary of the modern English language.

Social relations are predetermined by the collectivity form of human life, strong dependence on other people in various fields of activity. Social connection, or interaction, can be defined as human actions that take into account the abilities of other people [7, c. 72].

In the course of study of the online interaction influence on the English language, it was resolved to use the social system structure proposed by Talcott Parsons. According to the sociologist’s ideas presented in his works, the social system can be defined as a form of social connections that are created by conditions and processes of social intercommunications between interacting individuals [7, c. 73]. This type of system comprises four basic types of independent components:

- **values** – visions of the perfect type of social system of every individual;
- **norms** – certain ways (rules) of actions in

different situations in particular situations;

- **collectives** – groups of people conducting realization of common goal on the basis of values and norms;

- **roles** – programs of agreed behavior of people [7, c. 74].

The popularity of the Internet in connection with human activity has provoked a specific and brand-new range of neologisms describing the user: *cyber-citizen*, *cyber-surfer*, *e-surfer*, *intemaut*, *internet jockey*, *nethead*, *netizen*, *netsurfer*. Cyberspace presents numerous opportunities for the users and people who have received highly professional skills of work inside the boundaries online space today can be called *online-savvies*. Also, virtual reality can include both entertainment and educational purposes, and today we can speak about a great many people who were “raised” in terms of VR, due to this neologism *digital native* has appeared in the vocabulary of the English language.

Extreme enthusiasm connected with the information-seeking around the Internet caused appearance of the two synonyms – *Internetholic* and *netaholic*, and in both cases suffix *-holic* played a major role in the word-formation. There is a type of unhealthy behavior in terms of cyber reality – *cybernating*, and today a person who is seeking divorce from the usual reality can be called *cybernaut*.

The category of the **value** orientation in the modern world against the background of Internet popularity has experienced meaningful changes and it has obtained consumer and hedonistic orientation. Internet users can demonstrate their attitude with the help of a simple action – by clicking buttons *like* or *unlike*.

Nonverbal communication, which includes such elements as *emoticons*, *emoji GIF*, *smiley*, photo and video contacts, plays a significantly important role as virtual verbal communication does, and this fact predetermines massive attention to the appearance of a person and pampered lifestyle making these parameters the integral part of social values. Neologism *virtual vanity* is a case in point as it demonstrates the dissatisfaction of the Internet user with his or her appearance or background on the photo published on social networking websites, and neologism *idolaria* means a new kind of egomania around the Internet. The word combination *ego surfer* is considered to be a sort of synonym to the previous notion as in this way is called any person who is maniacally *googling* information about his or her personality.

Presentation of luxurious life holds a valuable place among modern social values and one of the most popular demonstrations “tools” is the social network Instagram that helps to present clothes, accessories, food, and this kind of social activity received the name – *Gloatgram* (*gloat+Instagram*). At the same time, *geobragging* notion means the important part of life demonstration, namely the user’s *status update* for demonstration of geographical location.

The new notions that help to demonstrate the opposite characteristics of a human in the virtual world are *eye broccoli* and *eye candy*. The first one draws an analogy between healthy but not so delicious vegetable

and the appearance of an unattractive person, and the other one lays stress on the user's attractiveness.

Among the *norms* predetermining social behavior in the online world one of the most essential roles is given to the standardized social behavior, which includes *role functions* and *stereotypes* in social groups. The new notion *drought shaming* is an expression of social disapproval and condemnation resulted from environmental matters such as the national application of water and other natural resources. The element *shaming* took part in the formation of another new notion – *dog shaming*, that proves that not only human beings can be condemned but also our furry friends.

It is known that the online world is a projection of the real one, as a consequence, it is possible to observe the reflection of social *online norms misconduct* in the vocabulary of the modern English language. Word-formative element *cyber-* took part in the formation of the notions connected with violation of the law and *cyber-crime*, *cyberterrorism*, *cyber break-in*. Neologism *cyberterrorism* serves as evidence that norms violation threw into sharp relief in the created system. Both amateurs and professionals conduct attacks on users' personal computers, so this kind of crime functioning was named *cyber break-in*, and the lawful response to this activity was the formation of *cybersecurity* and *neurosecurity*. The vocabulary of the modern English language demonstrates the response to this problem with the range of the new terms created on the basis of the element *hacker*: *back-hacking*, *beehacker*, *biohacker*, *chef hacking officer*, *cracker*, *hack*, *hacker watch*, *hacker-proof*,

Concerning the situation, there was a successful attempt to introduce a new kind of legal control of information spread and usage through the computer networks, namely specialized *cyberpolice* program controlling *cyberactivity* and detecting the illegal activity of *cybercriminals* or *cybercrooks*. The head in such departments is called *cybersecurity czar*, and specialists conducting functions of detectives, computer specialists, and even psychologists are captured by the new notion *cyberprofilers*.

Today tolerance and morality issues are among the burning problems around the Internet, as evidenced by the neologism *cybersleaze* that means propaganda of violence, aggression, and pornography materials spread, and that resulted in ethics response – *cyberethics*.

New trends that appear within the territory of social networks play an important role in the formation of the norm category, and this process is brought into action with the help of *content* spread, which includes such notions as *newsfeed*, *timeline*, *notification*, *post*, *tag (#)*, *wall*. In this context, the name of the social network Twitter helped in the formation of the new notion *to tweet* – to share online publications in the user's profile, and the notion *twittion* (*Tweeter+petition*).

Formation of social norms is influenced by mass media, and in the context of the online world public awareness is supported by publications created both by professionals and common users that form a part of Newline. At the outset of this phenomenon, such web-pages were called as *weblogs*, but later it was

transformed into better-known *blogs*. The formative element *blog-* took part in the formation of a number of new notions: *blogger*, *blogging business*, *blogging*, *blogmaster*, *blogroll*.

This new format successfully holds users' attention due to laconism and informativity and it is to be noted that the amount of these specific media products is the evidence of the new informational sphere – *blogsphere*, in these circumstances users' mass gathering today is known as *blogswarm* (*blog + swarm*). *The influence of the online world processes is so strong that even modern literature is experiencing this powerful impact. The new notion blog book describes an Internet book that consists of many Internet publications.*

The new form of Internet social communication is quite popular among celebrities, so publications created by famous figures today are called blogebrities and these blogs are referred to as celebblogs. Neologism blogger represents users creating such kind of posts and this new notion took part in the formation of the new norm of behavior – blogstitute (blog + prostitute).

Special attention is to be given to the Internet publications that have a strong impact on the population to create specific norms. In this context neologism blogsploitation (blog + exploitation) demonstrates a shell game of political forces in terms of Internet journals and politicians taking into consideration social online processes are called poliblogger (politician + blogger). Concentration of users on disinformation issues by means of the Internet received the name blogspiracy (blog + log) + conspiracy) and influential blogs that are supported by big corporations and are posted under the name of a definite single person are known as flog (fake + blog).

Another type of *blogging* in the format of video publications, namely *vlog*, has gained huge popularity around the Internet and today it includes a diverse range of subgenres: *beauty blog/vlog*, *cover blog/vlog*, *emigrant/travel blog/vlog*, *fitness/sport blog/vlog*, *(friends/me) listen to foreign music/try foreign food*, *hating*, *lifestyle*, *poop blog/vlog / virus video*, *prank*, *reality show*, *sketch show*, *stream*, *tag*, *top*, *unboxing*, *webseries*.

As the present study is concentrated on the arising norms, it is important to mention the impact of the online processes on the status of the modern English language. Combination of the words *web* and *English* provoked the appearance of the neologism *Weblish* – the language that is used during different kinds of communication provided by modern technologies. The neologism *Internet slang* has a range of synonyms: *chatspeak*, *cyber-slang*, *Internet language*, *Internet shorthand*, *netspeak*, *webspeak*, and it should be mentioned that this new notion took its rightful place in the online world as a part of the modern language norm.

The introduction of strenuous supporters of traditional norms in the language was marked with the notion *Grammar Nazi*, in these circumstances users taking this *role* can be marked with the synonymous notion *Guerrilla proofreaders*.

Formation of *collectives* around the Internet – groups of people characterized by the realization of common goals based on *values* and *norms*, becomes

possible in the first instance due to social networks. The word community helped to produce new synonymic notions: *internet community*, *online community*, *virtual community*, *web community*. This way of interaction helps many people to find like-minded fellows (*virtual friends*) and to keep terms just in the online world. The synonym to the abovementioned kind of communication is *family of invisible friends*.

These **collectives** communicate through *on-line chats* (*chat forums*, *chat rooms*, *chat sessions*, *live chats*), *on-line forums*, *social networks*. Also, users become a part of on-line communities by means of *blogs*, *on-line video games*, *streams*.

An example of online community is the online platform Facebook. In this context, the word *Facebook* worked as a creative element and helped to form the range of neologisms: *Facebook community*, *Facebook effect*, *Facebook mommy*, *Facebook stalking*.

Various tools for the formation and interacting processes in terms of online collectives are presented by different social networks and include such notions: *block/ban*, *direct message/DM*, *follow*, *message*, *profile*, *retweet*, *tweet*, *unfollow*.

One of the essential communication factors in terms of online communities is *posting* materials with special signs – hashtags, which help to sort presented information into categories and optimize Internet searching. Hashtags take an active part in the formation of neologisms, for instance, posts created by loving mothers include such examples: *#mybaby*, *#lovemychildren*, *#childrenmylife*, *#myhappines*, *#goodtimes*.

It must be acknowledged that in the world of Internet people have **social roles** – programs of coordinated behavior. Among the most influential factors that can predetermine role formation are: social, genetic predisposition, cultural, and situational.

Groups of active users with bloated self-importance and insufficient knowledge today are called *pancake people*. In the creation of the synonym to this notion took part the name of the Internet encyclopedia *Wikipedia*, so *wikiot* (*Wiki* + *idiot*) is a person constantly presenting facts from the abovementioned source. Additionally, the modern vocabulary of the English language was developed with another notion with a negative connotation – *noob*, which represents the role of a young and inexperienced user.

The new less abusive term is *nerd*, which is popular both in the virtual and the real world as it describes a pretty smart and unsocialized person. Quite often such users belong to the *textrovert* (*text* + *introvert*) category – people preferring to communicate via text messages.

The problem of psychological pressure in social networks is known today as *trolling*, however, this notion was used in the fishing industry starting from 1600 and it changed its meaning in favor of modern processes. According to other sources, this notion originates to the Scandinavian mythology, so aggressive people fulfilling the role of abuser around the Internet are called *trolls*. The Internet world the hyperbolized role of defenders of the weak, and the evidence is the new notion *Internet White Knight*.

Special attention is to be given to the online romantic relationship. With the help of abbreviation, the new term *pick-up artist* was transformed into *PUA*, and it describes modern professionals in the seduction both female and male users. The adjective *sugar* is a characteristic of a young attractive woman entering into online relations with adult males. The inability to begin a relationship in the real world is often connected with the *Tinderella* syndrome (online application *Tinder* + *Cinderella*). These timely notions quite often stimulate both male and female users to play the role of victim.

Today the online social processes are developing according to the real-world social system structure. The modern English language is experiencing a strong impact caused by the online activity as evidenced by active vocabulary updates. The present study detected the most influential elements *blog-*, *cyber-*, *online-*, *web-*.

According to the present study, the process of the English vocabulary update is conducted with the use of root words (*hacking*, *hacker*), stem composition (*blogswarm*, *cyberprofiler*, *Tinderella*, *twittion*, *#lovemychildren*), existing terms reassessing (*troll*, *shorthand*).

It should be noted that the online social processes go through traditional parameters of the social system structure presented by Talcott Parsons – values, norms, collectives, roles engaging definite components. Online social values include life-purpose aspects and social esteem in a greater degree (*virtual vanity*, *Gloatgram*, *ego surfer*); social norms are concentrated on morals, disturbance and reservation of users' rights (*cyberterrorism*, *dog shaming*, *neurosecurity*); formation of online collectives is predetermined mostly by computer applications and virtual trends (*Facebook mommy*, *online forums*, *social networks*); online social roles depend on overall knowledge and users' intentions (*Internet White Knight*, *nerd*, *pick-up artist*).

The perspectives of the linguistic approach to the research of online processes are promising as the vocabulary of the modern English language is experiencing a huge impact. The study of permanently appearing neologisms helps to underline the most essential social processes requiring special attention.

References:

1. Воробйова М. В. Психолінгвістичні аспекти перекодування вербальних знаків невербальними у процесі актуалізації змісту інтерсеміотичних алюзивних засобів (на матеріалі англійського публіцистичного дискурсу). Нова філологія. Запоріжжя, 2012. № 53. С. 38–41.
2. Гацалова Л. Б. Неология как наука в общей парадигме современного языкознания (на материале русского и осетинского языков) : дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19. / Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова. Нальчик, 2005. 521 с.
3. Зацний Ю. А. Сучасний англійський світ і збагачення словникового складу : навч. посіб. Львів : Паіс, 2007. 228 с.
4. Зацний Ю. А. Англо-русский словарь новых слов и словосочетаний (рубеж столетий).

Запорожье : Запорожский государственный университет, 2000. 200 с.

5. Кольцова Е. А. Семиотика. Семантика. Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Москва, 2017. Т. 8. № 3. С. 604–613.

6. Министерство торговли США сообщает... Мир Internet. 1998. № 6. С. 16–24.

7. Филимонов Г. Ю., Цатурян С. А. Социальные сети как инновационный механизм «мягкого» воздействия и управления массовым

сознанием. «Политика и общество»: сб. научн. трудов. Москва, 2012. С. 65–75.

8. Internet вступает в новую фазу. Мир Internet. 1998. № 5. С. 12–18.

9. Parsons T. Social Science: A Basic National Resource. The Nationalization of the Social Sciences. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1986.

10. Parsons T. The Problem of Controlled Institutional Change: An Essay in Applied Social Science. Psychiatry. Vol. 8. 1945.

Kost S.A.,

Ph.D. in Philology

*Professor, Head of the Department of Ukrainian Press
Ivan Franko National University of Lviv*

Slotiuk T. V.

*Candidate of Sciences in Social Communications,
Associate Professor of Ukrainian Press
Ivan Franko National University of Lviv*

UKRAINIAN ISSUE ON THE PAGES OF THE MAGAZINE «SPRAWY NARODOWOŚCIOWE» (1927–1929)

Кость С. А.

*кандидат філологічних наук, професор,
завідувач кафедри української преси,*

*Львівський національний університет імені Івана Франка
<https://orcid.org/0000-0001-6566-5503>*

Слотюк Т. В.

*кандидат наук із соціальних комунікацій,
доцент кафедри української преси*

*Львівський національний університет імені Івана Франка
<https://orcid.org/0000-0001-8883-4154>*

УКРАЇНСЬКЕ ПИТАННЯ НА СТОРІНКАХ ЖУРНАЛУ «SPRAWY NARODOWOŚCIOWE» (1927–1929 PP.)

Summary. The article clarifies the features of the coverage of Ukrainian issue on the pages of the magazine «Sprawy Narodowościowe» (Warsaw, 1927–1929). According to the author, Ukrainian discourse was very important. This topic was raised by famous figures and publicists (L. Vasilevsky, M. Kovalevsky, M. Felinsky). The editors of the magazine understood the importance of the national issue in Europe and Poland in the interwar period and covered the Ukrainian question impartially, tendentiously, but from the Polish state position.

Анотація. У статті з'ясовано особливості висвітлення українського питання на сторінках журналу «Sprawy Narodowościowe» (Варшава, 1927–1929). На думку автора, український дискурс був дуже важливим. Цю тему порушували відомі діячі і публіцисти (Л. Василевський, М. Ковалевський, М. Фелінський). Редакція журналу розуміла значення національного питання в Європі та Польщі міжвоєнної доби і висвітлювала українське питання безсторонньо, нетенденційно, але з польських державних позицій.

Key words: "Sprawy Narodowościowe", interwar Poland, Ukrainian issue, history of Polish-Ukrainian relations.

Ключові слова: «Sprawy Narodowościowe», міжвоєнна Польща, українське питання, історія польсько-українських взаємин.

Постановка проблеми. Після відновлення державності 11 листопада 1918 року одним із головних завдань, яке стояло перед Польщею, було розв'язання національного питання. І. Г. Дильонгова зазначає: «Національна демократія домінувала з польського боку на мирних переговорах, що велись у Мінську і Ризі. Вона не бажала кордону, що заходив би далеко на схід, бо вважала, що Польща не асимілює тамтешнє населення. Тому відбувся поділ Білорусі та України на польську і радянську частини. Ризький мир

(18 березня 1921 р.) закреслив федеративну ідею Пілсудського» [1, с. 112]. Проте і такий крок не призвів до миру і безконфліктності у національних взаєминах.

Аналіз попередніх досліджень. Г. Дильонгова й інші вчені, що досліджували національне питання у Польщі міжвоєнної доби (Т. Пйотркевіч [12], Н. Девіс [3], З. Запоровський [18], В. Міх [8]) вважають, що питання національних меншин до кінця Другої республіки розв'язане не було. Зрештою, не можна стверджувати, що і держава, і

політичні партії не намагалися запропонувати програму дій, щоб розв'язати національне питання.

У 1921 році група відомих політичних діячів (М. Гандельсман, Т. Голувко, Л. Кшивіцький, Й. Кухажевський, Е. Малішевський, Й. Дрешер, С. Познер, Б. Сроцький, С. Стемковський, А. Суйковський, С. Тугут, В. Вакар) запропонували створити науково-громадську структуру, яка займалась би проблемою національних меншин у Польщі. Ініціатори виходили з того, що розв'язання цієї проблеми потрібно почати з докладного і всебічного вивчення життя націй, які перебувають на території Польщі. Так у 1921 році виник Інститут досліджень національних питань. Упродовж 1921–1924 років діяльність Інституту обмежилась низкою дискусійних вечорів через несприятливі загальнополітичні умови. В 1924–1925 роках у діяльності Інституту була перерва, але на початку 1926 року Інститут роботу відновив. Перед Інститутом поставили такі завдання: 1) збір матеріалів про культурне, економічне, релігійне і політичне життя національних меншин; 2) збір матеріалів, що стосуються умов життя, правної ситуації національних меншин в інших державах і 3) публікація зібраних матеріалів [19, с. 87]. Було створено три секції: 1) питання меншин на міжнародному терені; 2) національні меншини в Польщі (українська комісія перебувала у Варшаві); третя секція мала досліджувати проблеми меншин у сусідніх державах (особливу увагу звертаючи на польські меншини в цих державах). Українська комісія визначила, що предметом її діяльності повинні бути об'єктивні наукові дослідження найважливіших сфер українського життя в Польщі і популяризація новин, що стосуються української меншини, за допомогою діяльності лекційної і видавничої. Щоб уникнути політичних дискусій, комісія не планувала займатися підготовкою політичних рекомендацій для розв'язання українського питання.

Так у січні 1927 року вийшло друком перше число двомісячника «Sprawy Narodowościowe» з підзаголовком «Журнал присвячений дослідженню національного питання». Відповідальним редактором був С. Папроцький. У своїй праці «Польська преса» А. Пачковський [11] про це видання не згадує, очевидно, через те, що «Sprawy Narodowościowe» за своїм типом належать до наукових видань. Проте є сенс досліджувати діяльність журналу якщо не в контексті історії польської преси, то в контексті історії українсько-польських взаємин, дослідження яких незалежно від історичного періоду завжди актуальне, зважаючи на спільність багатьох історичних перипетій. Період функціонування журналу «Sprawy Narodowościowe», який ми досліджуємо (1927–1929), один із найсуперечливіших і найскладніших в історії міжвоєнної Польщі: уже тривала «санация», яку започаткував травневий переворот 1926 року, а на початку 1929 року було створено Організацію українських націоналістів, що ще більше загострило польсько-українські взаємини.

Мету цієї публікації ми вбачаємо в тому, щоб з'ясувати основні напрями висвітлення українського питання упродовж означеного періоду на сторінках журналу «Sprawy Narodowościowe».

Виклад матеріалу. У програмній статті «Від редакції» (№1 за 1927 р.) редакція слушно зазначала, що національний рух був творчою силою під час світової війни; з нього почався розпад старих держав, причетних до поділів Польщі, з нього виросли також і повоєнні державні утворення [10, с. 1]. Редакційна стаття привертає увагу, бо тут, по суті, сформульовано основні концептуальні ідеї ставлення редакції до національного питання: значення національних рухів у виникненні нових держав; необхідність міжнародного врегулювання долі окремих народів; необхідність уваги до долі національних меншин; увага до асиміляційних процесів; увага до двох протилежних тенденцій, що помітні у європейському світі, – відцентрова і доцентрова. Саме тому редакція заявляла, що всі політичні проблеми сучасної Європи (в т.ч. і національне питання) можуть бути справедливо розв'язані лише в одному випадку – коли дослідники будуть їх аналізувати, підштовхувані не власною політичною пристрастю, а насамперед керуватися правдивим ознайомленням із суттю проблеми чи сукупності проблем. Крім цього, редакція заявила про своє прагнення друкувати матеріали безсторонні, не пропонуючи розв'язань, не думаючи про жодну доктрину: «Прагнемо одного: щоб наш журнал міг стати корисним прихильникам усіх наявних у цій сфері таборів. Прагнемо одного: згідно з нашою совістю безсторонньо служити правді» [10, с. 2].

З приводу періоду, упродовж якого ми розглядаємо діяльність журналу. Н. Девіс зазначає: «Травневий переворот струсував Польщею до глибини. Заледве вісім років після здобуття незалежності й звільнення від чужоземного гноблення поляки розпочали збройну боротьбу проти поляків. Польське військо, гордість нації, було роздере наполовину» [3, с. 148]. До влади повернувся Ю. Пілсудський. Так почався період санації (політичного оздоровлення). Економіка стабілізувалася, в культурному житті – вибух літературних і мистецьких талантів, влада не нав'язувала якоїсь конкретної ідеології, політичні репресії не стосувалися усього загалу. Пілсудський був об'єктом поклоніння і великої любові, але режим санації був хворий, як зазначає Н. Девіс [3, с. 150]. З початком світової кризи 1929 року безробіття охопило майже половину працівників промисловості, в суспільстві наростав антисемітизм, загострювалися міжнаціональні взаємини. Це особливо стосувалося українського питання. Українська військова організація продовжувала терористичну діяльність. На початку 1929 року кілька українських політичних організацій, які сповідували націоналістичні погляди (Групи української націоналістичної молоді, Легія українських націоналістів, Союз української націоналістичної молоді), об'єдналися в рамках Організації українських націоналістів.

Двадцять років закінчилися терором з боку ОУН, підпалами польських фільварків, а з боку уряду – жорсткою і безкомпромісною «пацифікацією», що зумовила негативний міжнародний резонанс. А тому треба віддати належне редакції журналу, яка, справді, намагалася безсторонньо аналізувати українське питання на своїх сторінках. Структура кожного числа журналу залишалася майже незмінною: перший відділ – це статті (або огляди), другий – «Хроніка», третій – «З Інституту національних досліджень», четвертий – «Рецензії», п'ятий – «Бібліографія». Статті стосовно українського питання регулярно появлялися в першому розділі, постійним сегментом змісту це питання було в другому розділі, який, власне, завжди відкривався рубрикою «українці» у відділі «Національні меншини в Польщі».

Показовим у цьому відношенні було висвітлення українського питання в 1927 році. У №1 було опубліковано статтю відомого українського діяча часів УНР М. Ковалевського «Російські політичні напрями щодо української проблеми». В рубриці «Українці» (відділ «Національні меншини в Польщі») подано хроніку українського життя: про з'їзд Української партії соціалістів-радикалів, про заснування Товариства українок у Рівному, про з'їзд Товариства «Рідна школа» у Львові, про річне засідання «Просвіти» в Тернополі, Володимирі, Бресті, на Волині. У цій же рубриці редакція вмістила і огляд української преси («Діло», «Свобода»); одна із частин огляду стосується негативної оцінки з'їзду «Русского народного объединения» (колишніх москвофілів). У №2 – продовження статті М. Ковалевського, цікава панорама українського життя в другому відділі. У №3 було вміщено статтю Л. Василевського «Кількість українців у Польщі» і статтю М. Ковалевського «Національна суперечка в Православній церкві у Польщі», у рубриці «Українці» – про українське політичне життя в Сх.Галичині (про УНДО, Сель-Роб), про свято «Лугів», про українську пресу (вихід тижневика «Правда», неофіційного органу Української християнської організації). Цікаве четверте число «Spraw Narodowościowych» – тут були опубліковані статті М. Фелінського «Політична програма Українського національно-демократичного об'єднання» і Л. Василевського «Руський, русинський чи український», у рубриці «Українці» звертають на себе увагу кореспонденції про вибори до місцевого самоврядування і польсько-українсько-єврейський компроміс, про розкол у лавах Української парламентарної репрезентації. У №5–6 опубліковано статтю М. Фелінського «Українське селянсько-робітничє об'єднання (Сель-Роб) і Л. Василевського «У справі національних взаємин на східних кресах», у рубриці «Українці» – огляд партійного життя, загострення українсько-єврейських взаємин через вбивство в жовтні 1926 року С. Петлюри (процес єврея Шльоми Шварцбарда у Парижі).

Замітки, огляди, кореспонденції відділу «Національні меншини у Польщі» – варте уваги джерело для сучасних істориків преси та істориків,

але концептуальне значення мають публікації першого відділу. Це стосується, насамперед, статей Л. Василевського, відомого польського публіциста, діяча Польської соціалістичної партії. У 1918–1919 роках він був міністром закордонних справ, від 1928 року належав до керівництва партії, тобто перебував під ідейним впливом Ю. Пілсудського; належав до тих польських діячів, яких іноді звинувачували в симпатіях до українців.

Л. Василевський цікавився національною проблематикою й раніше. 1901 року в Лондоні вийшла друком його брошура «У спільному ярмі (про національності, які гнобить царат), підписана псевдонімом «Л. Плохоцький» [13]. Л. Василевський писав про русифікаційну політику царату щодо інших народів і про потребу створення єдиної антицарської багатонаціональної сили на чолі з поляками. В одному із розділів брошури йдеться про Україну. Уже тоді Л. Василевський стверджував, що українці – це окремий і від поляків, і від росіян народ. Він писав: «Хочемо боротися разом з українцями аж до відокремлення від Росії, а потім кожен у себе вдома хай влаштує життя згідно із своєю волею [13, с. 24]. Національне питання Л. Василевський порушив і в брошурах «Національності Австро-Угорщини» (1902) [14], «Нарис галицьких взаємин» (1906) [15]. Пишучи про галицьких українців, Л. Василевський зазначав факт існування дивного явища, якого нема серед інших національностей, – це відмова від своєї національності на користь іншої. Л. Василевський мав на увазі москвофілство [13, с. 20]. Ставлення автора до москвофілів було негативним. Під час війни вийшла друком німецькою мовою ще одна брошура Л. Василевського – «Національні і культурні взаємини у так званій Західній Росії», в якій Л. Василевський попереджав європейську громадськість про експансіоністську політику Росії. Саме тому, що Л. Василевський був відомим знавцем національної проблематики, його публікації про українське питання у журналі «Sprawy Narodowościowe» і привертають увагу. Його перша стаття – «Справжня кількість українців у Польщі (№3 за 1927 рік). Це теж був один із складних і суперечливих аспектів польсько-українських взаємин. На думку Л. Василевського, першою підставою для визначення національного обличчя якогось регіону, етнічно неоднорідного, є визначення кількості населення окремих національних груп. Він зазначав, що критика урядової статистики (йдеться про перепис населення 1921 року) слушна, бо результати були тенденційними і на користь поляків, але політики національних меншин теж не мали рації, оскільки значно перебільшували кількість своєї національної меншини. Якщо українські політики вважали, що українців у межах Польщі було 7–8 мільйонів, то Л. Василевський називає число українців, що трохи менше від п'яти мільйонів [16, с. 236]. Відзначимо, що Л. Василевський дуже скрупульозно підходив до аналізу відповідної статистики, щоб не образити національні почуття українців.

У №4 вийшла друком наступна стаття Л. Василевського – «Руський, русинський чи український?». Л. Василевський здавав собі справу з того, що польський уряд ще кілька років тому ухвалив нову назву для Східної Галичини – «Малопольща». Він навів думку одного краківського професора, який доводив, що русини мають повне право називати себе українцями, але це не означає, що інші мають з цим погодитися, а тому він вважав, що нема потреби назви «русин», «руський» замінювати назвами «українець» і «український». Л. Василевський дотримувався іншої думки. Він посилався на те, що українці вже домоглися вживання назв «Україна», «український» на міжнародній арені, що проблема ставлення польського суспільства до українського питання дуже важлива. Л. Василевський констатував, що в польській державі щодо цього питання панує цілковитий розгардіяш: «Наші мовознавці як і раніше вживають вираз «малоросійський», який майже ніде поза їх видавництвами ніхто не вживає», у документах Сейму є назва «руський», а в дужках уточнюють, що то «русинський» і т.д., у документах урядових вживають назви «український», бо назва «руський» зумовила би непорозуміння і т.д. [17, с. 391]. У кінцевому підсумку Л. Василевський захищає назви «Україна», «український», захищає право бути українцями, а не «малоросами» чи «русинами».

Національне питання фігурувало і в статті «У справі національних взаємин на Східних Кресах» (ч. 5–6 за 1927 рік). Про те, якою актуальною була стаття Л. Василевського «Справжня кількість українців у Польщі» свідчить той факт, що найвідоміша у Сх. Галичині українська газета «Діло» відгукнулася великою полемічною публікацією (№ 181–185 за 1927 рік). Л. Василевський не спростував ту кількість українців у Польщі, що її назвав автор «Діла», але він зазначив: «В інтересі об'єктивної правди, як і в добре зрозумілому державному інтересі потрібно, щоб ми докладно здавали собі справу з необхідності реального ставлення до окремих національних груп Речі Посполитої. Ми повинні знати правдиву цифру наших національних меншин, бо лише в такий спосіб зможемо зробити відповідні висновки. Сила держави полягає не в затушковуванню справжнього стану речей, не в підживленні ілюзій. Недооцінка непольської стихії, як і переоцінка польської можуть бути однаково шкідливі» [7, с. 508].

Помітне місце у висвітленні українського питання на сторінках журналу означеного періоду належить М. Фелінському. У № 4 «Spraw Narodowościowych» було надруковано його статтю «Політична програма Українського національно-демократичного об'єднання (УНДО)». М. Фелінський не випадково почав з характеристики політичної програми УНДО, найбільшої і найвпливовішої української політичної партії. Усі українські політичні партії, що утворилися після поразки визвольних змагань на теренах Східної Галичини, неминуче повинні

були з'ясувати своє ставлення до двох основних питань: 1) яким шляхом йти до відновлення української державності, 2) як добиватися справедливого розв'язання національного питання (проблеми економічного і соціального характеру, зрозуміло, теж перебували у центрі уваги). Ці питання були взаємозв'язані, а політики і партії відповідали на них по-різному. Українська військова організація (УВО), заснована 1920 року, була нелегальною і поєднувала політичну, ідеологічну діяльність з терором. УВО продовжувала збройну боротьбу за державність, а терор вважала засобом як революційної боротьби, так і засобом самооборони й агітації [1].

УНДО (історія цієї партії починається 1899 року) було створено 1925 року в результаті об'єднання Української народно-трудової партії, Української партії національної роботи (або «загравістів», за назвою друкованого органу журналу «Заграва») і волинської групи Української парламентарної репрезентації. Поява «загравістів» не була політичною несподіванкою, бо політики УПНР не поділяли безкомпромисних націоналістичних поглядів свого лідера Д. Донцова, їм імпонувала поміркованіша політична програма УНДО.

Процес становлення і розвитку УНДО наприкінці 20-х років не був легким, про що свідчила дискусія з приводу програми партії. На з'їзді партії (листопад 1926 року) було ухвалено програму, у внесено деякі принципові зміни у порівнянні з платформою УНДО на час її заснування (липень 1925 року): а) усунуто з програми питання закордонного представництва – це позбавляло впливу Є. Петрушевича і його прихильників на партію; б) у програмі зафіксовано негативне ставлення до радянської України; в) в програмі було зазначено незначну, але позитивну зміну у ставленні до Польщі [4, с. 387]. Зазначимо, що М. Фелінський об'єктивно констатував розбіжності й конфлікти в партії, вказав на основні політичні напрями (у травні 1927 року група «лівих», що гуртувалася навколо газети «Рада», утворила нову партію під назвою «Українська партія праці»), слушною була його думка про те, що гасло «орієнтація на власні сили» стало провідним, стало найхарактернішою рисою партійної ідеології.

Так само уважно М. Фелінський проаналізував і програму Українського селянсько-робітничого об'єднання (Сель-Роб). Статтю на цю тему було надруковано в №5–6 за 1927 рік. Це політичне угруповання звернуло на себе увагу з двох причин: незважаючи на нетривалий час діяльності воно було дуже активним і мало свої осередки не лише у Сх. Галичині, але й на Волині, Поліссі, а також у Люблінському воєводстві. Виникло воно у жовтні 1926 року в результаті об'єднання Партії народної волі (відколотася від москвофільського руху, який після війни втратив рештки свого впливу в Сх. Галичині) і Українського соціалістичного об'єднання – Селянського Союзу. Обидві політичні групи сповідували соціалістичну ідеологію. Об'єдналися вони в результаті взаємних поступок, але це, як зазначав М. Фелінський, не усунуло

суттєвих розбіжностей. Те, що Партія народної волі перебувала на позиціях інтернаціоналізму, а Сель-Союз віддавав перевагу національним проблемам, а не соціальним згодом все ж спричинило розкол у Сель-Робі, бо він розпався на Сель-Роб-правицю (колишні прихильники Сель-Союзу) і Сель-Роб-лівицю (колишні члени Партії народної волі). Сель-Роб-правиця акцентувала на своєму позитивному ставленні до українського націоналізму, її представники наголошували на тому, що партія бореться з інтернаціоналізмом [5, с. 502]. Сель-Роб-лівиця наголошувала на тому, що принциповою умовою національного визволення є визволення соціальне, а український націоналізм – це один із відтінків величезного капіталістичного фронту проти трудящих [5, с. 502]. На думку М. Фелінського, якщо перед виборами виникнуть тенденції до обмеження, то таке порозуміння буде означати перевагу Сель-Роб-лівиці [5, с. 502]. Зазначимо, що М. Фелінський був добрим знавцем українського політичного життя. 1931 року у Варшаві вийшла друком його монографія «Українці у відродженій Польщі» [6], в якій він схарактеризував політичне, економічне і культурне життя українців у Польщі й вказав на закордонні впливи на це життя. Про його позицію свідчить не лише те, що він вживав термін «Східна Малопольща», а й заявляв про одвічну приналежність цих земель до Речі Посполитої. В усякому разі, М. Фелінський був прихильником польсько-українського порозуміння.

Висновки. Підсумовуючи, треба зазначити, що українська тематика були найважливішим дискурсом журналу упродовж 1927–1929 років; ця тематика була представлена аналітичними публікаціями відомих авторів (Л. Василевський, М. Ковалевський, М. Фелінський); широко ця тематика була представлена у відділах «Хроніка» і «Бібліографія», але менше в наступних відділах («З Інституту національних досліджень», «Рецензії»); загальна тональність публікацій – академічна, розважлива, автори уникали гострих оцінок, навіть у неоднозначних ситуаціях намагалися аргументувати свою думку на підставі статистичних даних чи безспірних фактів (показовий приклад – Л. Василевський); автори журналу правильно розуміли вагомість національного питання у повоєнному світі; журнал намагався висвітлювати українське питання безсторонньо і нетенденційно, але й державницька позиція авторів журналу незаперечна; у багатьох випадках відповідні державні структури могли більшою мірою використати публікації журналу, зважаючи на їх практичне значення для розв'язання складного національного питання у повоєнній Польщі.

Список літератури

1. Дильонгова Г. Історія Польщі 1795–1900 // Пер. 3 пол. М. Кірсенка. – К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2007. – 239 с.
2. У.В.О.: Видання Пропагандивного Відділу Української Військової Організації. – Б.м.в., 1929. – 90 с.
3. Davies N. Serce Europy. Polska; przeszłość we współczesności / Przekład Elzbieta Tabanowska. – Kraków: Wydawnictwo Znak, 2014. – 544 str.
4. Feliński M. Program polityczny Ukraińskiego Nacjonalno-Demokratycznego Objednania (U.N.D.O) // Sprawy Narodowościowe. – 1927. – N. 4. – S. 381–388.
5. Feliński M. Ukraińskie Selansko-Robitnicze Socialistyczne Objednania (Sel-Rob). Ideologiczne podstawy programu // Sprawy Narodowościowe. – 1927. – N. 5–6. – S. 495–562.
6. Feliński M. Ukraińcy w Polsce odrodzonej. – Warszawa, 1931. – 141 str.
7. L. Was. W sprawie stosunków narodowościowych na Kresach Wschodnich // Sprawy Narodowościowe. – 1927. – N. 5–6. – S. 503–508.
8. Mich W. Problem mniejszości narodowych w myśli politycznej polskiego ruchu konserwatywnego (1918–1939). – Lublin, 1992. – 306 str.
9. Mniejszości narodowe w myśli politycznej XX wieku / Pod red. J. Jachymka. – Lublin: Oficyna wydawnicza «Czas», 1992. – 255 str.
10. Od Redakcji // Sprawy Narodowościowe. – 1927. – S. 1–2.
11. Paczkowski A. Prasa polska w latach 1918–1939. – Warszawa, 1980. – 534 str.
12. Piotrkiewicz T. Kwestia ukraińska w Polsce w koncepcjach piłsudczyzny 1926–1930. – Warszawa : Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 1981. – 165 str.
13. Płochocki L. We wspólnym jarzmie (O narodowościach przez caratuciskanych). – Londyn: Wydawnictwo Polskiej Partii Socjalistycznej, 1901.
14. Wasilewski L. Narodowości Austro-Węgier. – Kraków, 1902. – 32 str.
15. Wasilewski L. Zarys Stosunków Galicyjskich. – Warszawa, 1906. – 87 str.
16. Wasilewski L. Istotna liczba Ukraińców w Polsce // Sprawy Narodowościowe. – 1927. – N. 3. – S. 227–236.
17. Wasilewski L. Ruski, rusiński czy ukraiński? // Sprawy Narodowościowe. – 1927. – N. 4. – Str. 388–392.
18. Zaporowski Zb. Sejm Rzeczypospolitej Polskiej 1919–1939. Działalność posłów, parlamentarne koncepcje Józefa Piłsudskiego, mniejszości narodowe. – Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1992. – 265 str.
19. Z Instytutu Badań Spraw Narodowościowych // Sprawy Narodowościowe. – 1927. – N. 1.

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ БАШКИРСКОЙ ПОЭЗИИ ВОЕННЫХ ЛЕТ

В современном башкирском литературоведении поэзия военных лет достаточно хорошо изучена с разных аспектов. В фундаментальных исследованиях по истории башкирской литературы, увидевших свет в разные годы, дается подробный обзор литературе этого периода. Например, «Очерки истории башкирской советской литературы» в 2-х частях, I часть - 1963, II часть - 1966 г., «История башкирской советской литературы» (Уфа, ИИЯЛ, 1967 г.), «История башкирской советской литературы» (М., 1977) и в монографических трудах башкирских ученых Г.Хусаинова «Пути развития башкирской поэзии» (Уфа, 1968), «Башкирская советская поэзия. 1917-1980» (М., 1983), Г.Рамазанова «Образ советского человека в башкирской поэзии» (Уфа, 1957) и т.д. Жанрово-стилевое многообразие литературы этого периода все же остается малоизученной областью современной литературоведческой науки. Изучение литературы с жанровых аспектов дает возможность проследить успехи и новаторство писателей разных лет того или иного периода.

Жанр – историческая категория. Доминирующая позиция того или иного жанра в определенный период развития литературы объясняется социально-историческими условиями, характерными особенностями времени. Например, в годы революции всей новой литературе была свойственна активизация жанров публицистической лирики. Революционная романтика тех лет отразилась в стихотворениях плакатного характера, одах, стихах-лозунгах и т.д.

В башкирской поэзии военных лет развитию поэтических жанровых форм повлияла героическая атмосфера этого периода. В первые дни войны особенно активизируются малые жанры с публицистическим пафосом, призывающие защитить Отечество. Их условно можно назвать стихами-призывами. Стихи-плакаты, стихи-агитки, призывающие на борьбу с захватчиками, были признаны удачными формами, в них отразились настроения народа и дух времени. Как справедливо отмечает Г.Хусаинов в книге «История башкирской литературы»: «В первые годы войны на первый план вышли стихи-агитки, как одни из самых распространенных поэтических форм публицистической лирики» [2; 41]. В стихотворениях Рашита Нигмати «Отомсти, патриот!», «В поле, родные!», «Побольше нефти, товарищи!», Баязита Бикбая «В ружье, товарищи!», «Пусть сотрясется земля!», Сайфи Кудаша «Будь бдителен!», «Ты не забудь!», «Айда, джигит, встань в строй!» и других стихотворениях поэты призывали к борьбе за свободу Отечества, неустанно трудиться на полях и нефтяных производствах, отомстить захватчикам. Рашит Нигмати назвал эту борьбу «самой справедливой и великой борьбой». В стихотворении «В поле, товарищи!» автор каждое зернышко сравнивает

оружием борьбы и говорит «каждое зернышко – это пуля, граната и клинок», каждое зернышко для Гитлера опасно как бомба. Давайте в поле все дружно, чтоб не потерять ни зернышка!» призывает поэт. Уже в названиях стихотворений ярко бросается в глаза призывной тон, агитирование, восклицание.

В эти годы особенно удачной обращая к массам были стихи-письма, стихи-назидания. Эти малые жанры развивали эпистолярную литературу, в которых надежды и чаяния, мысли народа выражались более открыто и глубоко. В стихотворениях Мустая Карима «Ответное письмо башкирскому народу», Рашита Нигмати «Слово Башкортостана», Малиха Хариса «Письмо», Фаика Мухаметьянова «Напиши еще письмо», Ибрагима Гизатуллина «Солдатские письма», Мухутдина Тажи « Написали письмо» и т.д. был создан образ солдата передового фланга, который не раздумывая, был готов погибнуть за Родину, в то же время соскучившийся по дому, по родным, по семье, образы тружеников тыла, с нетерпением ждущих возвращения батыров.

Лирический герой стихотворения «Письмо» М.Хариса просит свою мать вспоминать его не слезами горя, а с гордостью за то, что он погиб, отдав жизнь за счастливое будущее своего народа.

В годы войны в башкирской поэзии наблюдается развитие и любовной лирики. Образ бесстрашного героя-солдата обогащается внутренним его духовным богатством. Солдат, несмотря на невзгоды, долгие разлуки, в сердце своем бережет большую и чистую любовь. Также в эти годы в поэзии активизируются стихотворения, относящиеся к гражданской, пейзажной, любовной лирике. М.Карим, Т.Мурат, Х.Карим, М.Харис, М.Тажи и другие изображали духовно богатого героя современности. Лирический герой стихотворения М.Карима « Мы были окутаны зарей» - батыр, вернувшийся с войны. Он еще не может забыть все ужасы и грохоты войны, и тишина, спокойствие семейного очага, кажется ему дикими, не привычными. И позабыл он слова ласки, душа немного окаменела. Он благодарит свою возлюбленную за то, что она вернула его к прежней жизни, все эти годы сохранила чистую любовь, заново научила любить красоту его окружающей, научила радоваться жизни, наполнила его душу теплотой. В стихотворении Т.Мурата «Твоя карточка» фото любимой вдохновляет героя на новые подвиги.

В годы войны писатели обратились и к жанру баллада, которая уже в тридцатые годы закрепилась в башкирской литературе. Основной тематикой башкирских баллад тридцатых годов были патриотизм и протест против войны. Патриотизм и самоотверженный героизм – одна из основных тем военных лет всей советской литературы. Поэтому башкирские поэты остались верны жанру баллада и

в эти годы, активно выражали протест разного рода насилия. Активно творили в этом жанре М.Харис, Р.Нигмати. Были написаны такие баллады как «Баллада о батыре» М.Хариса, «Слово матери» Р.Нигмати, «Пограничник и его мать» Б.Бикбая и т.д.

В годы Великой Отечественной войны песни занимали значительное место в башкирской поэзии. Разные типы песен выражали настроения народа, также помогали раскрывать разные стороны жизни военной поры. «Слава победителям» Р.Нигмати, «Башкирские кавалеристы» Б.Бикбая, «Песня батыров» Г.Амири, «Возлюбленный Гульсирь» К.Даяна – песни с героическим пафосом, а «Сатирические куплеты» С.Кулибая больше всего напоминали сатирические частушки, «Фронтовые песни» К.Даяна – лирические песни.

В эти годы также были популярны сатирические стихи, где высмеивался образ немецкого солдата, надеющегося захватить больше земель, но нашедший свою смерть на чужих полях. Например, стих Б.Бикбая «Крест фрица» был написан в первые годы войны и подобно народным сатирическим песням отличался остроумием.

Стихотворение Б.Бикбая «Платок» ознаменовал укоренение в башкирской поэзии элегического жанра, где герой переживает горечь утраты.

Очень много поэм было написано в годы войны. По типу и стилю они также отличались многообразием. Например, «Письма твоей невесты», «Ответы джигита» Р.Нигмати продолжали традиции эпистолярного жанра. «Незнакомый гость», «Декабрьская песня» М.Карима, «Убей, сын мой, фашиста», «Поэма о герое» Р.Нигмати, «Джигит с Урала», «Возвратившаяся радость» М.Тажи, «Слово отца» Т.Мурата – это прекрасные образцы лиро-эпического жанра башкирской поэзии военных лет. В поэме «Улмясбай» М.Карима удачно были продолжены традиции сказочного жанра. Р.Нигмати, М.Карим в своих поэмах дали прекрасное сочетание фольклорных мотивов в лиро-эпическом жанре.

УДК 811.11

ГРНТИ 16.41.21 индоевропейские языки

В поэмах, рассказывающих о подвиге советского солдата дается образ обычного паренька, прежде всего думающего о судьбе своей Родины и народа. И подвиг совершает не ради славы, а ради счастливого будущего. Например, в поэме Р.Нигмати «Поэма о герое» говорится о простом пареньке – летчике Васе. Казалось бы, его биография ничем не отличается от жизни остальных. Но он запоминается читателю самоотверженностью характера, в момент неравной борьбы с врагом, он принимает решение не ради спасения себя, а ради людей. Когда заканчиваются боеприпасы, он идет на таран с немецким самолетом, который совершал полет над советским аэродромом и готовился его атаковать. В образе летчика Васи воплощены образы воина-солдата, защитника Отечества.

В поэмах «Письма твоей невесты», «Ответы джигита» Р.Нигмати воспевают чистую, искреннюю любовь двух сердец. Любовь героя вдохновляет на подвиги, чем больше расстояния, тем сильнее чувства героев друг к другу. «Чем сильна любовь девушки к своему любимому, тем сильнее ненависть к врагу», - говорит автор.

Таким образом, в башкирской поэзии военных лет наблюдается успешное новаторское освоение жанров всех типов, обогащение поэзии новыми формами. Многие поэмы этого периода составляют яркие страницы развития башкирской литературы в этот героический период.

Литература:

1. Антология башкирской поэзии. –Уфа: Китап, 2001. - 816 стр.
2. История башкирской литературы. В 6-ти томах. 4-й том. –Уфа: Китап, 1993. – 444 стр.
3. Нигмати Р. Произведения. в 2-х томах. - Уфа: Башкирское книжное издательство, 1982. – 237 стр.
4. Муратов Т., Тажетдинов М., «Прощай». Стихи. Поэма. –Уфа: Китап, 2006.- 224 стр.
5. Светлые следы. Стихи. Коллектив авторов. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1989. -144 стр.

© Мустафина Р.Д., 2016

Olejnik O.V.

Candidate of Philology,

*Associate Professor of Foreign Languages Department,
Orsk Institute of Humanities and Technology
(Branch) of Orenburg State University*

Utkina O.L.

*Associate Professor of Foreign Languages Department,
Orsk Institute of Humanities and Technology
(Branch) of Orenburg State University*

MULTI-COMPONENT COMPOSITES IN BRITISH AND GERMAN PRESS

Олейник Ольга Викторовна

*кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков,
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ*

МНОГОКОМПОНЕНТНЫЕ КОМПОЗИТЫ В БРИТАНСКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЕ

Abstract. The article is devoted to the consideration of the structural and semantic characteristics of the multicomponent composites using the example of press texts. The relevance of the study lies in an attempt to consider the specifics of complex nouns in English and German in the corpus of new examples of the press, since tendencies in the development of word-formation systems of two languages are shown in the press. The subject of the research is the frequency models of word composition in the press. The method of comparative analysis, the method of continuous sampling, the method of component analysis are used in the work. The material of the study proves that two-component and three-component composites, where substantive components prevail, are productive in the press of both languages. The structure of the composite is manifested in the postposition of the main component in relation to the dependent, which serve to clarify the key component. The vast majority of press composites are words with transparent semantics. Composites provide the ability to compress complex meanings of the modern reality into one coherent unit.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению структурных и семантических характеристик многокомпонентных композит на примере текстов прессы. Актуальность исследования заключается в попытке рассмотреть специфику сложных существительных в английском и немецком языках на корпусе новых примеров прессы, т. к. в прессе проявляются тенденции развития словообразовательных систем двух языков. Предметом исследования являются частотные модели словосложения в прессе. В работе использовались метод сопоставительного анализа, метод сплошной выборки, метод компонентного анализа. Материал исследования доказывает, что в прессе обоих языков продуктивны двухкомпонентные и трехкомпонентные композиты, где преобладают субстантивные компоненты. Структура композит проявляется в постпозиции главного компонента по отношению к зависимым, которые служат для уточнения ключевого компонента. Подавляющее большинство композит прессы являются словами с прозрачной семантикой. Композиты предоставляют возможность сжать в одной цельнооформленной единице сложные смыслы современной действительности.

Key words: press language, English, German, word composition, components of a complex word.

Ключевые слова: язык прессы, английский язык, немецкий язык, словосложение, компоненты сложного слова.

Лексический уровень языка быстрее всего реагирует на изменения окружающей действительности. В удовлетворении потребности в наименовании новых фактов и явлений окружающей действительности языковая личность опирается на традиционные и новые модели номинации. Одним из наиболее продуктивных способов словообразования в обоих языках был и остается словосложение с образованием композит – сложных слов, которые, как утверждает В.Д. Аракин, являются особой лексической единицей словарного состава языка, «образующей вместе с другими сложными словами микросистему языка» [1, с. 208].

Слово-композит, по И.А. Столяровой, «сложный языковой знак является когнитивной единицей, которая фиксирует, храня в скрытом виде, формы “перехода” действительности в мышление, т. е. в форму знания, отражая одновременно, благодаря своей дискретности, ступеньки познания» [2, с. 55].

Язык прессы является источником, который первым фиксирует изменения в современном словообразовании и словоупотреблении. При анализе сообщений прессы можно проследить тенденции относительно развития лексического состава языка.

Усложнение взаимоотношений между людьми, жизненных ситуаций вызывает появление сложных слов, служащих наиболее точной передаче объемных смыслов. Денотат

многокомпонентных композит соотносен с действительностью и яснее передает значение. Как утверждает Е.М. Ефремова, структурное разнообразие многокомпонентных композит объясняется, прежде всего, прагматическими причинами: они позволяют экономить место печатного издания, передавая при этом емкие понятия [3, с. 3].

Слова-композиты, состоящие из двух, трех и более основ (компонентов), широко используются в англоязычной и немецкоязычной прессе и выполняют номинативную, характеризующую и экспрессивную функции.

Материалом исследования стали многокомпонентные композиты, отобранные методом сплошной выборки из электронных версий газет и общественно-политических журналов: The Times, The Guardian, The Telegraph, The Observer, Spiegel online, Zeit online, Der Tagesspiegel online.

С точки зрения состава, наибольшее количество выявленных композит в английской прессе двухкомпонентные существительные: *lifeline (сигнальный трос)*, *deadline (предельный срок)*, *ribbon-cuttings (разрезание ленточек)*, *next-to-impossible (почти невозможный)*, *bombshell interview (ошеломительное интервью)*.

Трехкомпонентные композиты представлены существительными, составные элементы которых структурно и семантически не равноценны, основаны на доминировании одного последнего

элемента: *century-long commitment* (вековое обязательство), *fixed-wing aircraft* (воздушное судно с неподвижным крылом), *watered-down seven-way under control* (расплывчатый контроль, нацеленный на семь направлений), *peer-to-peer lender* (равноправное кредитование), *all-star cast* (звездный состав), *an open-and-shut suicide* (очевидное самоубийство), *kicking-of-heels sense* (сногшибательный смысл), *globally-viewed occasions* (события, которые пользуются всеобщим вниманием), *long-repeated whispers* (давно повторяющиеся слухи), *Revolutionary-era dead* (умершие в революционную эпоху), *Chinese-immigrant community* (сообщество китайских эмигрантов), *sit-down interview* (организованное интервью).

В составе многокомпонентного композита могут оказаться не только слова, принадлежащие к разным частям речи, но и топонимы: *Luxembourg-based bank* - банк, размещенный в Люксембурге. Кроме того, в английском языке активно заимствуются иноязычные композиты, которые, в свою очередь, используются в составе новых сложных слов. Например, для характеристики приема представителей НАТО в Лондоне, автор использует оценочную характеристику, где *sang-froid* – заимствование из французского языка: *down-to-earth sang-froid* (практичное хладнокровие).

6. Внимание привлекают трехкомпонентные композиты, имеющие в составе аббревиатуру, например, *P2P industry*, который расшифровывается как “point-to-point” (промышленность без посредников). Компьютерный термин благополучно используется в текстах прессы для характеристики социально-экономических явлений, напоминая сжатый язык СМС.

Особый интерес представляют многокомпонентные композиты, состоящие из четырех и более компонентов: *Because I was never destined to be the ‘young actor goes off the rails’ type. - Потому что не предполагалось, что я стану молодой актрисой, которую спишут со счетов* [4]. Например: *a get-out-of-jail-free card* (карточка освобождения из тюрьмы); *a one-size-fits-all approach* (шаблонный подход), *“cheekily self-aware” screen adaptations* (экранизация, основанная на дерзком самоанализе), *“self-made over-achievers”* (обязанный самому себе баловень судьбы, помешанный на своих целях).

Большинство представленных композит в англоязычной прессе мотивированы, их значения «прозрачны», между денотатами компонентов легко устанавливаются отношения и определенным образом осмысливаются. Однако часть композит не мотивированы. В британской прессе встречаются композиты, которые являются авторскими, окказиональными. Номинальное значение у подобных лексических единиц не совпадает с реальным денотатом, поэтому семантическое значение раскрывается только через контекст.

Особенность немецкого языка заключается в большой продуктивности словосложения по отношению к другим способам словообразования.

Словосложение – это способ словообразования, при котором посредством объединения минимально двух или нескольких базовых морфем или основ возникает новое слово [5, с.71]. По нашим данным из 200 обнаруженных в прессе сложных слов 188 являются существительными, оставшиеся лексические единицы относятся к прилагательным (*gesetzeswidrig, zweifelsfrei, möglicherweise, systemrelevant*) и к глаголам (*sicherstellen*).

Компонентами при образовании композит выступают существительные (*Sanktionsmöglichkeit, Menschenrechtsnorm*), прилагательные (*Geheimdienstoperation, Reingewinn*), глаголы (*Wettbewerbsverbot*), числительные (*5G-Mobilfunkmasten*), аббревиатуры (*CDU-Außenpolitiker*), прецедентные топонимы (*Kremelkritiker, Nowitschok-Gruppe, Facebook-Chef*). В качестве составных компонентов сложных слов выступают также конфиксы (*Biomarkt, Bio-Siegel, Autopilot*). Наиболее частотным является словосложение субстантивных основ, этот факт подтверждается примерами из прессы. На данный факт также указывает М. Окз [6]. По её мнению, большинство ключевых компонентов сложных слов являются существительными и 80 % определяющих компонентов тоже относятся к этой части речи.

Анализ сложных существительных из нашей выборки показал, что из 188 единиц 118 являются двухкомпонентными композитами (*Kundenandrang*), 68 трехкомпонентными (*Kurzarbeitergehalt, Meinungsforschungsinstitut, Brutto-Monatseinkommen, Kurznachrichtendienst*) и 2 четырехкомпонентными (*Vermögenssteuerrichtlinie, Waffenstillstandverhandlung*). Широкое распространение в немецкой прессе получила словообразовательная модель «сущ. + сущ.», где первый компонент определяет и конкретизирует ключевой компонент. Постпозиция зависимого компонента по отношению к главному не обнаружена, хотя в английской прессе данная модель встречается (*gentelman-at-arms*). Все анализируемые единицы являются детерминативными композитами, копулятивные композиты и слова-стяжения не были нами обнаружены в новостных сообщениях.

Частотное употребление определенных корней при словосложении в прессе свидетельствует об актуальности событий, которые освещаются данными единицами. Определенное событие (например, коронавирус), попадая в фокус общественного внимания, становится частотным в средствах массовой коммуникации, что приводит к появлению целого ряда сложных номинаций (*Coronakriese, Coronakriesenstab, Corona-Test-Debakel, Corona-Testpanne, Corona-Lockdown, Corona-Verdächtnisfall; Quarantänezeit, Quarantäne-Pflicht*).

Значение многокомпонентных композит в прессе чаще всего является механической суммой значений компонентов. Первые компоненты чаще всего выполняют уточняющую и конкретизирующую функцию по отношению к

последнему (ключевому) компоненту. В большинстве случаев можно обойтись без опоры на контекст при интерпретации многокомпонентного композита. Лишь у трёх композит из 200 проанализированных могут возникнуть трудности при их толковании вне контекста (*Bürokratendeutsch – бюрократический язык, Schmalspurpolitiker – политик, получивший известность благодаря сомнительным достижениям, Brexit-Verhandlungssommer, так было названо лето 2020, когда планировалось обсудить условия выхода Великобритании из ЕС*). *Schmalspurpolitiker* - идиоматичный авторский композит, состоящий из 3 компонентов. Его авторство приписывается Йошке Фишеру. В этой единице отражается критическое отношение к непрофессиональной деятельности политических фигур. В данном примере расшифровка переносного значения первых двух компонентов (*Schmalspur* - узкая колея) способствует выявлению смысла.

Морфологическое сочетание компонентов композит немецкого языка оформляется в одну лексическую единицу в отличие от английского языка, где сложный концепт может быть представлен в виде синтагмы (*an open-and-shut suicide*). В английском языке некоторые сложные слова приближаются по структуре к словосочетаниям и состоят из комбинации целых слов. Дефисное написание сложных слов широко представлено в обоих языках.

Активность словосложения в прессе свидетельствует о тенденции к аналитизму, речевой компрессии. Двухкомпонентные и трехкомпонентные сложные существительные в прессе обоих языков дают возможность синтезировать в одной цельнооформленной единице объемные смыслы. В одном композите представлен пучок понятий и концептов, и заменить его может только развернутая фраза или даже целое предложение.

Список литературы:

1. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М.: ФИЗМАТЛИТ; 2005. [Arakin VD Sravnitel'naya tipologiya angliyskogo i russkogo yazykov. Moscow: FIZMATLIT, 2005. (In Russ).]

2. Столярова И.А. Лингвокреативные механизмы словосложения (на материале номинат. комплексов в романе Джеймса Джойса «Улисс»). Оренбург, 2003. [Stolyarova IA Lingvokreativnyye mekhanizmy slovoslozheniya (na materiale nominat. kompleksov v romane Dzheymssa Dzhoysa «Uliss»). Orenburg, 2003. (In Russ).]

3. Ефремова Е.М. Структурно-семантические и функциональные особенности многокомпонентных композитов в современном английском языке : автореферат дисс. кандидата филологических наук. М.: 2012. [Yefremova YeM Strukturno-semanticheskiye i funktsional'nyye osobennosti mnogokomponentnykh kompozitov v sovremennom angliyskom yazyke : avtoreferat diss. kandidata filologicheskikh nauk. Moscow, 2012. (In Russ).]

4. Wiseman E. Emilia Clarke: I didn't want people to think of as sick // The Guardian. 1.December 2019. URL:

<https://www.theguardian.com/global/2019/dec/01/emilia-clarke-i-didnt-want-people-to-think-of-me-as-sick->

5. Römer Ch., Matzke B. Lexikologie des Deutschen: eine Einführung. Tübingen: Narr Studienbücher; 2004. [Römer Ch., Matzke B. Lexicology of German: an introduction. Tübingen: fool study books; 2004. (In Germ)]

6. Ochs M. Grundbegriffe und Grundzüge der Wortbildung. München: GRIN Verlag; 2000. [Ochs M Basic concepts and main features of word formation. Munich: GRIN Publishing company; 2000. (In Germ)]

Сведения об авторах:

1. Олейник Ольга Викторовна (Olejnik Olga Victorovna); г. Орск, Оренбургская область, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, факультет педагогического образования, кафедра иностранных языков; канд. филол. наук, доцент; дом. адрес: г. Орск, ул. Краматорская, д.66 (Orsk, Orenburg Region, ul. Kramatorskaya, 66); тел. 89058452603

2. Уткина Ольга Леонидовна (Utkina Olga Leonidovna); г. Орск, Оренбургская область, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, факультет педагогического образования, кафедра иностранных языков; канд. филол. наук, доцент, доцент; дом. адрес: г. Орск, ул. Комарова, д.14, кв. 24 (Orsk, Orenburg Region, ul. Komarova, 14 - 24); тел. 89096189944

Smaglii V.M.

*Candidate of philological sciences,
associate professor,*

*head of the philology department
at the Odessa National Maritime University*

CLOSE PERIPHERY OF THE LANGUAGE CONCEPT

Смаглій Валерія Михайлівна

*кандидат філологічних наук, доцент
завідувач кафедри «Філологія»*

Одеського національного морського університету

БЛИЖНЯ ПЕРИФЕРІЯ КОНЦЕПТУ LANGUAGE

Summary. We turn to the analytical description of the peripheral zone of the LANGUAGE subconcept, which goes together with the other two subconcepts form a complex concept WORD / LANGUAGE / SPEECH, which is the final object of study in this paper. In the previous section, we considered the nuclear zone of the nominative field of the LANGUAGE subconcept, which was formed as a conglomeration of four dictionary articles of language, extracted from specialized lexicographic sources in theoretical linguistics. Each of the articles contained a greater or lesser number of references, one of which was external and considered in the relevant part of the paragraph, the other references were internal. This means that through a system of graphic separations, certain words / phrases functioned as a guide to other definitive articles of the same source. The total number of such "directions", more precisely, internal links is 65 units. The relevant articles to which the user is directed form the periphery of the nominative field of the LANGUAGE subconcept, which is divided into the close and far peripheries of the field.

Анотація. Переходимо до аналітичного опису **периферійної зони** субконцепту LANGUAGE, що разом із двома іншими субкоцептами утворюють комплексний концепт WORD/LANGUAGE/SPEECH, який є кінцевим об'єктом дослідження в даній роботі. В попередньому параграфі було розглянуто **ядерну зону** номінативного поля субконцепту LANGUAGE, яка утворилась як конгломерат чотирьох словникових статей *language*, вилучених із спеціалізованих лексикографічних джерел з теоретичної лінгвістики. Кожна із статей містила більшу чи меншу кількість посилань, одне із яких було зовнішнім і розглянуто у відповідній частині параграфу, решта посилань були внутрішніми. Це означає, що через систему графічних виокремлень певні слова/словосполучення функціонували як дороговказ до інших дефініційних статей цього ж джерела. Загальна кількість таких «дороговказів», точніше кажучи, *внутрішніх посилань* складає 65 одиниць. Відповідні статті, до яких спрямовано користувача, утворюють **периферію** номінативного поля субконцепту LANGUAGE, яка розподіляється на **ближню** і **дальню периферію** поля.

Key words: concept, peripheral zone, nucleus, definition, lexeme.

Ключові слова: концепт, периферійна зона, ядро, дефініція, лексема.

Постановка проблеми. Зону **ближньої периферії** утворюють статті, до яких є *спільні посилання*, тобто в різних ядерних статтях *language* виділені ідентичні слова/словосполучення, що пропонують уточнити і розширити теоретичну базу відповідного терміну. В цю зону аналізованого субконцепту входять 11 статей. Із них 5 статей включені згідно *спільних внутрішніх посилань*, які зареєстровані в усіх ядерних статтях, за виключенням однієї із ODLT джерела, яка взагалі не містить внутрішніх посилань, про що йшлося вище. Саме ці словникові дописи, на думку їхніх авторів, є суттєво важливими для адекватного сприйняття наукового терміну *language*. Вони стосуються термінів *langue, parole, performance, competence, dialect*.

Мета статті. Проаналізувати реалізацію концепту LANGUAGE у зоні ближньої периферії в рамках комплексного досліджуваного концепту.

Викладання основного матеріалу. Перші чотири із цих термінів тлумачаться у тісному взаємозв'язку один із одним. Перш за все це стосується термінологічної пари *langue VS parole*. Словник Routledge навіть поєднує їх в єдиній дефінітивній статті, розмірковуючи про особливості значення кожного із термінів, а також про різницю між ними. Усі статті розпочинаються згадкою Фердинанда де Соссюра як автора цієї діади. Routledge пише: *langue VS parole* [a term introduced in de Saussure's *Cours de linguistique générale* to distinguish...], словник ELL, відкриваючи статтю *langue*, відсилає до іншої словникової вокабули, в якій описуються особливості Соссюрівської теорії [originally in Saussurean linguistics: See *Saussurean Tradition in Twentieth-Century Linguistics*], а Д.Кристал перед тим, як розпочати статтю *langue* із посиланням на Ф. де Соссюра, пропонує інформацію про особливості фонетичної форми цього

франкомовного терміну [lãg] [a French term introduced into linguistics by Ferdinand de Saussure (see *Saussurean*)]. Всі три статті, окрім спільної для них відсилки до теорії Ф. де Соссюра, також указують на те, що термін *langue* був запроваджений для *окремої назви одного* із значень парасолькового терміну *language*, а саме для назви *мови* як системи, відрізняючи це значення від іншого/інших – (*) *мова* як реалізація цієї системи і (*) *мова* як мовна здатність: *langue* [to distinguish one of the senses of the word *language* (the others being *langage* and *parole*)], [(*langue*) is distinguished from *langage* = *language* (sense 1), i.e. linguistic behavior in general or "language" in an abstract sense], [to distinguish between language (Fr. *langue*) as an abstract system of signs and rules, and the spoken word (Fr. *parole*) as the concrete realization of language as it is used]. Лаконічним є визначення терміну *langue*, яке запропоновано в словнику ELL: [the language system (lexical, grammatical, and phonological) of a linguistic community, which underlies (an individual's) performance or parole]. Також чітко і лаконічне визначення терміну *langue* містить словник Crystal: [the language system shared by a community of speakers, and is usually contrasted with "parole"...]. Routledge зазначає, зокрема: *langue* [*langue* is characterized as a static system of symbols with broad (social) value, due to the invariant and functional nature of its elements].

Як бачимо, всі дефініції містять дефінітивну ознаку [system], що експлікує сему *системність*. В усіх дефініціях також експлікується сема *соціальність* через такі дефініційні ознаки, як [linguistic community; a community of speakers; broad (social) value]. Решта семантичних складників значення терміну *langue* варіюють від статті до статті. Це *статичність* мови як системи, *інваріантність* її елементів [a static system of symbols, the invariant nature of its elements], це також

уточнююча характеристика мовної системи як лексичної, граматичної і фонологічної [the language system (lexical, grammatical, and phonological)]. Також кожна дефініція обов'язково згадує пару протиставленість до терміну *parole*. Лексична одиниця *parole* функціонує одночасно як *спільне посилання* першого ступеня (тобто до відповідної статті відсилають *всі ядерні* статті *langue*), а також як *спільне посилання* другого ступеню (це означає, що всі *периферійні* статті *langue* відсилають до статті *parole*). Отже звернімося до цієї статті аналізованої вибірки. Статті *parole* в словниках так само, як і статті *langue* мають аналогічний зачин – згадку про те, що термін був започаткований Ф. де Соссюром: *parole* [a French term introduced into linguistics by Ferdinand de Saussure]; [originally in Saussurean linguistics]; [a term introduced in de Saussure's *Cours de linguistique générale*...]. Всі статті містять чи то внутрішні чи то зовнішні посилання на згадувану теорію Фердинанда де Соссюра. Внутрішнє посилання робить Девід Кристал [see *Saussurean*], відправляючи користувача до окремої статті свого словника, зовнішні посилання пропонують звернутись до інших публікацій: Routledge в переліку теоретичних джерел, дотичних до обговорюваної теми і оформлених після статті у References, надає інформацію про франкомовне видання *Cours de linguistique générale* і його англійський переклад *Course in general linguistics*, trans. R.Harris. London, 1983. Словник ELL пропонує звернутись до загальнотеоретичного джерела і указує його назву *Tradition in Twentieth-Century Linguistics*.

Що стосується значення терміну *parole*, то дефініції свідчать наступне: ELL [language in use, (written or spoken) language seen as behavior; specific instantiation of langue]; Crystal [concrete utterances produced by individual speakers in actual situations, and is distinguished from *langue*, which is the collective language system of speech community]; Routledge [instances of *parole* are based on the system of langue and vary according to register, age, dialect].

Розкладаючи ці дефініції у пошуках окремих смислових елементів, отримуємо сему *використання* мови [language in use], [concrete utterances produced...], сему *індивідуальність* використання мови [concrete utterances produced by individual speakers], сему *варіативність* мовних *втілень* системи [specific instantiation of langue], [instances of *parole* vary according to register, age, dialect], а також сему *ситуативна зануреність* висловлювання [concrete utterances produced in actual situations]. При цьому всі статті наголошують на включенні дефінованого терміну у опозитивну пару *parole VS langue* [(*parole* is) specific instantiation of langue], [(*parole*) is distinguished from *langue* ...], [instances of *parole* are based on the system of langue]. Крім того, зазначається також пов'язаність термінів *parole* і *performance*: зокрема, Crystal стверджує що ці терміни є аналогами один одного [(*parole*) an analogous term is performance], словник ELL завершує статтю *parole* внутрішнім посиланням [Cf. *performance*], Routledge у статті

langue VS parole розмірковує про суто теоретичну (мовознавчу) умовність розділення цих термінів, наводячи при цьому аналогічну пару термінів, запропоновану Хомським *competence VS performance*, і наголошує на дискусійності цієї позиції: [this autonomy (of *langue VS parole*) in a purely theoretical innerlinguistic view of language, such as that proposed by Chomsky with *competence VS performance*, has met with much criticism and has been heavily revised].

Відмінною рисою цього допису є те, що Routledge надає користувачеві додаткову інформацію про аналогічні терміни, які були запропоновані в межах різних лінгвістичних течій [The type of difference described between *langue* and *parole* has taken many forms: among them, *ergon vs energeia* (W. von Humboldt), *Sprache vs Rede* (H. Paul), *Sprachsystem vs aktualisierte Rede* (G. v. d. Gabelentz), *Sprachgebilde vs Sprechakt* (K. Bühler), *register vs use, type vs token (type-token-relationship)*. (M. A. K. Halliday)]. Словник згадує імена таких науковців, як Гумбольдт, Пауль, Габелентц, Бюлер, Халідей і пропонує *зовнішні посилання* у вигляді References, де надані відповідні бібліографічні дані. Завдяки цьому користувач може ознайомитись із засадничими науковими публікаціями кожного із цих авторів.

В слов'янській лінгвістиці (українськомовній і російськомовній) Соссюрівське протиставлення *langue* and *parole* виражено термінологічними одиницями *мова* (як система) і *мовлення* (як реалізація, конкретне втілення цієї системи). Великий тлумачний словник української мови (ВТСУМ) містить наступне визначення полісеманта *мова*: 1. [Здатність людини говорити, висловлювати свої думки]; 2. [Сукупність загальноприйнятих у межах даного суспільства звукових знаків для явищ і понять, а також загальноприйнятих правил їх комбінування у процесі вираження думок]; 3. [Мовлення, властиве кому-небудь; манера говорити]. Номінативна одиниця *мовлення* дефінується цим джерелом як [спілкування людей між собою за допомогою мови; мовна діяльність]. Із цих статей видно розрізнення трьох різних іпостасей *мови*, які Соссюр позначав трьома різними термінами: 1. *langage* [human biological faculty of speech], 2. *langue* і 3. *parole*. Таким чином парасольковий термін *мова* = *langue* з точки зору лінгвіста є номінацією трьох термінопонять, для яких в українській мові існують лише два вузькоспеціальних терміна *мова* (значення 1 і 2) і *мовлення* (3). Аналога спеціальному терміну *langage* (1) (вроджена мовна здатність людини) не існує, хоча трихотомія усвідомлюється. Варто зауважити водночас, що у фокусі уваги перебувають переважно друга і третя іпостасі феномену *мова*, тобто *система* знаків і *реалізація* цієї системи в конкретному спілкуванні людей. В такому разі говорять про опозицію термінопонять *мова* і *мовлення*.

Наступним терміном, що входить до **ближньої периферії** номінативного поля *langue*, є *performance*, оскільки до нього переадресовують *спільні внутрішні посилання ядерних* статей, а

також посилання другого ступеню від **периферійних статей**. Статті із заголовним терміном *performance* всі починаються із прямого або опосередкованого посилання на теорію *генеративної граматики*, або на її різновид *трансформаційну граматику* Ноа Хомського. Див., зокрема, допис Д. Кристала [a term used in generative grammar to refer to language seen as a set of specific utterances produced by native-speakers], статтю в ELL *performance* [(especially in generative grammar) the actual use of language]. Словник Routledge містить (згідно діючому в цьому виданні стандарту) парну статтю про протиставлені один одному терміни *competence VS performance* і розпочинається стаття згадкою про вчення Н. Хомського [Chomsky's postulated dichotomy between general linguistic ability and individual language use]. Згадувана в цій статті *трансформаційна граMATика* зазначається як актуальне теоретичне підґрунтя для розуміння сутності дихотомічної опозиції *competence VS performance*, перш за все її лівого члена – *компетенції*: [The goal of *transformational grammar* is to formulate a grammar that illustrates as truly as possible the ability of a speaker's competence...]. Термін Хомського *performance* в кожній дефінітивній статті співвідноситься із терміном Соссюра *parole* [analogous to the Saussurean concept of *parole*]. У цілому дихотомія Хомського *competence VS performance* перегукується із Соссюрівським протиставленням *langue VS parole*, але Routledge уточнює, що співпадають лише праві члени цієї пари [the terms “*performance*” (Chomsky) and “*parole*” (de Saussure) can be used almost interchangeably]. Ліві члени мають значні розбіжності. Визначення змісту терміну *performance* ємно відбите у статті ELL [the actual use of language, as shown by the corpus of utterances produced by a native speaker], до цього додається уточнення із словника Routledge [the ability of the speaker to pass judgment on the grammaticality of sentences, on ambiguity, and paraphrase]. Цікавим є ще одне уточнення, згадуване Кристалом, стосовно «надлишкових» з точки зору системи характеристик мовленнєвих висловлювань, породжуваних в реальних ситуаціях спілкування. До таких він включає паузи хезитації, дихальні паузи, незавершені речення – все те, на що не має зважати граMATика мови: [the utterances of *performance* will contain features irrelevant to the abstract rule system, such as hesitations and unfinished structures, arising from various difficulties acting upon the speaker (e.g. lapses of memory), or from biological limitations (pauses introduced through the need to breathe). These features must be discounted in a grammar of the language]. Для подальшого заглиблення у даний аспект значення терміну *performance* джерело пропонує звернутись до окремої статті *psycholinguistics*. Термін *performance* весь час порівнюється із терміном *competence*, зокрема Routledge пише: [*performance* [(which) refers not only to the knowledge about the native language (this is *competence*), but also to the ability of the speaker to pass judgment on the grammaticality of sentences, on ambiguity, and paraphrases].

І ще однією термінологічною парою, із якою порівнюється дихотомія Хомського *competence VS performance*, є Соссюрівським протиставленням *langue VS parole*. При цьому наголошується, що *competence* Хомського і *langue* Соссюра практично ідентичні один одному, а їхні протиставлені члени *performance* і *parole* не є такими: [“*performance*” and “*langue*” are quite different from each other. “*Langue*” is a static system of signs, whereas “*performance*” is understood as a dynamic concept, as a mechanism that will generate language endlessly].

До зони **ближньої периферії** входять 3 статті *competence*, які значно варіюють стосовно свого обсягу і ракурсу розгляду феномену. Найкоротшою є стаття в ELL, в якій дефініція терміну займає 10 слів, водночас стаття містить 4 внутрішні посилання: *performance, communicative competence, langue, I-language*. Це джерело пропонує коротке визначення терміну [a native speaker's internalized knowledge of her or his language]. Звернімо увагу на наступні семи, що включені у це трактування терміну: *знання мови, інтериорізоване знання, знання рідної мови* (в дефініції виокремлені підкресленням). Словник Routledge дефінує термін *competence* через експлікацію двох із вищезазначених сем (*знання мови* і *знання рідної мови*), але додає до них іще семантичний компонент *включеність мовця у однорідну мовну спільноту*: [competence is that knowledge about the native language which is acquired along with the language used by ideal speaker/listener of a homogeneous speech community (i.e. free from dialectal and sociolectal variations)]. До цього трактування поняття *компетенції* словник додає сему *потенційна здатність мовця продукувати і розуміти безмежну кількість висловлень* [the speaker can theoretically produce and understand an infinite number of utterances]. Ця здатність мовця спирається на наявну *безмежну кількість елементів* (звуків і слів), а також синтаксичних *правил*. [due to an infinite inventory of elements (sounds, words) and syntactic rules, the speaker can...].

Crystal розпочинає велику за обсягом статтю (370 слів) *competence* уточненням про те, що це лінгвістичний термін, який варто розглядати в параметрах генеративної граматики [a term used in linguistic theory, and especially in generative grammar] і відрізнити його від Соссюрівського терміну *langue* [there are important differences between the definitions of competence and langue], В термінологічній парадигмі Н. Хомського термін *competence* позначає *знання мовцями своєї мови*, при цьому до поняття *знання мови* входить, згідно джерелу Crystal, *система правил*. Ці знання уможливають продукування і розуміння *безмежної кількості* речень і розпізнавання *граматичних помилок*: [speakers' knowledge of their language, the system of rules which they have mastered so that they are able to produce and understand an indefinite number of sentences, and to recognize grammatical mistakes]. Помітно, що обидва джерела (Routledge і Crystal) акцентують передусім знання *граматичної* системи мови, розпізнавання *граматичних помилок* [syntactic rules; grammatical

mistakes]. Побіжно варто зауважити, що Routledge відносить вміння оцінювати граматичну правильність висловлення не до *мовної компетенції* (як це робить Crystal), а до *користування мовою* [*performance* refers to the ability of the speaker to pass judgment on the grammaticality of sentences].

Не дивно, що словники експлікують дискусійність певних постулатів стосовно дефінованих термінопонять, про що свідчать наступні слова в дефініційних статтях: [linguistic theories based on the notion of competence have been reproached for being too idealistic] (Routledge), [there has been criticism from linguists..., a particularly strong line of criticism emerged..., there are problems in deciding...] (Crystal). Для виходу із дискусійних ситуацій словники пропонують уточнюючі терміни *communicative competence*, *pragmatic competence*, роблячи внутрішнє посилання на відповідні статті, а іноді надаючи пояснення цим термінам: [*communicative competence* subsumes the social determinants of linguistic behaviour, including such environmental matters as the relationship between speaker and hearer, and the pressures which stem from the time and place of speaking]. Комуникативна компетенція, згідно Кристала, є *внутрішнім усвідомленням* мовцем відповідних (часових, соціальних, ситуативних) обмежень, враховуючи які він може бути *ефективним* комунікантом: [a tacit awareness of such communicative constraints – what speakers need to know in order to communicate effectively in socially distinct settings].

Термінологічною парою, із якою неодноразово порівнюється дихотомія Хомського *competence* VS *performance*, є Соссюрівське протиставлення *langue* VS *parole*. При цьому наголошується, що *performance* Хомського і *parole* Соссюра практично ідентичні один одному, а їхні протиставлені члени *competence* і *langue* не є такими: [“*performance*” and “*langue*” are quite different from each other. “*Langue*” is a static system of signs, whereas “*competence*” is understood as a dynamic concept, as a mechanism that will generate language endlessly]. Сукупність всіх дефініцій термінологічної одиниці *competence* надає можливість виокремити набір сем – компонентів її значення. До цього набору входять семи: *знання рідної мови*, в тому числі знання *граматичних правил*; *здатність продукувати і розуміти безмежну кількість реальних висловлювань*; *включеність до мовної спільноти*. Сема *розпізнавання граматичних помилок і двозначностей* почутих висловлювань є «мігруючою» між термінами *competence* і *performance*, у різних словниках вона експлікується дефінітивними ознаками у складі то одного, то другого терміну. З нашої точки зору переконливішою є трактовка словником Routledge: таке розпізнавання є складовою мовної компетенції (*competence*).

Різничитання певних нюансів пояснюється не ідентичністю лінгвістичних теорій, на які спираються укладачі кожного із довідникових видань вибірки. Про це частково свідчить перелік посилань, що міститься в кожній статті. Кожне із

посилань є рекомендацією звернутись за детальнішим розглядом того чи того постулату, який відстоюється у словниковій статті, а отже відбиває теоретичне тло всього допису. Збігів у переліках посилань в різних словниках небагато: це перехресні посилання (стаття *competence* пропонує звернутись до статті *performance* і навпаки), статті присвячені тлумаченню діади Хомського пропонують детальніше ознайомитись із діадою Соссюра і навпаки. Схожими є посилання на генеративну/трансформаційну граматику, а також посилання на статті *grammar* і *grammaticality*. В двох словниках через внутрішнє посилання пропонується звернутись до окремої статті *communicative competence*.

Решта внутрішніх посилань другого ступеню для кожної із статей *competence* і *performance* є індивідуальними за переліком і такими, що значно варіюють кількісно (від 2 посилань в ELL *performance* до 20 – в *competence* Д.Кристала). Окремо зауважимо, що вищенаведений аналіз цих двох термінів було виконано на матеріалі 3, а не 4 словників вибірки. Причина полягає у тому, що словник OLDТ містить статті *competence mistake* і *performance mistake*, але у вокабулярі цього джерела відсутні окремі статті *competence* і *performance*. Із змісту наявних статей користувач може уявити різницю між ними. Статті побудовані дзеркально: *competence mistake* [Chomskyan terminology denoting speech or writing errors that result from ignorance of the language...As opposed to *performance mistakes*, which result from problems – such as tiredness or nervousness – that affect your physical ability to use a language that under normal circumstance you would speak or write quite well]. *Компетентністні помилки* протиставляються *помилкам виконання*, перші обумовлені неадекватним володінням мовою [ignorance of the language], другі є результатом втоми або знервованості мовця [result from problems –tiredness or nervousness]. Стаття *performance mistake* у зворотному порядку відбиває це саме протиставлення і на звершення додає, що термін був створений Н. Хомським [coined by Noam Chomsky] і широко вживався в його книзі [popularized in his book *Aspects of the Theory of Syntax* (1965)].

Останньою лексемою, що входить до *зони ближньої периферії* номінативного поля субконцепту LANGUAGE, є термін *dialect*. Розглядаємо його на матеріалі 4 статей основної вибірки. До трьох із них тягнуться ниточки внутрішніх посилань із дефініційних статей *ядерної одиниці language*. Від статті у словнику OLDТ посилань немає взагалі, але вокабуляр довідника містить самостійну статтю *dialect*, яка теж включена в розглядувану зараз групу.

Словникові дефініції лексеми *dialect* варіюють у своєму обсязі від 110 слів (OLDТ) до 840 слів (Crystal), при цьому значних варіацій у наборі семантичних складників не спостерігаємо. До визначальних відносяться:

(*) сема *варіант мови*, експлікація у статтях відбувається завдяки дефініційним ознакам: [a form

of speech, a version of language], [a variety of languages..., individual languages...], [subdivision of language];

(*) сема *регіональна, соціальна обмеженість мовців*, що користуються цим різновидом мови, її дефініційні ознаки: [a form of speech peculiar to a region or to a specific group of speakers], [variety of language associated with a particular regional and/or social background], [a linguistic system that is tied to a specific region], [(any language develops dialects if) there are geographical barriers separating groups of people...divisions of social classes];

(*) сема *субстандартність, відсутність стандарту*, яка експлікується в дефініціях таким чином: [a subordinate version of a language that has non-standard pronunciation...], [lack of standardization; does not have a standardized form, officially standardized rules];

* сема (фонетичні, граматичні і словникові) *відмінності мовних проявів діалекту*: [a version of a language that has non-standard pronunciation, grammar, or vocabulary], [marked by features of grammar, vocabulary and accent], [regionally distinctive words (are) distinct in form, sense or pronunciation; usages in vocabulary, grammar and pronunciation are socially based].

Висновки. Розлогіші статті *dialect*, що входять до аналізованої групи, крім експлікації зазначених семантичних складових терміну, уточнюють різновиди діалектів (із наданням їх таксономії) і указують різновиди лінгвістичних досліджень діалектів. До різновидів діалектів зараховуються: *reginal /local / territorial / geographical dialects, rural VS urban dialects, social / class / occupational dialects = sociolect / register / diatype / variety*.

Дослідження діалектів відбувається у межах цілої низки лінгвістичних дисциплін: *dialectology, linguistic geography, sociolinguistics, dialectometry*, словники дають початкову інформацію про такі наукові поняття у відповідній сфері, як *dialect atlas, isoglosses, diasystems*. Більш глибокі знання можуть бути отримані у відповідних статтях словника, до яких є внутрішні посилання, або у інших джерелах наукової інформації, бібліографічні описи яких запропоновані користувачеві у зовнішніх посиланнях (таких у словнику Routledge у розділі References наховується сім позицій).

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Козлова Л.А. Отражение этнокультурных особенностей менталитета в синтаксических

категориях агентивности/неагентивности (на материале английского и русского языков). // Человек. Язык. Культура: сборник научных статей, посвященных 60-летию юбилею проф. В.И.Карасика: в 2-х частях. – Киев: Издат.дом Д.Бураго, 2013. –Изд-е 2-е испр. – Часть 1. С. 532–538.

2. Кубрякова Е.С. Особенности речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона Человеческий фактор в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1991. С.141–172.

3. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

4. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.

5. Теркулов В.И. Части речи и тождество номинатемы. Человек. Язык. Культура: сборник научных статей, посвященных 60-летию юбилею проф. В.И.Карасика: в 2-х частях. – Киев: Издат.дом Д.Бураго, 2013. –Изд-е 2-е испр. – Часть 1. С.25-31.

6. Швачко С.А. Диахроническая память слов.// Человек. Язык. Культура: сборник научных статей, посвященных 60-летию юбилею проф. В.И.Карасика: в 2-х частях. – Киев: Издат.дом Д.Бураго, 2013. –Изд-е 2-е испр. – Часть 1. С.166–173.

7. Biber D. et al. Longman Grammar of Spoken and Written English Forword by K. Quirk. – Lnd.: Pearson Education Ltd, 1999. 1204 p.

8. Chafe W. Discourse, Consciousness, and Time/ – Chicago, Lnd: University of Chicago Press, 1994. 327 p.

9. Langacker R.W. Concept, image and symbol: The cognitive basis of grammar. Berlin. 1991.

Матеріал дослідження

10. Online Cambridge dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/>

11. Online Webster dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/>

12. Online Macmillan dictionary URL: <http://www.macmillandictionary.com/>

13. Online Oxford dictionary URL: <https://en.oxforddictionaries.com/>

14. The American Heritage Dictionary of the English Language, Fifth Edition copyright 2017 by Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company. URL: <https://ahdictionary.com/word/search.html>

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Шиповская Людмила Павловна

*доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии
Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ);
125319, Москва, Ленинградский проспект, 64,
+7(499) 155-03-97*

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК МОРАЛЬНОЕ КАЧЕСТВО ЛИЧНОСТИ

Аннотация. Понятие «толерантность» употребляется часто. На быденном языке «толерантность» означает что другие люди могут иметь другую веру, традиции, другой цвет кожи, свою культуру. Терпимость в отношении людей, отличающихся от нас, предполагает, что мы сознаем существование скрывающихся под различиями сходств и тождеств. Формирование культуры толерантности сопряжено с рассеиванием проблемы истины и приобретает новые формы в свете происходящей ныне глобализации. Глобализация наглядно демонстрирует неисчерпаемое многообразие социокультурных традиций и форм общественного устройства, норм взаимоотношений и ценностных ориентации, присущих разным сообществам и одновременно угрожает им. Превратное понимание толерантности превращает ее в требование терпимости к самым крайним проявлениям цинизма, терпимости, а вернее, попустительству пороку и безнравственности. Необходимо формировать толерантности, как моральное качество личности, в интересах успешности ведения «культурного» диалога и в целях предотвращения межкультурных конфликтов с различными социальными, культурными группами или их представителями.

Ключевые слова: толерантность, глобализация, коммуникационные потоки, русский менталитет, мультинациональное общество

Этнические различия проявляются в том, как люди одеваются, как они едят, жестикулируют, в их излюбленных позах, хотя все люди на земле одеваются, едят, стоят и сидят. Эти различия и есть проявление разных культур, обычаев и традиций. И если, как нам кажется, люди ведут себя как-то странно, не стоит спешить с умозаключениями и с оценками, лучше постараться узнать и понять другую культуру. Эти знания – ценный багаж в любой ситуации, за исключением, пожалуй, одной – жизни на необитаемом острове. Только таких островов на земле почти не осталось.

Если посмотреть на конфессиональные положения, говорящие о том, как относиться к другому человеку, отличному от нас, то окажется, что разные религии описывают это одним языком. Такие нормы человеческого сознания и поведения еще называют толерантными.

В последние годы понятие «толерантность» употребляется всё чаще и чаще. Дело в том, что многим людям надоело притеснения, и они хотят открыто выражать свои взгляды. Увы, но многие переводят слово «толерантность» на русский язык как «терпимость», то есть пассивный процесс, подразумевающий негативное отношение, но отсутствие прямого выражения неприязни. Но это не совсем то, что закладывалось в термин изначально. Важно не терпеть, а именно принимать. Толерантность – это моральные нормы поведения, принятие принципов веры, традиций, ощущений других, как их неотъемлемой право. На быденном языке означает что другие люди могут иметь другую веру, традиции, другой цвет кожи,

свою культуру. Толерантность подразумевает то, что Вы будете относиться к этим людям точно так же, как и другим – не проявлять к ним неприязнь, исходя лишь из того, что они отличаются от Вас по каким-либо признакам. В 1995 году в ЮНЕСКО были изложены основные принципы толерантности: отказ от агрессии, терпение, спокойное восприятие мира, философская оценка жизненных принципов и проявлений характера других людей. Говоря простыми словами, толерантный человек – это милосердный и прощающий, уважающий чужие права и свободы, поддерживающий принципы партнёрства и равенности отношений человек. Благодаря распространению толерантности в последние годы происходит всё больше каминг-аутов — люди всё меньше боятся признаться в том, что они не такие, как большинство из нас. Терпимость в отношении людей, отличающихся от нас, предполагает, что мы сознаем существование скрывающихся под различиями сходств и тождеств; например, «...сознаем принадлежность отдельных групп к человечеству в целом»³². Сдержанность в отношении людей, которые отличаются от нас своими убеждениями и привычками, требует понимания того, что мир не прост и многолик. Способность постигать разнообразные аспекты истины или осознавать ограниченность истин, в которые мы сегодня верим, появляется благодаря рациональному и терпеливому анализу трудностей, с которыми сталкивается любое познание, а также духу религиозного смирения, готовому признать

³²Васильев В. Толерантность - важный фактор культуры// Центральная Азия и культура мира. – 1998. - № 2-3 (5-6) / <http://www.asiajournal.to.kg/ru>

условный и исторический характер самой «абсолютной» из всех истин.

Формирование культуры толерантности сопряжено с рассеиванием проблемы истины и приобретает новые формы в свете происходящей ныне глобализации. Под ее воздействием мир становится все более проще.

Различные культуры, религии, цивилизации взаимодействовали и прежде. При этом нередко возникали и острая вражда, и нетерпимость. Однако их основные очаги были разделены территориально, будучи как бы отгороженными друг от друга, «...ныне глобальные коммуникационные, финансовые, миграционные потоки пробили огромные бреши в существовавших барьерах, спрессовывая разные культуры и образы жизни в едином пространстве мирового социума»³³. Складывается плотная, всепроникающая сеть общественных взаимоотношений. Нетерпимость в этих условиях генерирует высокие напряжения, способные блокировать жизнедеятельность общественных систем, как на национальном, так и на мировом уровнях.

Вместе с тем глобализация наглядно демонстрирует неисчерпаемое многообразие социокультурных традиций и форм общественного устройства, норм взаимоотношений и ценностных ориентации, присущих разным сообществам и одновременно угрожает им.

«Толерантность – искренняя, осознанно уважительная терпимость, специфическая психологическая установка, ориентирующаяся на уважительное восприятие чужой этнической и религиозной самобытности, других культур, обычаев и образа жизни, нравственных ценностей и мировоззренческих убеждений, проявлений человеческой индивидуальности как достойных уважения, связанная с активным психологическим процессом, направленным на внутреннее психологическое преодоление или ослабление нетерпимости и не восприятия «чужого» на уровне собственного менталитета, связанная с волевыми усилиями по ослаблению реакции на какой-либо неблагоприятный фактор в межрелигиозных, межнациональных и, в целом, межличностных отношениях и стремлению к взаимопониманию и мирному сосуществованию»³⁴.

Толерантность представляет собой весьма сложное явление. Практически все современные исследователи говорят о фундаментальной его противоречивости, и часто его объявляют невозможным явлением (хотя, одновременно, и необходимым).

В различные времена у разных народов их ментальные характеристики толерантности приобретают различное выражение: компромисс, ненасилие, непротивление, равнодушие и т. п. Одним из аналогов толерантности, коренящимся в

русском менталитете, является понятие терпимости. История России являет собой образец терпения и постоянного жертвенного служения: вечную готовность, твердую выдержку.

Россия, в отличие от Европы, сохранила все свои этносы, да и самой Европе неоднократно помогала выжить, оберегая ее границы. В русском народе слабо чувство национального эгоизма и исключительности, ему в большей мере присуще чувство взаимопомощи, и, следовательно, толерантного отношения к другим народам.

В России существуют элементы своеобразной педагогики толерантности. В официальном документе - межведомственной программе «Основы формирования установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в гражданском обществе»³⁵ заявлено о необходимости разработки и внедрения системы учебных программ и тренингов для всех ступеней образования в России, эффективных социокультурных технологий, распространения норм толерантного поведения и противодействия различным видам экстремизма и этнофобии, внедрения в социальную практику стандартов культуры толерантного поведения. Эта работа ведется. Она составляет одну из актуальных сторон деятельности ряда межрегиональных институтов общественных наук.

Вместе с тем толерантность - это не есть терпимость или требование обязательной терпимости вообще ко всему. Превратное понимание толерантности превращает ее в требование терпимости к самым крайним проявлениям цинизма, терпимости, а вернее, попустительства пороку и безнравственности, приводит к их оправданию и даже прославлению порока.

Обязательным условием раскрытия содержания интересов каждого этноса, который может выжить и развиваться в наше непростое время при толерантных взаимоотношениях, является использование объективных самоочевидных критериев, призванных отражать интересы именно всей общности, а не только ее элиты.

Националистические настроения опасны еще и тем, что их носители тщательно скрывают свои истинные цели и намерения. На поверхность выносятся демагогические рассуждения о родном языке, о «погубленной» национальной культуре. Такая демагогия способна на некоторое время дезориентировать часть населения.

В целом русский народ при всех издержках и националистических всплесках обладает достаточно стойким иммунитетом против абсолютизации своего влияния и игнорирования прав и культуры других народов, что выражается в толерантном отношении ко всему «нерусскому». Может быть, поэтому русский национализм

³³ Толерантность / Общ. ред. М.П. Мчедлова. - М.: Республика, 2004. С. 276

³⁴ Понкин И.В. Толерантность и толерантизм в светском государстве// <http://www.ni-journal.ru>

⁴ <http://www.innovations.ru>

никогда не достигал высот большой политической и социальной силы, подминающей под себя интересы других народов. Русские по своей сути, образу жизни и установкам были и пока продолжают оставаться наиболее интернационалистски настроенным народом, открытым всему миру.

Этническая толерантность является основным средством при достижении гармонии национальных отношений в мультинациональных обществах.

С аксиологической точки зрения позиция толерантности выступает как защита бесценного дара жизни, который человек получает от Бога и которым *не волен распоряжаться ни другой человек, ни любая социальная группа или организация, включая и государство.*

Современная толерантность есть терпимость в ситуации параллельного существования со всем культурно и общественно иным без насильственного уподобления или отождествления.

Необходимо формировать толерантности, как моральное качество личности, в интересах успешности ведения «культурного» диалога и в целях предотвращения межкультурных

конфликтов с различными социальными, культурными группами или их представителями.

Призвание, назначение, задача всякого человека - всесторонне развивать все свои способности, внести личный вклад в историю, в прогресс общества, его культуру, смысл жизни общества.

Смысл жизни заключен в самой жизни, ее вечном движении как становлении самого человека. Если человек не оставил после своей жизни тени, значит, его жизнь по отношению к вечности была лишь призрачной[7].

Литература:

1. Васильев В. Толерантность - важный фактор культуры// Центральная Азия и культура мира. – 1998. - № 2-3 (5-6) / <http://www.asiajournal.to.kg/ru>
2. Толерантность / Общ. ред. М.П. Мчедлова. - М.: Республика, 2004. С. 276
3. Понкин И.В. Толерантность и толерантизм в светском государстве//
4. <http://www.ni-journal.ru>
5. <http://www.innovations.ru>
6. <https://proslo.ru/tolerantnost-chto-jeto/>
7. Шиповская Л.П. Смысл жизни. Потребность быть личностью// СЕРВИС PLUS. - 2008. - № 4

#10(62), 2020 część 5

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe
(Ukraina, Kijów)

Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

#10(62), 2020 part 5

East European Scientific Journal
(Ukraine, Kiev)

The journal is registered and published in Poland. The journal is registered and published in Poland. Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in **English, German, Polish and Russian.**

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

**Dawid Kowalik (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**

**Peter Clarkwood(University College
London)**

**Igor Dziedzic (Polska Akademia
Nauk)**

**Alexander Klimek (Polska Akademia
Nauk)**

**Alexander Rogowski (Uniwersytet
Jagielloński)**

Kehan Schreiner(Hebrew University)

**Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**

**Anthony Maverick(Bar-Ilan
University)**

**Mikołaj Żukowski (Uniwersytet
Warszawski)**

**Mateusz Marszałek (Uniwersytet
Jagielloński)**

**Szymon Matysiak (Polska Akademia
Nauk)**

**Michał Niewiadomski (Instytut
Stosunków Międzynarodowych)**

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

1000 kopii.

**Wydrukowano w Ukraina, Kijów,
Pobedy Avenu, 56/1, Biuro 115**

**Sp. z o.o."Grupa Konsultingowa
"Образование и наука"**

**Ukraina, Kijów, Pobedy Avenu, 56/1,
Biuro 115**

E-mail: info@eesa-journal.com,

<http://eesa-journal.com/>

**Reprezentacja czasopisma naukowego
w krajach afrykańskich.**

Republika Angoli.

ADAMSMAT_SU_LDA,

**Sede: Rio Longa_ prédio Z11 Quarteirão Z,
N*23, Município: BELAS, província: LUANDA**

E_mail: Adamsmat@mail.ru

Contribuinte n* 5417331007

Tel:+244-929527658

**Dawid Kowalik (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**

**Peter Clarkwood(University College
London)**

**Igor Dziedzic (Polska Akademia
Nauk)**

**Alexander Klimek (Polska Akademia
Nauk)**

**Alexander Rogowski (Uniwersytet
Jagielloński)**

Kehan Schreiner(Hebrew University)

**Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**

**Anthony Maverick(Bar-Ilan
University)**

**Mikołaj Żukowski (Uniwersytet
Warszawski)**

**Mateusz Marszałek (Uniwersytet
Jagielloński)**

**Szymon Matysiak (Polska Akademia
Nauk)**

**Michał Niewiadomski (Instytut
Stosunków Międzynarodowych)**

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

**Printed in the Ukraine, Kiev, Pobedy
Avenue, 56/1, office 115**

**LLC "Consulting group
"Образование и наука"**

**Ukraine, Kiev, Pobedy Avenue, 56/1,
office 115**

E-mail: info@eesa-journal.com,

<http://eesa-journal.com/>

**Representation of a scientific journal in
African countries:**

Republic of Angola

ADAMSMAT_SU_LDA,

**Sede: Rio Longa_ prédio Z11 Quarteirão Z,
N*23, Município: BELAS, província: LUANDA**

E_mail: Adamsmat@mail.ru

Contribuinte n* 5417331007

Tel:+244-929527658